

МЫ

ISSN 0236-3283

10

ПО-ПОЛЬСКИ В ЛИТВЕ —

тема очерка
Николая Лашкевича

Главный редактор
Геннадий БУДНИКОВ

Редакционная коллегия:

Сергей АБРАМОВ
Игорь ВАСИЛЬЕВ
(ответственный секретарь)
Альберт ЛИХАНОВ
Дмитрий МАМЛЕЕВ
Георгий ПРЯХИН
Григорий ТЕРЗИБАШЬЯНЦ
(заместитель главного редактора)

Главный художник
Валерий КРАСНОВСКИЙ

Художественный редактор
Елена СОКОВА

Технический редактор
Ольга ЛАЗАРЕВА

На первой странице обложки
фото
Александра ЗЕМЛЯНИЧЕНКО

© "МЫ", 1990
Издательство "Дом"
Советского детского фонда
имени В. И. Ленина
Адрес: 101963, Москва,
Армянский переулок, 11/2А.
Телефон: 923-66-61

Отпечатано в типографии
АО Принт-Юстиэт
Сонипринт Финляндия
при посредничестве
В/О "Внешторгиздат"

Сложено в набор 10.09.90 г.
Подписано в печать 03.10.90 г.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 10,1
№ — изд. л. 12,73. Тираж 1750000

10/90

МЫ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ЖУРНАЛ
ДЛЯ ПОДРОСТКОВ
СОВЕТСКОГО
ДЕТСКОГО ФОНДА
ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА

СОДЕРЖАНИЕ

Николай Лашкевич. Уроки польского	2
---	---

ПРОЗА, ПОЭЗИЯ

Владимир Старостин. Дожить до дембеля. Повесть	15
Зарубежная фантастика. Роберт А. Хайнлайн.	
Гражданин Галактики. Роман.	
Перевод с английского. Продолжение	58
Валерий Винокуров. Мамин голос. Три рассказа	156
Борис Слуцкий. Для кого-то пришла пора...	
Из неопубликованного. Стихи	50

ПРОБА ПЕРА

Таня Смолярова. На дачных перронах. Стихи	129
---	-----

ХОЧЕШЬ БЫТЬ ДЕЛОВЫМ?

Менеджмент – тропинка к успеху	53
--------------------------------------	----

О СПОРТ, ТЫ – ВЫЗОВ!..

Андрей Баташев. Двое против судьбы	147
--	-----

ГОВОРЯ ОТКРОВЕННО

Лариса Кислинская. Наркомания без сенсаций	132
Проблема из конверта: А я люблю карты!..	
Дождь на Острове Радости, или Все до фени	141
Твоя семейная роль. Кризис с мамой	12
Наталья Щербаненко. Мода: художник и улица	175
Рок-энциклопедия	183

Николай ЛАШКЕВИЧ

УРОКИ ПОЛЬСКОГО

Фото
Александра ЗЕМЛЯНИЧЕНКО

— Пани учительница, мне непонятно слово во втором упражнении...

— Это — "неопределенная форма глагола". Какой вопрос, Марек, надо задать, чтобы установить неопределенную форму глагола?

— Что делать...

— Правильно. Что Йолита?

— А я уже сделала задание.

— Подожди минуточку, и мы начнем разбирать упражнение...

...Урок польского в шестом классе 55-й вильнюсской средней школы идет по давно заведенному порядку. Вопросы, ответы, разъяснения, закрепление, повторение пройденного... Польская речь звучит мягко и напевно,

— "проше", "дзенькуе пани наuczыцэлка", — особенно у пани учительницы — так зовут преподавателя польского языка и литературы Кристину Жабелович её ученики. Им, конечно, далековато до "варшавского" произношения своей классной руководительницы. Иногда они сбиваются, путают слова, неправильно ставят ударение, но упрекать их в этом, право слово, рука не поднимается, так как по-польски они общаются только между собой в классе, с учителями, преподающими все школьные дисциплины, само собой разумеется, только на польском языке, да дома, в семье. Во дворе приходится разговаривать сразу на трех языках: польском, русском и литовском. Отсюда — трудности. Нет-нет да в польской речи проскользнет русское слово или искаженное литовское. Кстати, все 19 учеников этого класса, как утверждает Кристина, владеют этими языками. Свободно разговаривают и читают. "Они у меня настоящие полиглоты", — улыбается она.

Класс словно маленький польский островок в русскоязычной школе, расположенной в новом вильнюсском микрорайоне Юстинишкес. А начинался он так. Шесть лет назад, надо полагать, в порядке эксперимента, решили образовать из первоклашек чисто "польский" класс. Безусловно, решающее слово здесь сказали родители ребят, тем более, что проблем с преподавателями не было. И раньше в 55-й в достатке

было учителей, владеющих польским языком. Кристина Жабелович, например, закончила факультет польского языка и литературы в Вильнюсском педагогическом институте, поэтому с удовольствием взялась, как только представилась возможность, вести польский класс. Теперь уже таких классов в школе три. И наверняка их число будет расти: в школе ведь учатся около 33 процентов поляков. Они все чаще переходят обучаться школьным наукам на родном языке, несмотря на то, что сделать это, ох, как трудно... Почему трудно? Да все потому же: ребятам не хватает постоянного общения на родном языке. К тому же многие начинали учебу в русских классах, переход на другой язык обучения всегда очень болезненен.

Конкретный пример из жизни нынешних шестиклассников. Недавно в их класс пришла девочка, ранее занимавшаяся в классе с русским языком обучения. Сам видел, как трудно ей приходится. Во время урока несколько раз Кристина подходила к ней, выясняла, что непонятно. Программа, учебники, методические пособия, литература, язык (не разговорный, виленский, а литературный) — всё внове. Но, судя по всему, дела у неё пойдут. Главное, она не стесняется в ходе урока ошибаться и спрашивать. И одноклассники не посмеиваются. А это очень важно, когда над тобой не смеются.

Семейные традиции — это не только память о прошлом. Это наша сегодняшняя жизнь и надежда на будущее.

В Литве проживает около 260 тысяч поляков. Из них дети школьного возраста — 50 тысяч человек. В школах с польским языком обучения училось 10636 ребят.

Таков сухой язык статистики. Итоги, как видим, пока неутешительные: на родном языке обучается всего пятая часть школьников. Но еще раз подчеркну, число желающих "грызть гранит науки" на родном языке с каждым годом растет. В Юстинишкес собираются построить отдельную польскую школу. Все-таки непросто учиться в школе со смешанным языком обучения. Именно поэтому в 55-й выбрали обучение на родном языке всего 185 польских ребят. Это составляет 1/4 всех учеников-поляков.

— Однако я уверен, — сказал мне директор школы Милош, — что новая школа, будь она построена, была бы полностью укомплектована. Уже сейчас из близлежащих микрорайонов, дугой опоясавших Вильнюс, можно набрать более 800 учеников. Думаю, что городские власти пойдут навстречу пожеланиям родителей. Ведь число "польских" школ в городе всего три, во многих других положение, схожее с нашим: преподавание ведется по смешанному принципу — есть польские и русские классы.

Впрочем, лишь педагоги усматривают в этом свои педагогические сложности. Для ребят вопрос межкультурного общения не стоит. Сложно учиться в русской школе,

*Услышьте наш голос,
наше слово,
поймите нас.*

спрашиваю. Удивляются: почему сложно? Иолита Дашкевич, например, прекрасно говорит по-русски, правда, небольшой мягкий акцент у нее есть. Иолита, между прочим, классный вундеркинд. Её одноклассник Марек Зинкевич про нее мне с завистью сказал: "На год меня младше, а такая длинная..." И добавил со вздохом: "И учится хорошо..."

— Это бабушка Владислава, — говорит Иолита, — с детства держала меня в этих... как это? — подыскивает она слово, — ежовых рукавицах, вот! В шесть лет я уже умела читать и писать по-польски, так что мне, шестилетней, идти в первый класс было не страшно.

У Иолиты, как у абсолютного большинства её одноклассников, семья верующая. По вероисповеданию она католик. Каждое воскресенье всей семьей ходят в костел. Впрочем, в польских семьях в Литве религиозность всегда стояла на первом плане. И никто из родителей и учеников из польских семей, за редким исключением, не возражает против введения уроков "закона божьего". Религиозность накладывает особый отпечаток на атмосферу занятий в классе. Представьте себе, впервые познакомился с классом, который на переменках не орет, не тусуется, разговаривая друг с другом, не издает боевые кличи, требуя к себе повышенного внимания. Один другого слышит без хватаний за лацканы форменного пиджака. Католический костел любит тишину...

Кстати, среди литовских ксендзов немало поляков по происхождению, многие священнослужители-литовцы в совершенстве владеют польским языком, на котором часто ведется богослужение. В классе Иолиты есть мальчик, который прислуживает ксендзу во время мессы. Так вот: эта "должность" вызывает у ребят, как я успел заметить, всеобщее уважение и даже гордость. Что ж, как говорится, дай бог...

Преподавание на польском языке ведется в 110 школах республики. В прошлом учебном году в 13 школах были открыты польские классы. Больше всего таких классов в Вильнюсском районе — 48.

Растет число польских школ и классов, растут — без них никак не обойтись — и проблемы. Ребята их чувствуют, что называется, на собственной шкуре. Это сейчас они учатся по польским учебникам, присланным из Польши Фондом помощи полякам, проживающим в СССР, а раньше и этого не было. Основное внимание в системе образования республик сосредотачивалось на литовских и русских школах. А для польских существовали программы, переведенные с литовского языка. Естественно, польским писателям, польской литературе в них уделялось мало внимания. Хорошо, что сейчас в Литве пытаются исправить положение. Уже создан ряд учебников и методических пособий, учитывающих польскую специфику средней

школы. Но пока "пани учительница" Кристина Жабелович учит своих учеников по учебникам, изданным в Польше. А там куча своих особенностей, которые с лету улавливают ребята из Польши, и с трудом — из Литвы. Потому-то в течение всего урока Кристина едва успевала отвечать на многочисленные вопросы своих шестиклашек.

Надо сказать, к литовским полякам в Польше отношение особое. Уже второй год с помощью упомянутого Фонда и Союза поляков, который действует в Литве, Кристина Жабелович возит своих учеников на каникулы в Польшу. Между прочим, абсолютно бесплатно. Нынче ребята три недели прожили в горах, в детско-юношеском лагере. Кроме того, почти каждый из учеников регулярно навещает родственников, проживающих в Польше. У Марека Зинкевича, к примеру, родственники живут в Варшаве, Гожуве, других городах — и всех их Марек уже успел навестить. Иолита тоже, как выяснилось, великая путешественница. Так и не могла мне точно сказать, сколько же раз она побывала за границей, загибала пальцы, загибала — сбилась со счета. А родственников сколько? Ой, много, вздохнула она. Тут польским ребятам можно лишь позавидовать. Что-то я не припомню, чтобы наши юные соотечественники за рубежом приезжали к нам на каникулы погостить, подучиться родному языку...

В 1989 году 33 процента поляков, выпускников средних школ, поступила в вузы: из 522 абитуриентов 172 стали студентами, в том числе 53 человека — в вузах Польши.

Конечно, нынешним шестиклассникам еще далеко до окончания школы, хотя я не нашел в классе такого ученика, который точно не знал бы, кем он хочет быть. Поначалу, признаться, удивился, когда узнал, что многие свое будущее связывают... с танцами. Ларчик, оказывается, просто открывался. Почти все ребята занимаются в танцевальном кружке при известном ансамбле "Вилля". Привела их туда классная руководительница. Кристина там танцует со школьной скамьи. Вот и привила своим ученикам любовь к народному польскому танцу. Иолита мне прямо заявила, что без краковяка, полонеза "она жить не может". Марек был сдержаннее, признался, что однажды во время концерта в вильнюсском Дворце спорта он так переволновался под палящим светом "юпитеров", что упал на сцене — плохо стало...

Но, конечно, сами понимаете, лишь для немногих искусство танцора станет настоящей профессией. А где учиться дальше? Многие ученики уже сейчас подумывают об учебе в Польше, но вот записка: где найти работу в родной Литве, если во время учебы в польском вузе основательно запустишь изучение литовского языка? А без знания его трудно — литовский язык объявлен госу-

дарственным, знать его надо. Уже сейчас некоторые выпускники польских вузов остаются в Польше, а стало быть, Литва теряет специалистов. Надежды возлагаются на создание польского вуза в Литве. Пока вопрос остается открытым, но, может быть, нынешние шестиклассниками спустя пять лет и станут студентами высшего учебного заведения Литвы, где преподавание будет вестись на родном языке. Поживем — увидим...

— Ребята, повторяю задание: выучить виды глагола. Марек, в следующий раз ты расскажешь нам, что пишут польские газеты.

— Хорошо, пани учительница.

— Иолита, не забудь принести томик стихов Адама Мицкевича.

...А потом, после урока польского, мы сидели с Иолитой и Марек, и они рассказывали мне о своих увлечениях, родителях, о Польше, о жизненных планах, о торжественной тишине костела, о своих одноклассниках, родном языке и, конечно, о своей учительнице. "Мы — поляки", — гордо сказал мне Марек. Думаю, это главный урок, который вынесут они с уроков польского.

Главный потому, что, где бы ты ни жил, только через национальное самосознание, через ощущение себя частью своего народа, можно понять другой народ. Понять — и уважать его, говорить на его языке, а не только на своем. Так что уроки польского — это уроки человечности.

Разве не так?

ТВОЯ СЕМЕЙНАЯ РОЛЬ

КРИЗИС С МАМОЙ

Мы уже давно живем с мамой вдвоем, и, поверьте, я не самая плохая дочь. Я о ней забочусь, помогаю по дому, возжужу в кино. Но в последнее время мама стала очень раздражительной. Что ни сделаю, все не так. Ищет повода, чтобы придрататься. Я перестирала кучу белья, а она вытащила из шкафа одну кофточку – забыла я, что она грязная, – и скандал. Я вымою пол, а она может пройти в уличных туфлях и сказать: "Ничего, потом подотру, все равно перемывать". Со стороны это может показаться мелочами, но когда каждый день... Словом, испортились наши отношения. Сегодня, накричав, она заявила, чтобы я сидела дома и не смела никуда ходить, хотя знала, что я должна встретиться со своим другом. А сама надела свой выходной костюм и отправилась в кино. Что же мне делать? Как наладить отношения?

Марина,
Ставрополь

Хорошо, Марина, что ты стремишься отношения наладить. Но для этого надо понять, почему мама раздражена. Может, у нее неприятности на работе? Не успевает подготовить доклад или не ладится диссертация (я не знаю, чем занимается мама), не может съездить в необходимую командировку – боится тебя оставить одну, хотя ей, судя по всему, неплохо бы сменить обстановку... Тебя она, видимо, не посвящает в свои дела. Не воспринимает как взрослую... Это естественно, ты всегда будешь для нее ребенком.

А может быть, все дело в том, что маме сорок лет или под сорок. В отрочестве, юности (тебе пятнадцать или шестнадцать?) человек не задумывается об особенностях сорокалетнего, тем паче шестидесятилетнего возраста – кажется, это так далеко! Но ведь надо хоть немного знать, что происходит с твоими близкими.

С одной стороны, мама еще молода, с другой – не настолько, чтобы легко знакомиться, устраивать личную жизнь. Может, она упустила в свое время этот момент и не вышла второй раз замуж, боясь

снова обжечься. Критический возраст; теперь с каждым годом все труднее и труднее будет что-то изменить...

Да, у нее есть ты, но пройдет всего два года, и у тебя будет своя — студенческая, рабочая — жизнь. Конечно, мама будет радоваться, если у тебя все хорошо сложится, но твоя самостоятельность связана у нее и с нарастанием одиночества.

Если же у мамы кто-то сейчас появился, то ей тоже нелегко. Она наверняка стесняется тебя — поймешь ли? Разрывается между двумя людьми. Как говорится, и голову ломаешь, и сердце надрываешь... Отсюда и расхолодившиеся нервы.

Как ты понимаешь, я все это лишь предполагаю. Чтобы ты в стремлении наладить отношения смогла учесть и такую, скрытую от твоих глаз, сторону маминой жизни.

Но, может, все дело вовсе не в маме? Может, ее беспокоят твои школьные дела? Или поздние возвращения домой? Ты, кстати, познакомила ее со своим другом, что-то рассказывала о нем? У мамы есть основания ему доверять?

Что бы там ни было, выход

из конфликтной ситуации один — разрешить конфликт.

Как-то мне пришлось помогать в этом своим знакомым, маме и дочери Наташе. Наташа хотела отправиться с одноклассником в двухдневный поход с ночевкой, но мама не позволила. Тогда она решила проводить ребят до автостанции. На автостанции захотелось вместе с ними проехаться до места, а потом тотчас вернуться. Но автобусы уже не ходили, и ей пришлось заночевать в лесу. И она, и друзья переживали, что так случилось, чуть свет пошли ее провожать к остановке, чтобы она с первым же автобусом вернулась в Москву...

Когда она открыла дверь, обезумевшая от волнения мать назвала ее разными нехорошими словами, надавала пощечин... Наташа сбежала из дому и ни за что не хотела возвращаться.

И вот мы сидим втроем. Наташа еще и еще раз объясняет, отчего все произошло и говорит, как переволновалась.

— А почему ты не позвонила с автостанции? — спрашиваю ее.

— Я боялась: мама начала бы так кричать...

— Да, конечно, — вступает

мать. — Обо мне думать не надо. Я могу умереть от страха за тебя! Тебе все равно!

В подобных случаях психологи прибегают к ролевым играм, и я говорю Наташе:

— Пройдет пять-шесть лет, потом еще пятнадцать, ты будешь матерью взрослеющей дочери. И вот такая ситуация — как ты поступишь?

— Я хорошо понимаю, как мама переволновалась, — отвечает она, подумав, — но я бы все равно не стала так кричать на своего ребенка, называть его такими словами и бить по щекам.

— Ты бы еще не то сделала! Как я могла сдержаться, когда чуть не умерла?!

Все снова по кругу...

— Стоп! — говорю. — Мы уже выяснили: вы обе переволновались. Вы обе не виноваты и виноваты. Предлагайте выход.

Но ни та, ни другая выхода не видят, потому что не хотят идти на уступки. А маме

стоило бы сказать: "Что-то нервы у меня совсем сдали. Надо бы пустырник попить". А Наташе добавить: "Мне бы надо было заранее выяснить, ходят или не ходят автобусы..." Все, конфликт исчерпан. Объяснились, повинились, извлекли уроки. А если конфликт не исчерпывается, то при следующей стычке все завертится вновь, и мама снова может закричать: "Знаю я, чем вы там занимались в лесу!" И Наташа снова может хлопнуть дверью.

Так что, Марина, попробуй объясниться с мамой. Выбери подходящую минуту. Вот она пришла с работы, отдохнула немного, вы попили чаю...

— Мама, какие у тебя ко мне претензии? Ты мне их выскажи все. Уроки? Хорошо. Я постараюсь их учить. Уборка? Я попробую делать ее тщательней. Но не кричи, я же вижу, что не только мне, но и тебе от этого плохо...

Галина РЫНДИНА,
психолог

**О ЧЕМ ВЫ ДУМАЕТЕ, СПОРИТЕ?
МЫСЛИ И ЧУВСТВА,
КОТОРЫМИ ВЫ ХОТИТЕ ПОДЕЛИТЬСЯ,
СТРЕМЛЕНИЕ ПОЛУЧИТЬ ОТВЕТ ИЛИ НАЙТИ ДРУГА
— ПИШИТЕ НАМ ЧЕСТНО, ИСКРЕННЕ, ОТКРЫТО:
МЫ ПОЗНАКОМИМ ЧИТАТЕЛЕЙ ЖУРНАЛА
С ВАШИМИ ПИСЬМАМИ.**

Владимир СТАРОСТИН

ДОЖИТЬ ДО ДЕМБЕЛЯ

ПОВЕСТЬ

1

Гонконгские часы старшего лейтенанта Бирюкова протикали полдень. Бирюков прервал на полуслове ознакомительное собеседование с прибывшим час назад в его распоряжение лейтенантом Карцевым и повернул голову к двери. Через пару секунд снаружи донесся звук взрыва.

– Третий день в это же время, – сказал Бирюков.

– Обстрел? – спросил Карцев.

– Да, минометный. С двенадцати до двух, двадцать четыре мины.

Дверь распахнулась, и в блиндаж один за другим ввалились несколько солдат.

– Романов! А где Никольский? – спросил Бирюков.

– Рыл окоп на северном склоне. Наверное, там и остался, – ответил сержант.

Бирюков со вздохом поднялся из-за стола, надел бронежилет, каску и стал смотреть на часы. Дождавшись очередного взрыва, он вышел из блиндажа. Солдаты после его ухода занялись кто чем – трое легли на кровати, двое сели за шашки, сержант взял гитару и тихонько наигрывал незнакомую мелодию. Карцев разглядывал солдат, пытаясь обнаружить в их облике что-то необычное или особенное, но вид их был вполне обычный – выгоревшая форма, молодые загорелые лица. Они тоже с любопытством поглядывали на Карцева.

– Служить у нас будете? – спросил сержант.

– Да.

– А откуда вы родом?

– Из Москвы.

Сержант хотел спросить еще что-то, но вслед за взрывом мины послышалась ругань старшего лейтенанта, затем открылась дверь и в блиндаж вошел парень в трусах, кедах, с автоматом на плече и сигаретой в зубах. За ним появился Бирюков.

– Никольский! – закричал он с порога. – Здесь не курят!

– Где же курить? – обиженно спросил парень, гася сигарету о стену.

– На улице нельзя, здесь тоже нельзя. . .

– Что ты все время придуриваешься?! – Бирюков, видно, здорово разошелся. – Курить и любоваться пейзажем в ямке под обстрелом – не храбрость, а дурость!

Никольский снял с плеча автомат и присел на корточки у стены.

– Дуракам легче живется. Поэтому я с детства стараюсь влиться в ряды, – сказал он серьезно.

– Хочешь пораньше дуба дать от шального осколка? – язвительно осведомился Бирюков.

– Наоборот. Говорят, дуракам везет.

– Ладно, хватит! – Бирюков махнул рукой. – С тобой спорить бесполезно.

Никольский довольно ухмыльнулся. Бирюков подошел к столу, положил на него каску, сбросил на скамью бронежилет. Достав и расстелив на столе карту, он сел и уставился на нее, постукивая пальцами по каске.

– Вертолетчиков надо вызывать, – задумчиво проговорил он.

– Они на вас зуб имеют, – подал голос Никольский. – В марте по вашему вызову они две метлы* потеряли.

– Я же их не по собственной прихоти вызываю, – резко возразил Бирюков. – Надо же определить, где спрятана эта проклятая батарея и ликвидировать ее.

– Тоже верно, товарищ старший лейтенант, – легко согласился Никольский. – Надо определить и ликвидировать. – Помолчав, он добавил:

– Батарея стоит за северо-западным бугром. Судя по частоте выстрелов – не более двух минометов, значит, один ДШК** в прикрытие. Итого – не больше дюжины бандюг.

– Как же ты углядел, что за северо-западным бугром? – недоверчиво поинтересовался Бирюков.

Весело улыбаясь, Никольский смотрел на него.

– Когда я курил и любовался пейзажем, – неторопливо-спокойно заговорил Никольский, – я увидел, как на вершине бугра что-то на миг блеснуло. Через пару минут – то же самое на том же месте. Это мог быть только бинокль корректировщика.

Высказавшись, Никольский продолжал все так же смотреть на Бирюкова. "Как он не устает сидеть в таком положении?" – удивленно подумал Карцев.

– Логично, – после раздумья констатировал Бирюков. – Молодец.

Никольский артистично изобразил скромно-застенчивое удовлетворение от похвалы командира – потупился, смущенно улыбнулся. Впрочем, он почти сразу же принял серьезный вид.

– Товарищ старший лейтенант, до них всего минут сорок ходьбы, – сказал он. – Разрешите мне пошуровать, пока еще есть время до конца обстрела. Я прикинул, как к ним незаметно подобраться. Все равно ведь в такую жару метлы плохо держатся в воздухе.

Сержант, давно уже отложивший в сторону свою гитару, довольно громко присвистнул. Шашисты прервали партию, да и остальные солдаты с интересом наблюдали за происходившим. Лицо Бирюкова стало опять недовольным.

– Снова за свое, Никольский? – сказал он. – Опять на рожон лезешь? В одиночку подвиг Геракла совершить желаешь?

*М е т л а – вертолет (жарг.)

**Д Ш К – крупнокалиберный зенитный пулемет.

– Ну не обязательно в одиночку, – ответил Никольский. – Может, еще кто-нибудь захочет пойти. Достаточно трех, от силы четырех человек. Толпа в данном случае ни к чему.

Бирюков задумался, упершись взглядом куда-то повыше двери. Солдаты тоже разбрелись глазами кто куда. Сержант снова взял гитару и медленно перебирал струны. Никольский в ожидании прикрыл веки. Только Карцев с любопытством разглядывал всех поочередно.

– Ну так что, есть желающие прогуляться? – спросил наконец Бирюков, оторвав взгляд от стены и переведя его на солдат.

Сержант, почуствовав на себе вопросительный взгляд Бирюкова, спокойно сказал:

– От моего прадеда, участника империалистической войны, осталась солдатская заповедь: никогда ни от чего не увиливай, но и сам никогда ни на что не напрашивайся. Так что, товариш старший лейтенант, если прикажете – пойду, а так – нет.

Один из шашистов, здоровенный ефрейтор с каким-то детским лицом, кашлянул и не совсем уверенно проговорил:

– Я, пожалуй, пойду.

Никольский приоткрыл веки, глянул на ефрейтора и почему-то хмыкнул. Больше добровольцев не находилось.

– Я тоже хочу пойти, – сказал Карцев.

Все это время он чувствовал себя здесь лишним или посторонним, поэтому-то он и произнес эту фразу. Впрочем, и теперь, под пристальными взорами солдат (а Никольский к тому же иронически улыбнулся), Карцеву было как-то неуютно.

– Нет, – Бирюков покачал головой. – Ты здесь первый день. Я даже не знаю, как ты стреляешь.

– Стреляю я очень даже неплохо, – уверенно ответил Карцев. Он действительно хорошо стрелял. Однако Бирюков опять с сомнением помотал головой.

– Извините, товариш лейтенант, – сказал Никольский. – У вас ведь, прошу прощения, нет опыта в таких делах. Как же вы будете сейчас нами командовать?

– В этот раз я буду следовать вашим указаниям. Кстати, время-то идет. Я думаю, не стоит затягивать выход.

– Верно, – подтвердил Никольский и посмотрел на Бирюкова.

– Ладно, пойдете втроем, – решительно сказал Бирюков. – Никольский – старший. Собирайтесь.

Никольский подошел к своей койке, надел штаны, лежавшие на табуретке возле нее, и прямо на голое тело бронжилет.

– И каску, Никольский, – строго сказал Бирюков.

Никольский поморщился и надел каску.

Карцев и ефрейтор тоже надели бронжилеты, каски. Все трое взяли автоматы, по три магазина к ним, по четыре гранаты.

– Ну, вперед на врага, – Бирюков посмотрел на часы. – До конца обстрела осталось час двадцать. Успеха вам!

Никольский, за ним ефрейтор и последним Карцев вышли из блиндажа. В двери Никольский обернулся:

– Пригнуться и бегом за мной.

Пробежав мимо бетонного квадрата вертолетной площадки, они спустились на южный склон и выпрямились в полный рост. Здесь корректировщик уже не мог их заметить. Никольский снял каску и ловко приторочил ее к ремню. Поравнявшись с окопом, он поднял руку и весело сказал сидевшему в окопе пулеметчику:

– Прощай, родина!

– На охоту, что ли? – сплунув, спросил пулеметчик.

– Да нет, просто прогуляться, подышать свежим воздухом. Засиделись мы в блиндаже, – серьезным голосом ответил Никольский.

Они спустились в ложбину, редко заросшую кривым кустарником и какой-то жесткой на вид травой. Спускаться оказалось не так легко, как ожидалось Карцеву – постоянно приходилось притормаживать.

Не дойдя до дна ложбины, Никольский повернул вправо, в колючие заросли выше колена.

– Внизу заминировано, – обернувшись, объяснил он Карцеву. И добавил, обращаясь к ефрейтору: – Степа, будь осторожен. Если ты загнешься, Красная Армия будет уже не та. Где она возьмет второго такого образцово-показательного ефрейтора?

Тот недовольно засопел.

– Брось, Степа, не обижайся и не переживай, – Никольский рассмеялся. – Получишь ты в конце концов свою медаль. Вернешься домой – все саратовские девки по тебе сохнут будут!

– Вовсе я не из-за медали пошел! – обиженно-зло буркнул ефрейтор.

Никольский снова рассмеялся. Хотя он и нравился Карцеву, было как-то неловко слушать насмешки над очевидно простоватым ефрейтором. Но и вмешиваться не хотелось – Карцев все-таки по-прежнему чувствовал себя посторонним.

– Я вот ясно почему иду, – опять заговорил Никольский. – Просто мне интересны всякие такие дела. А медаль мне все равно не светит.

Никольский приостановился, внимательно осмотрел окрестности впереди и с флангов, потом обернулся – не отстают ли остальные, и продолжил:

– Да и не стоит медаль твоей, Степа, или чьей-нибудь еще жизни.

На этот раз рассмеялся ефрейтор. Он смеялся долго, взвизгивая и мотая головой.

– Лев Толстой какой нашелся! – проговорил он сквозь смех. – А у скольких ты сам жизни отнял, а?

Никольский молча пересказывал с камня на камень. Карцеву очень хотелось услышать ответ, он даже почти обогнал ефрейтора, но Никольский лишь неумоимо двигался вперед.

– У шестерых, – через несколько минут наконец ответил он. – У шестерых, как минимум. Но я считаю, меня оправдывает то, что мы были примерно в равных условиях – они все тоже могли меня убить.

Карцев начал уставать. Теперь он с трудом поспевал за ефрейтором, все чаще спотыкаясь. К тому же здорово мешала каска – все время норовила куда-нибудь съехать, пот из-под нее заливал глаза. Ремень автомата все сильнее давил на плечо, гранаты и магазины тоже стали казаться значительно тяжелее, чем в начале пути. Обернувшись в очередной раз, Никольский, по виду как будто ни капли не уставший,

наверное, понял состояние Карцева, остановился и объявил перекур.

– Осталось совсем немного – минут десять хода, товарищ лейтенант, – успокаивающе сказал он, закуривая.

Карцев тоже закурил и после второй затяжки пожалел об этом – пересохшее горло неприятно продрало дымом.

– Вы какой институт закончили, товарищ лейтенант? – спросил Никольский.

– А откуда ты знаешь, что я не кадровый? – поинтересовался Карцев, назвав свой институт.

– Вас, двухгодичников, за версту различить можно по виду и даже по лицу, – усмехнулся Никольский.

Карцев, изредка, почти без удовольствия затягиваясь сигаретой, но почему-то не решаясь бросить ее, заметил в бронежилете Никольского, прямо напротив сердца, маленькую дырочку.

– Снайпер уложил предыдущего хозяина этой жилетки, – объяснил Никольский. – Английская винтовка "Бур" образца 1892 года, прицельная дальность – два километра.

– Значит, бронежилет не спасает. . . – разочарованно протянул Карцев.

– Смотря от чего, – спокойно ответил Никольский. – Говорят, из "Бура" на расстоянии двух километров можно насквозь пробить БТР*.

Карцеву стало очень неприятно, как будто в него уже целились этим самым "Буром". Он непроизвольно осматрелся вокруг. Однако Никольский и ефрейтор невозмутимо сидели на камешках, и это несколько успокоило Карцева.

– Послушай. . . – не совсем уверенно обратился он к Никольскому. – Как тебя зовут?

– Вы же знаете – Никольским, – удивленно ответил тот.

– А по имени?

– По имени?! – еще больше удивился Никольский. – Я уже стал забывать, что оно у меня есть. Все Никольский да Никольский. . . Да у нас почему-то всех почти зовут по фамилиям.

– Но его ведь ты зовешь по имени, – Карцев кивнул на ефрейтора.

– Мое имя – Михаил, – обиженно отозвался ефрейтор. – А фамилия – Степанов.

– Просто укоротили, – улыбнулся Никольский. – Так тебе больше подходит – ты здоровый, простой и правильный, как дядя Степа. Даже Отец пару раз его так назвал!

– Отец? – удивленно переспросил Карцев.

– Это мы так Бирюкова зовем между собой. Он ведь нас кормит и лупит, если есть за что. В переносном смысле, конечно, – объяснил Никольский. – Не подумайте, что занимается рукоприкладством.

Никольский встал, затоптал окурок, махнул несколько раз руками, взял автомат.

– Пойдем, что ли? – спросил в пространство.

– Последний вопрос, – торопливо сказал Карцев, поднимаясь. – Если не секрет, почему тебе медаль не светит?

*БТР – бронетранспортер.

Никольский задумчиво посмотрел на Карцева.

– У меня репутация подмочена. Имею несколько взысканий от самого командира полка. К тому же прибыл я сюда из учебки сержантом, а дослужился до рядового.

– Разжаловали? За что? – поинтересовался Карцев.

– За неправильный переход улицы.

– Понятно, – кивнул Карцев.

– Да нет, я не скрываю. За употребление спиртных напитков.

Никольский повернулся и быстро зашагал вперед. За ним, как и раньше, ефрейтор, последним – Карцев. Чем дальше, тем больше Карцеву становилось не по себе. Никольский, да и ефрейтор тоже, вели себя так, будто четко знали, что им предстоит делать. Для Карцева же впереди была только неизвестность.

Через несколько минут Никольский дошел до каменного уступа на склоне ложбины и поднял левую руку. Ефрейтор остановился, Карцев тоже. Никольский быстро и бесшумно, как кошка, вскарабкался почти до верха уступа, на миг приподнялся, бросил взгляд вперед и, спустившись чуть ниже, призывно махнул рукой Карцеву. Карцев, страшно волнуясь, чрезмерно аккуратно добрался до Никольского.

– Смотрите, как удачно, – вполголоса сказал Никольский. – Как будто специально на этой плещи куст прилепился, чтобы вы за ним спрятались. Бандюгу видите?

Карцев осторожно выглянул из-за куста. Впереди, почти на самом верху противоположного склона, четко вырисовывалась человеческая фигура.

– Снимите его, как только мы со Степой начнем пальбу по батарее, минут через пять. Автомат поставьте на одиночный огонь, цельтесь в голову. Постарайтесь шлепнуть с первого выстрела, а то потом с ним хлопот не оберетесь. Когда убедитесь, что он не опасен, подходите к нам, только осторожно. Вопросы есть?

– Поправку делать на разреженность воздуха? – спросил Карцев шепотом.

– Не надо. Поправка нужна при дальности свыше четырехсот метров,

– Никольский ободряюще улыбнулся. – Ну, мы пойдем. Желаю успеха!

– И вам тоже! – торопливо ответил Карцев внезапно осипшим голосом.

Никольский исчез. Карцеву вдруг резко захотелось курить. Он глянул на свою цель и почувствовал в себе злобу на эту безликую фигуру, от которой он должен был сейчас прятаться. Пристроив на камнях автомат, Карцев стал ждать, чувствуя, как с каждой томительно-длинной минутой руки, лицо и тело все больше покрываются потом. "Скорее бы", – нервно металась в нем мысль.

Неожиданно громко раздался два взрыва. Карцев дернул автомат, едва не выпалив в белый свет, торопливо прицелился и выстрелил. Он чуть не закричал от переполнившей его радости, увидев, как фигура, всплеснув руками, грохнулась на землю, нелепо задрав ноги. "Попал, попал!" – лихорадочно шептал Карцев, сам того не замечая. Лицо его расплылось в широченной улыбке.

Раздался еще два разрыва гранат, сразу же после них загрохотали

Рисунки Левона ХАЧАТРЯНА

автоматные очереди, многократно усиленные эхом. Сквозь короткую паузу прорвался дикий надрывный крик, опять грохнули два взрыва, крик потонул в новых очередях.

Карцев встрепнулся, собравшись бежать к месту боя, но, глянув на поверженную цель, выстрелил по ней еще раз и на этот раз промахнулся – пуля срезала ветку с куста рядом с упавшим. Прицелившись тщательнее, Карцев перечеркнул лежавшего очередью и побежал вниз.

Пробежав по ложбине, он увидел впереди уходящую вверх гряду валунов и застывшие среди них спины Никольского и ефрейтора. Они уже не стреляли. Не добежав полусотни метров, Карцев почувствовал, что задыхается, и перешел на шаг. Никольский обернулся и приветливо улыбнулся Карцеву.

– Ну как? – спросил он, когда Карцев приблизился.

– Нормально! – ответил Карцев и не без самодовольства добавил: – Наповал!

– Это хорошо, – одобрительно сказал Никольский. – Мы тоже вроде всех положили, кроме осликов.

– Каких осликов? – удивился Карцев.

– А на которых они сюда минометы доставили, – объяснил Никольский и глубоко вздохнул. – Надо пойти глянуть...

Ефрейтор тревожно посмотрел на него, но ничего не сказал. Никольский еще раз глубоко вздохнул и резко встал. Постояв пару секунд, он сплюнул и зашагал вперед, настороженно выставив автомат.

Карцев приподнялся над валунами и с любопытством оглядел место отгремевшего только что боя. Рядом с двумя минометами и пулеметом вповалку лежали разноцветно одетые тела, в стороне испуганно сбились в кучу привязанные к деревьям ишаки. Возле них валялся, задрав к небу седую бороду, старик в белой чалме.

Никольский подошел к ближнему миномету, потрогал ногой одного из лежавших, присел на корточки и что-то рассматривал.

Ефрейтор, неразборчиво пробормотав, медленно поднялся и направился ко второму миномету. Карцев тоже стал подниматься, как вдруг по ушам резко ударил выстрел. Ефрейтор, уронив автомат, медленно оседал на землю, одной рукой хватаясь за воздух, а другой схватившись за шею. Карцев замороженно смотрел на него, и только очередь из автомата Никольского привела его в чувство. Он бросился к ефрейтору. Никольский, добивший стрелявшего, тоже подбежал к нему.

– Эх, Степа!.. Михаил, – сказал Никольский, осмотрев ефрейтора. – Напоролся все-таки. . . А вы, товарищ лейтенант, в следующий раз тут же палите туда, откуда стреляли. Иначе вернетесь домой раньше времени и, не дай Бог, в ящике.

Карцеву стало не по себе. Никак не укладывалось в голове, что ефрейтор больше не существует, что он теперь просто неподвижное тело, как и те – чужие, валяющиеся возле минометов.

– Ничего нельзя сделать? – робко спросил Карцев, надеясь непонятно на что.

– Сделать? Что мы можем сделать? – раздраженно переспросил Никольский. – Это не кино, а война! Все, что мы теперь можем для него сделать, – погрузить на ослика и отвезти на заставу. . .

Карцев опять проснулся до подъема. Каждое утро прошедшей недели – одно и то же. Все тело и лицо – в холодно-липком поту. Бешено колотится сердце.

Седьмую ночь ему снилась та вылазка против минометной батареи. Только окончания боя каждый раз различались, сходные в одном – Карцева убивали. Сегодня его убили как ефрейтора Степанова, пулей в горло. А вчера он получил очередь в живот.

"Сколько же это будет продолжаться?" – с тоской прошептал Карцев, не в силах сдержаться. Снова целый день будет отвратительнейшее настроение. Но самое тяжелое время – до подъема. Даже если сейчас встать, одеться, умыться, закурить – легче не станет. Вынужденное одиночество хуже всего, особенно когда ни руки, ни голова ничем не заняты.

Карцев решил не вставать и в который раз попытался разобраться в своем состоянии. Если бы опять понадобились добровольцы на какое-то дело со стрельбой, он пошел бы. Значит, причина не в страхе. Но отчего же тогда просыпается он в холодном поту каждую ночь?

Бесплодные размышления хоть как-то помогли Карцеву скоротать время до долгожданного подъема.

На завтрак Карцев, как обычно, взял только чай и кусок хлеба. Есть с утра совершенно не хотелось, как, впрочем, и в обед. Только к ужину прорезался некоторый аппетит. . .

– Как можно тщательнее изучи систему нашей обороны, – сказал Карцеву старший лейтенант Бирюков. – Ты должен отлично знать местность, расположение минных полей, сектора обстрела и ориентиры для всех пулеметных гнезд и стрелковых ячеек. И еще ты обязательно, – Бирюков выделил последнее слово, – обязательно должен знать всех бойцов. Тебе недолго осталось быть за штатом, скоро заменишь меня.

Карцев несколько не обрадовался такой перспективе, поэтому даже не поинтересовался, куда же, собственно, денется Бирюков. Командовать Карцеву еще никогда никем не приходилось, разве что самим собой, да и то в другой, такой далекой теперь мирной жизни. А больше всего подавляло то, что многие из солдат были гораздо опытнее в здешней жизни. . .

Карцев направился к пулеметной позиции номер три, на южном склоне. Там дежурил Алиев, маленький подвижный азербайджанец.

– Здравия желаю, товарищ лейтенант! – точно по уставу приветствовал он Карцева. Карцев уже знал, что Алиев – единственный солдат на заставе, обращающийся даже к сержантам не иначе как "товарищ сержант".

– Здравствуй, здравствуй, – ответил Карцев, спрыгнув в окоп. По уставу военнослужащие должны обращаться на "вы", но Карцев не мог себя заставить делать это по отношению к в общем-то молодым парнишкам, а с Бирюковым разговаривал, не употребляя ни "ты", ни "вы".

Изучая сектор обстрела, Карцев дотошно расспрашивал Алиева. Тот отвечал подробно и довольно толково, хотя иногда не сразу понимал из-за акцента.

– А это как называется? – спрашивал Карцев, показывая на темно-зеленые заросли.

– Арча! – воодушевленно-радостно, как и на все вопросы, отвечал Алиев. – Очинь хороший дерево! Пастухи ложить туда мясо, совсем не тухнет!

– Да-а! Очень ценное дерево, если нет холодильника.

– Холодильника совсем нет у них! – радостно подтверждал Алиев.

Закончив с этой позицией, Карцев перебрался на соседнюю. Там дежурил Флуерару, общительный и веселого нрава парень, дослуживающий последние месяцы. Карцев остался весьма доволен: Флуерару не только подробнее расписал систему обороны заставы, но и рассказал о всех последних боях и происшествиях в здешней округе. По мнению Флуерару, самое скверное в этой жизни – нехватка и мерзкий вкус питья. Оттолкнувшись от этой мысли, он досконально раскрыл Карцеву процесс изготовления домашнего виноградного вина на своей родине.

За таким полезным для общего развития разговором Карцев надолго задержался у Флуерару. Точнее, пока того не сменил на позиции сержант Петренко – мрачный здоровяк с перебитым носом и приплюснутыми ушами боксера, неприязненно косившийся на Карцева. С Петренко разговор не получался из-за его явной, хотя и непонятной недружелюбности.

Выбравшись из окопа, Карцев огляделся по сторонам и не спеша зашагал к краю скального уступа, решив осмотреть с него окрестности.

Карцев стоял на лысом уступе, подставив лицо свежему ветру, глядя на красноватые каменистые склоны, во множестве покрытые темно-зелеными и бледно-желтыми лишаями. Раньше он никогда не видел гор и был уверен, что они просто серые. А этот пейзаж просился на цветную фотографию. Карцев разглядывал извивающуюся по склонам дорогу – основной объект, контролируемый их заставой, рассматривал чуть заметные тропы и овечью отару далеко внизу. Он так углубился в созерцание, что прогремевшая за спиной автоматная очередь и со свистом пронесшиеся над головой пули не сразу вывели его из отрешенного состояния. Только через секунду он бросился наземь, лихорадочно сдергивая автомат с плеча.

– Лейтенант Карцев, ко мне! – услышал он голос Бирюкова, вскочил и, пригнувшись, с автоматом наизготовку, подбежал к блиндажу.

В двери стоял Бирюков, держа стволом вниз автомат в опущенной руке. – Так это он стрелял! – сообразил Карцев. – Издевается, сволочь!"

– Тебя зачем сюда прислали? – сурово спросил Бирюков.

– Как и всех... – растеряно ответил Карцев.

– По-твоему, всех сюда присылают, чтобы они назад в ящиках возвращались?! Ты же черт знает сколько времени стоял на открытом месте – нате, стреляйте в меня, пожалуйста! – Бирюков повесил свой автомат на плечо и уже спокойнее пробурчал: – Что ты мне ствол в брюхо направил? Поставь на предохранитель. . . И запомни добрый совет: твоя главная задача – дожить до дембеля. Говорю тебе это, потому что знаю – ты не трус. Но одной смелости здесь недостаточно. Понял?

– Понял. . . – мрачно ответил Карцев.

– Тогда можешь быть свободен, – бросил Бирюков через плечо и скрылся в блиндаже.

Карцев сел на один из ящиков, кольцом стоявших под маскировочной сетью возле входа в блиндаж, достал сигарету и закурил, с недовольством обнаружив слабость в пальцах. На душе было тоскливее, чем утром. "Если моя задача – дожить до дембеля, почему он в первый же день отпустил меня в бой? – размышлял Карцев. – Вот уж не думал, что на войне голова будет постоянно забита поисками решения психологических теорем! В наших фильмах про армию brave офицеры говорят: будешь жить по уставу – завоеешь честь и славу! И никаких тебе проблем!"

До обеда Карцев продолжал изучать позиции, чувствуя себя так, будто находится под непрерывным наблюдением Бирюкова. В обед есть, естественно, совершенно не хотелось. Карцев через силу прожевал два куса пресного серого хлеба, запивая противно-теплым компотом из сухофруктов.

Бирюков не спеша ел макароны, когда зазвонил телефон. Взяв трубку и буркнув в нее "Бирюков!", он что-то выслушал, положил трубку и с сожалением посмотрел на тарелку.

– Пообедал? – резко спросил он Карцева. – Тогда пошли. В восточном секторе наблюдается подозрительная активность аборигенов. . . Романов! – окликнул Бирюков сержанта. – Я с лейтенантом на вторую позицию, к Фролову.

Большими быстрыми шагами достигнув окопа, Бирюков спрыгнул в него, взял у солдата бинокль и стал всматриваться в цепочку людей и животных на одной из троп. Понаблюдав минуту-другую, он протянул бинокль Карцеву, продолжая смотреть на тропу.

– Глянь. Похоже, там. . . – слова Бирюкова сменились хрипом, он падал на Карцева. Карцев машинально выставил вперед руку, голова Бирюкова безжизненно упала на нее и сразу же Бирюков с диким стоном-рычанием отпрянул к стене окопа. Его глаза были широко, до предела раскрыты, будто от чрезмерного удивления. На правой щеке темнело небольшое пятнышко, а левая была разворочена.

– Ну-ка, пусти! – солдат отпихнул Карцева и бросился к старшему лейтенанту.

Достав из кармана пакет, Фролов попытался начать перевязывать голову Бирюкова, но тот оттолкнул солдата и, скорчившись, выплюнул кровавое месиво на дно окопа. Выпрямившись, он обвел окоп диким взглядом и хотел, видимо, заговорить, но смог издать лишь стон, с хрипом и бульканьем. По его подбородку стекало розовое.

– Давайте перевяжу вас! – умоляюще проговорил Фролов.

Бирюков яростно замотал головой, скорчил жуткую гримасу и, достав из своего кармана шприц с обезболивающим, сделал себе укол в расстегнутый ворот куртки. Не пытаясь больше говорить, он ткнул рукой в сторону телефона.

– Романов! – закричал в трубку Фролов. – Командира ранило! Что? Снайпер! Вертолет? – солдат обернулся и глянул на Бирюкова. Тот

сидел на дне окопа, откинувшись на стенку, с закрытыми глазами. – Да вызывай! И пришли сюда пару человек!

Карцев отверл взгляд от страшного лица Бирюкова и уставился себе под ноги. Надо было бы посмотреть, что происходит на тропе, но он не мог заставить себя высунуться из окопа. Ему было мутно – и от вида Бирюкова, и от сознания того, что теперь он должен принять на себя бремя командования заставой.

Сзади слышалось шуршание, по стенке посыпались камешки. Карцев оглянулся – на краю окопа лежали Никольский и Флуерару.

– Давайте сюда командира, – негромко сказал Никольский.

Карцев и Фролов подали бесчувственно-обмякшее тело Бирюкова. Никольский и Флуерару положили его на одеяло и осторожно потащили к блиндажу.

– Стойте! – крикнул Карцев. – Никольский, ко мне! А ты, – он повернулся к Фролову, – отнесешь старшего лейтенанта, потом вернешься.

– Есть, – ответил Фролов и мгновенно выбрался наверх. Никольский так же быстро очутился в окопе.

– Какие будут приказания? – спросил он.

– Подожди! – бросил через плечо Карцев.

Подняв со дна окопа бинокль, он протер его рукавом и выглянул из-за бруствера. Первые секунды Карцев смотрел на тропу, но ничего не воспринимал – напрягшись, ждал удара пули в голову. Не дождавшись, он обнаружил, что на тропе никого нет, и неторопливо спустился в окоп.

– Так... – ровным голосом произнес Карцев. – На тропе был караван. Сейчас его нет. А снайпер стрелял оттуда... – Карцев показал на юг.

– Естественно! – сказал Никольский. – Для снайпера лучше солнце иметь за спиной.

Карцев кивнул.

– Они его все-таки подловили, – сказал Никольский, сморщившись, как от боли.

– Хм-м... – протянул Карцев, не понимая.

– Они специально показали караван, чтобы заманить Бирюкова именно в этот окоп. Снайпер мог снять Фролова или вас, но им был нужен только Бирюков.

– Логично, – одобрительно заметил Карцев.

– А раз им был нужен только Бирюков, то теперь они считают, что им самое время нападать на обезглавленную заставу, – мрачно подытожил Никольский.

– Вот как? – жестко произнес Карцев. – Я, конечно, не Бирюков...

– У вас еще все впереди, – очень серьезно сказал Никольский. – Вы уж простите меня за откровенность. Она все время из меня лезет, как теплое пиво из бутылки.

Карцев, конечно, понимал, что не имеет и сотой доли опыта Бирюкова, но все-таки было неприятно и обидно, что это понимают и другие.

– Ладно! – Карцев старался говорить спокойно. – Если ты такой откровенный, скажи – когда они нападут?

– Надо подумать.

Никольский взял бинокль и медленно осмотрел весь сектор наблюдения. Карцев в это время испытывал двойственное чувство – злорадство от того, что и у опытного Никольского не на все припасен ответ, и неприятно холодящее опасение, что нападение начнется в следующую минуту.

Вернулся Фролов. Он доложил, что вертолет за Бирюковым прилетит не раньше чем через два часа. Никольский отдал ему бинокль и вопросительно посмотрел на Карцева.

– Пойдем, – Карцев глазами показал ему наверх.

– Бегом?

– Как положено, – сказал Карцев и вслед за Никольским выбрался из окопа.

Под маскировочной сетью Никольский остановился и повернулся к Карцеву.

– Я считаю, они нападут не раньше, чем метла заберет Бирюкова, – задумчиво сказал Никольский. – А скорее всего подкрадутся к нам на рассвете, сразу после намаза*. Так уже было однажды, и мы их едва не проспали.

Из блиндажа вышел сержант Романов, закуривая на ходу. Никольский достал сигарету и прикурил от его спички.

– Как там Бирюков? – спросил Карцев.

– Рана хреновая, – махнув рукой, ответил Романов. – Перевязать невозможно – внутри исковеркано. Сейчас кровь свернулась, запеклось у него там, а пить не может.

– Пойду посмотрю его, – сказал Карцев и шагнул к двери.

– А чего смотреть? Вы же не доктор, – удивленно произнес Романов.

Карцев остановился, повернул искаженное злобой лицо к Романову и грубо рявкнул:

– Сержант! Ваши рассуждения о моих действиях не требуются! Вы меня поняли?

– Так точно! – резко ответил Романов.

... Карцев курил под маскировочной сеткой, когда послышалось стрекотание вертолета. Пока "железная птица" делала круг перед посадкой, Карцев велел солдатам, кутившим рядом, приготовить Бирюкова к отправке. Из блиндажа вышел Никольский.

– О! Кто к нам сподобился прилететь! – с притворной радостью воскликнул он, увидев выбравшуюся из севшего вертолета высокую и широкоплечую фигуру.

– Кто это? – настороженно спросил Карцев.

– Вы с ним не познакомились в полку? Это же Я Не Понял – доблестный прапор из политотдела! Только его нам здесь не хватало!

Четверо солдат бегом отнесли Бирюкова в вертолет, и он без поддержки взмыл в небо.

Шкафоподобная фигура приблизилась к Карцеву:

– Прапорщик Ямборский, инструктор политотдела.

*Намаз – мусульманский обряд моления.

– С какой целью прибыли? – спросил Карцев.

– Я не понял, вам разве не доложили? – квадратное лицо прапорщика выразило крайнюю степень удивления. – Меня прислал начпо* для усиления и проведения пэпээр**.

– Поднимать боевой дух славных воинов-интернационалистов, – очень торжественно, но негромко произнес Никольский. Прапорщик услышал и недовольно покосился на него.

Карцев пожал плечами. На военной кафедре в институте был курс об этой "пэпээр", но вспоминать его не было никакого желания.

– Проводите, если вам приказали, – равнодушно сказал он прапорщику.

– Надо собрать бойцов, – несколько обескураженно проговорил тот.

– Все, кто не на дежурстве, в блиндаже. Там же – отдыхающие после дежурства, их не трогать. Вопросы есть? – строго спросил Карцев.

– Я не понял, вы что – считаете, пэпээр не нужна для всех бойцов? – важно поинтересовался прапорщик.

Карцеву надоел этот разговор. Он демонстративно закурил.

– Я считаю, что солдаты должны отдыхать после дежурства, – зло процедил он, едва не добавив "а не заниматься ерундой", и отвернулся.

– Ох, заложит он вас, товарищ командир! – трагически прошептал Никольский.

– Иди в блиндаж, – не глядя на него, тихо сказал Карцев и громко добавил: – Сержанта Романова ко мне!

Прапорщик и Никольский скрылись в блиндаже. К Карцеву быстрым шагом подошел Романов и строго по уставу отчеканил:

– Товарищ лейтенант, сержант Романов прибыл по вашему приказанию.

Карцев внимательно посмотрел на сержанта. Лицо Романова ничего не выражало.

– С девятнадцати часов удвоить охранение. Быть предельно бдительными – в ближайшее время, ночью или утром, вероятно нападение противника на заставу. Вопросы есть?

– Никак нет, товарищ лейтенант! – твердо ответил Романов. – Будет исполнено!

3

В двенадцатом часу дня Карцев сидел под маскировочной сетью и курил бог знает какую по счету сигарету. Во рту – противно как после пьянки. Голова тяжелая после бессонной ночи. Уже часа два назад Карцев решил, что надо плюнуть на все и завалиться спать, но продолжал сидеть и курить.

Через час после завтрака он вызвал Романова и, не глядя на него (боясь увидеть ухмылку), отменил удвоенное дежурство. . .

Из блиндажа вышел Ямборский. Карцев знал, что прапорщик разло-

*Н а ч п о – начальник попототдела.

**П э п э р – партийно-политическая работа.

жил на столе многочисленные бумаги и долго строчил что-то в своем пухлом блокноте. У Карцева не было ни малейшего желания общаться с Ямборским, и потому он отправился в обход по позициям.

Как нарочно, на позиции, с которой он начал, дежурил Никольский. Презрев уроки Бирюкова, Карцев не стал спускаться в окоп, а сел на бруствер, с раздражением глядя на бывшего сержанта.

– Ну? Где же твои обещанные бандюги? – резко спросил Карцев.

Никольский, не отрываясь, осматривал свой сектор. Услышав Карцева, он передернул плечами. Карцев недобро усмехнулся, и в этот момент послышался протяжный шелест, а затем громкий хлопок взрыва и дробный стук камней и осколков. Карцев обернулся в сторону взрыва – небольшая дымящаяся воронка оказалась примерно на полпути от окопа до блиндажа. Карцев хотел посмотреть на часы, но Никольский с криком "спускайтесь!" дернул его за ремень, и он неловко свалился в окоп.

– Ровно двенадцать, – сказал Карцев, посмотрев на часы.

Никольский молча продолжал наблюдать. Карцев выглянул из окопа, осмотрелся, потом резко выбрался на бруствер и двинул к блиндажу.

В блиндаже большинство солдат лежало на койках. Сержант Романов сидел за столом, подперев голову рукой и прикрыв глаза. Прапорщик Ямборский расхаживал туда-обратно между столом и койками, недовольно поглядывая на солдат. Увидев вошедшего Карцева, направился к нему.

– Пользуясь тем, что почти все бойцы сейчас здесь, я хотел бы провести еще одно занятие, – строго произнес прапорщик.

Карцев окинул взглядом солдат и покачал головой.

– Я не понял. . . – сердито начал прапорщик.

– А вот посидел бы ночь в окопе или повкалывал бы на жаре лопатой, тогда бы понял! – негромко, но очень зло оборвал его Карцев.

Прапорщик не сдался и хотел снова заговорить, но вслед за очередным разрывом мины снаружи донесся противный визг и сразу же – серия взрывов.

– Ого! Реактивными начали! – подал голос встрепenuвшийся Романов.

Взрывы раздавались теперь почти непрерывно. После третьей серии зазвонил телефон. Романов взял трубку, послушал, бросил "принято!"

– Полезли, товарищ лейтенант, – сказал он Карцеву, положив трубку.

– Куда? – не поняв, удивился Карцев.

– Враги лезут на нас с юго-запада, – объяснил Романов. – Уже просочились через минное поле. Петренко ведет огонь. А Садыков молчит – или на дне затаился, или накрыло.

Романов выжидательно смотрел на Карцева, а Карцев, вслушиваясь в звуки начавшегося боя, почувствовал, как похолодели руки и ноги.

– Куликов! – крикнул Карцев внезапно охрипшим голосом. – Бери свое отделение, быстро в юго-западный сектор!

Куликов и шестеро его подчиненных почти мгновенно собрались ушли. Снова зазвонил телефон.

– Товарищ лейтенант, прут на Никольского, – сказал Романов, выслушав краткий доклад.

— Митин! — крикнул Карцев спящему, несмотря на взрывы, сержанту. Тот вскочил и устоял на Карцева, удивленно моргая. — Занимай окопы на северном склоне. Война началась!

Митин мрачно хмыкнул и стал будить своих людей.

Отослав две группы, Карцев подошел к двери, послушал, что там снаружи, снова вернулся в глубь блиндажа, глянул на телефон, машинально достал сигарету.

— Товарищ лейтенант, осмелюсь напомнить — неизвестно, что с Садыковым, — сказал Романов. — По телефону не отвечает.

Карцев кивнул и оценивающим взглядом обвел оставшихся солдат.

— Флуерару хорошо владеет пулеметом, — подсказал Романов.

Карцев остановил взгляд на Флуерару. Тот уже натягивал бронезилет.

— Доложишь обстановку там, — сказал ему Карцев.

Флуерару позвонил через несколько минут. Карцев сам взял трубку.

— Они вылезают из-за гребня! — захлебываясь словами, кричал Флуерару. — Пулемет и Садыкова разнесло эрэсом! Одному мне не справиться! И гранат бы сюда побольше! Я уже все побросал!

Напоследок Флуерару выругался по-молдавски и бросил трубку. Карцев провел противно дрожащей рукой по взмокшему лбу.

— Романов! — хрипло сказал он. — Возьми пять человек, два ящика гранат и бегом на северо-запад!

Романов выкликнул фамилии, солдаты вынесли из оружейки гранаты и быстро поделили их. Карцев смотрел на солдат, чувствуя, как беспокойство и страх переполняют его. Страх не за свою жизнь (об этом как раз совсем не думалось), а за подчиненную ему заставу.

— Романов! Останешься на связи, я сам пойду, — быстро проговорил Карцев, взял у него четыре гранаты и стремительно вышел из блиндажа.

Белый свет встретил его визгом реактивных снарядов. Карцев, ничего не соображая, изо всех сил рванул к линии окопов. Он всегда считал, что весьма прилично пробегает короткую дистанцию, но сейчас словно вечность прошла, прежде чем он спрыгнул в окоп.

На дне окопа навзничь лежал маленький Алиев. Карцев с удивлением наклонился к нему, увидел разбитую переносицу и отпрянул, разглядев в сжатом кулаке Алиева гранату. Кольцо с чекой было выдернуто. Карцев, одурев от страха, оперся руками о бруствер, собираясь выбраться из окопа, но тут же получил удар в левую сторону каски. Падая обратно в окоп, он успел заметить в сотне метров перед собой врага, стрелявшего из винтовки. Карцев, нервничая и торопясь, швырнул в ту сторону "лимонку", постаравшись не слишком высовываться. Осторожно выглянув после взрыва, он не увидел стрелявшего.

Из соседних окопов, и справа и слева, раздавалась стрельба. Карцев несколько успокоился и решил заняться гранатой Алиева. Прижав спусковой рычаг, он не без труда разжал мертвый кулак, но от гранаты еще надо было избавиться, и желательно с пользой.

Такая возможность вскоре представилась. Карцев увидел вылезших из-за откоса двух бородачей и, не мешкая, кинул гранату. Когда он снова выглянул из окопа, один бородач лежал пластом, а второй стоял на

коленях, держась за живот и раскачиваясь. Карцев радостно выругался и дал по нему очередь из автомата. . .

Внезапно Карцеву стало не по себе. Что-то было не так. Он осмолелся, прислушался и понял – стрельба прекратилась. Прекратился обстрел эрсами. Карцев глянул на часы и сильно удивился: они показывали уже без двадцати два.

Взгляд Карцева упал на Алиева, и теперь вдруг стало неприятно жутко до тошноты. Карцев отвернулся, прогоняя воспоминания о том, как с трудом разгибал одеревеневшие мертвые пальцы. . .

Войдя в блиндаж, Карцев первым делом увидел раненых. Хакимов с землисто-серым лицом, покрытым каплями пота, поддерживал правой рукой левую, неестественно толстую из-за бинтов. Второго, с замотанной головой, узнать было невозможно. Карцев прошел к столу, положил на него свою каску.

– Как обстановка? – спросил Романова.

– Куликов положил десятка полтора бабаев, остальных задержал в минное поле. На севере особенно не напирали. На западе. . .

– Знаю, – перебил Карцев. – Сам оттуда. Какие потери у Куликова Митина?

– У Куликова убиты Петренко и Маслов. Соколов контужен, но остался на позиции. У Митина вот только Шевчуку глаз выбило, – Романов мотнул головой в сторону солдата с забинтованным лицом. – Хакимов руку раздробило. А Савченко, который за вами следом бежал, вы, наверно, сами видели. . .

– Нет, не видел, – недовольно произнес Карцев. – Что с ним?

– Спину осколками изрешетило, – не глядя на Карцева, ответил Романов. Помолчав, добавил: – Прямо за вашей спиной бежал. . .

Карцев стиснул зубы. Значит, если бы не Савченко. . . А он даже не заметил. . . И больше нет и не будет Петренко с его непонятной неприязнью к Карцеву. . . А что собой представляли Маслов и Садыков, он еще не успел толком узнать. И теперь уже не узнает. . .

– Алиева тоже убило, – проговорил Карцев. – Митин вовремя послал его и еще двоих на подмогу к Флуерару.

Романов молча кивнул. Карцев рванул ворот куртки, забыв, что он давно растегнут, и, доставая сигарету, вышел из блиндажа. Под нависшей, порванной сетью он только теперь увидел тело Савченко. Круто повернувшись, Карцев вернулся в блиндаж. Ему опять стало мутно. Он провел глазами по застывшим лицам солдат, заметил напряженный взгляд Ямборского.

Карцев снова ощутил неуверенность и беспокойство. Все происшедшее было слишком ново для него. Его подмывало спросить совета у Романова и Никольского, но в то же время он не мог заставить себя сделать это.

Поразмыслив, Карцев связался по рации с командным пунктом, доложил обстановку оперативному дежурному. Узнав, что будут присланы вертолеты огневой поддержки и транспорт за ранеными, Карцев вздохнул с облегчением.

Сидя за столом, он прикидывал, как лучше распределить находившихся в блиндаже троих солдат (не считая Романова), и не перенести ли пулемет из восточного сектора вместо разбитого. Когда он не слишком уверенно решил оставить все пока как есть, начался новый минометный обстрел. Карцев нервно подвинул к себе каску, с отвращением оглядел разодранный на ее левом боку чехол. Не зная, что предпринять, он ждал начала стрельбы или телефонного звонка. Самым желанным событием для него сейчас был бы немедленный прилет вертолетов, но он понимал, что, пока не спадет жара, надеяться на это бессмысленно.

В северном секторе застучал пулемет. Карцев дернулся, схватил автомат, каску и двинулся к выходу, бросив через плечо Романову:

— Я туда. Доложишь, если что.

Карцев плюхнулся в окоп пулеметной позиции, вытер пот со лба и, пристроившись рядом с Никольским, принялся жадно-внимательно рассматривать северный склон. Пожалуй, это направление было самым невыгодным для нападавших — склон довольно ровный, почти без камней и растительности. Карцев разглядел несколько трупов, попробовал сосчитать их, но отвлекся на более интересное: из ранее незаметной лощинки выскочила группа людей, причем все они как на подбор оказались небольшого роста.

Никольский дал по ним длинную очередь. Большинство коротышек спряталось обратно в лощинке, трое не успели.

— Они что, из какого-то низкорослого племени? — удивленно спросил Карцев.

Никольский досадливо сморщился.

— Это дети. . .

— Какие дети? — еще больше удивился Карцев.

— Мальчишки. Пацаны. Лет двенадцать-пятнадцать, — медленно проговорил Никольский, злобно оскалившись. — Сегодня, товарищ лейтенант, оказывая братскую помощь, я убил уже не меньше шестерых детей. Как вы считаете, те, кто вскормил и воспитал меня, будут гордиться мной?

Карцев тупо уставился в одну из фигурок, медленно отползавшую к лощинке.

— Так как вы считаете? — хрипло спросил Никольский.

— Прекрати! — заорал Карцев. — Скажи лучше, где Митин?

— Левее, в первом окопе, — пробормотал Никольский, отвернувшись.

Перебравшись к Митину, Карцев молча выслушал краткий и четкий доклад младшего сержанта, уяснив главное — мальчишки брошены в этом направлении только для отвлечения, серьезной опасности они не представляют. В отличие от Никольского, возраст нападавших не вызывал у Митина никаких отрицательных эмоций. Скорее наоборот — младший сержант был весьма доволен, что сражаться с таким противником не составляло особого труда. Митин выглядел бодрым и даже, можно сказать, веселым. По странной привычке он постоянно приглаживал свою рыжую шевелюру.

– Почему без каски? – строго спросил его Карцев.

– А! Потно в ней! – Митин усмехнулся. – Товарищ лейтенант, а развас на военной кафедре не обучали офицерскому языку?

Карцев озадаченно-настороженно глянул на Митина.

– Вы разве не знаете, что офицеры говорят на своем, особом, языке – улыбаясь, спросил Митин. – Например, каска по-ихнему – "шлём", кобура – "кабур", оружейная – "ружейная комната". Ружья, стало быть там хранятся. Но больше всего из их языка мне нравится слово "арестование", что в переводе на русский значит "арест"!

Карцев пожал плечами.

– Не знаю. . . – недовольно протянул он. – Я слышал, как Бирюков говорил "каска", а вовсе не "шлём".

– Да это Никольский его переучил! – радостно засмеялся Митин. – Каждый раз, когда Бирюков говорил "шлём", Никольский с глупым видом хлопал глазами и спрашивал, что это такое!

Смех Митина заглушила пулеметная очередь. Маленькие враги опять попытались пойти в атаку, и опять Никольский не дал им этого сделать. Да и Митин с прежней веселой улыбкой выпустил по ним длинную очередь из автомата. Карцеву стало неприятно, даже мерзко от этой неуместной, на его взгляд, улыбки. Приказав внимательнее приглядывать за флангами, он поспешно покинул митинский окоп.

Обстрел эрэсами вновь прекратился, только мины не слишком часто продолжали звучно шлепаться по периметру обороны. Пробираясь к блиндажу, Карцев совершенно не обращал внимания на взрывы, забыв также и об угрозе снайперов. Мысли метались вокруг одного: как надо было ответить Никольскому. Сказать, что, несмотря на их возраст, мальчишки все равно наши враги? Что мы дали присягу и должны убивать всех, кто против нас? А впрочем, что говорить, ведь Никольский и так уже убивал их, по крайней мере чтобы самому не стать убитым.

Когда Карцев добрался до блиндажа, на юго-западный сектор обрушились эрэсы. Чуть погодя там загрохотали автоматы, длинно застучал пулемет. Карцев с тревогой прислушался – пожалуй, надо послать Куликову патроны. Прежде чем спуститься в блиндаж, он глянул в сторону солнца. Оно висело над западным гребнем, не низко, но и не высоко, и обжигаяще слепило глаза. "Плохо нам придется, если они опять полезут оттуда, – озабоченно подумал Карцев. – А ведь наверняка так и будет".

Войдя в блиндаж, он сразу же приказал двум солдатам доставить патроны отделению Куликова, а Романову с еще одним солдатом перетащить пулемет из восточного сектора в западный. Вскоре после их ухода эрэсы стали рваться по всей площади заставы, усилилась и стрельба.

Карцев расхаживал по блиндажу, морщась, как от боли, при звуках взрывов. Внезапно остановившись, уперся взглядом в Ямборского.

– Вас прислали для усиления?

Прапорщик замедленно кивнул.

– Тогда берите ящик гранат и бегом в западный сектор! Где запад, сообразите?

Прапорщик часто закивал, схватил двадцатикилограммовый ящик и быстро покинул блиндаж.

Задребезжал телефон, заставив вздрогнуть взвинченного Карцева. Куликов, давясь слюной, сообщил, что у него убиты еще двое и двоих тяжело ранило, что нужны гранаты.

– Людей больше нет! – с отчаяньем сказал ему Карцев.

– Пулемет быстро ~~перезарядился~~! Приходится часто менять стволы! – то-ропливо кричал Куликов. – Что же делать? Без гранат – хана, если пошлю кого-то за ними, – тоже хана!

– Держись! Все будет в порядке, притащу я тебе гранат!

Карцев суетливо выхватил из оружейки ящик, повесил автомат за спину, поправил каску.

– Будешь на связи! – ~~сказал~~ он Хакимову, баюкавшему руку, и неуклюже, сгибаясь от тяжести ящика, вышел из блиндажа.

Эрсы и мины рвались теперь только на линии окопов, стрельба и какие-то крики доносились лишь с запада и севера. Карцев, удивленный и встревоженный тишиной (если не считать взрывов) на юге, быстро засеменил туда, проклиная гранатный ящик за неудобность...

Ввалившись в окоп, он сердито глянул на Куликова.

– Ну? Чего ты волну поднял? У тебя же тут совсем тихо!

– Отбились... – как будто виновато пробормотал Куликов.

– Ладно! – Карцев добродушно похлопал его по плечу. – Гранатами и твоих орлов обеспечил, сейчас покурю быстренько и подамся на запад. Там пожарче...

Он присел на дне окопа, достал сигарету и попытался закурить. Это удалось ему не сразу – три спички сломались в его пальцах. Потом он почувствовал, что сидеть как-то неудобно. Оказалось, из-за автомата за спиной. Сняв его, Карцев поерзал, устраиваясь получше, и закрыл глаза.

Сначала он пребывал почти в блаженстве, в приятном отрешении. Но это продолжалось недолго. Он вдруг снова словно увидел бледно-серое лицо Алиева с черно-багровой дырой между широко раскрытых глаз. Карцев замотал головой и быстро поднял веки, прогоняя тягостное видение. Но стоило опять прикрыть глаза – возник облик распостертого на земле тела Савченко.

Карцев вздохнул и обвел окоп злым взглядом, сообразив, что ни в коем случае нельзя оставаться наедине с такими мрачными воспоминаниями, нужно быть занятым хоть каким-то делом. Он прислушался. С северо-запада по-прежнему доносились треск стрельбы и буханье взрывов. Еще раз вздохнув, Карцев собрался идти туда, но его планы порушил внезапно заработавший пулемет – противник начал очередную атаку и здесь.

Карцев пристроил автомат на бруствере, выбрал цель и открыл огонь. Он бил расчетливо и хладнокровно, не обращая внимания на выстрелы противника, на противный визг и близкие разрывы эрсов. Увидев, как один из нападавших неловко рухнул, похоже, сраженный именно им, Карцев радостно рассмеялся.

Расстреляв сдвоенный магазин, он поспешно заменил его новым и с прежним азартом стал искать цель. Но целей больше не было – на виду

валялись лишь трупы. Только сейчас Карцев услышал тишину.

— Как мы их... Запросто... — довольно проговорил он.

Куликов неразборчиво пробурчал, звучно сплюнул и внятно произнес:

— Они теперь значительно ближе, — помолчав, он мрачно добавил: —

И Птицын замолчал.

Приподнятое настроение Карцева улетучилось. Он глянул в сторону солнца, потом на часы. Тишина, прошло уже шесть часов с начала первого обстрела. А солдаты с утра не ели, — отметил Карцев. — И неизвестно, многим ли из них удастся еще поесть... Когда же прилетят вертолеты? А вдруг вообще не прилетят?! — со страхом подумал он и сразу же постарался прогнать эту мысль.

Снова завизжали эрсы. Куликов с усталым кряхтением поднялся со дна окопа и взялся за пулемет, готовясь к стрельбе.

— Ну, началось... — пробормотал он, и в тот же миг рядом с ним со страшным грохотом вспыхнула ослепительная вспышка.

Куликова отбросило на Карцева, и они оба рухнули на дно окопа. Очумелый Карцев безуспешно пытался подняться, ничего не видя из-за оранжевой пелены в глазах и не слыша из-за звона в ушах, во рту к тому же ощущался вкус чего-то противно-кислого. Выкарабкавшись наконец из-под Куликова, он принялся яростно тереть глаза и трясти головой. Глаза нестерпимо жгло, а голова, казалось, вот-вот расколется.

Оранжевая пелена постепенно рассеивалась. Карцев увидел Куликова, медленно раскачивавшегося из стороны в сторону, неотрывно уставившегося диким взглядом в свою левую руку. Разглядев ее, Карцев тут же закрыл глаза, сразу как-то обессилев. Рука эта вместо кисти оканчивалась красно-бело-черным месивом.

Полулежа, зажмурившись, на грани потери сознания, сквозь непрерывный звон Карцев слышал неприятно-назойливый звук. С трудом открыв глаза, он понял — это был Куликов. Испытывая огромное желание снова зажмуриться и вдобавок заткнуть уши, Карцев достал медпакет, разорвал рукав и воткнул шприц в предплечье Куликова. При мысли о том, что придется перевязывать это — раньше бывшее кистью, Карцева неудержимо затрясло. Но, переборов подступающую дурноту, он вовремя сообразил — руку Куликова надо лишь как можно туже перетянуть жгутом.

Сделав для Куликова все, что мог, Карцев бросился к пулемету, с тревогой слыша стрельбу всего двоях его солдат в этом секторе. Но пулемет оказался покореженным, и Карцев, злобно выругавшись, открыл огонь из автомата.

Он стрелял, швырял гранаты, снова стрелял, сосредоточившись на одном, — не дать противнику подобраться к линии окопов. Течение времени для него измерялось количеством оставшихся патронов и гранат. О том, что будет, когда они кончатся, он не думал. Заставлял себя не думать.

В краткий промежуток между стрельбой и взрывами Карцев слышал какой-то новый звук. Через несколько минут он с радостью понял — вертолеты!

Пара вертолетов сделала круг над заставой и пошла штурмовать

южную высоту. Вскоре ее заволокло черно-серыми клубами дыма и пыли. Обстрел оттуда прекратился, и Карцев увидел, как нападавшие стали поспешно отходить. Он дал по ним последнюю, длинную очередь, опустошившую магазин, и устало опустился на дно окопа.

Завершив свою работу на юге, вертолеты перешли на запад, а на площадку уже селся транспортник. Карцев выбрался из окопа и помог вылезти Куликову. С трудом передвигая ноги, поддерживая Куликова, он побрел к площадке. Радость исчезла, уступив место смертельной усталости и апатии. Карцев равнодушно смотрел, как из вертолета выскакивали бодрые, свежие парни, быстро разбегавшиеся по заставе. Потом к транспортнику стали потихоньку подтягиваться пропыленные, грязные, потные солдаты, с помощью прибывших неся и ведя раненых.

К Карцеву подошел офицер, окинул оценивающим взглядом и начальственно спросил:

- Лейтенант, сколько бойцов у тебя осталось в строю?
- Наверное, все здесь, – бесстрастно ответил Карцев.
- Что значит наверно?! – оскалился офицер. – Пальцем мне их, что ли, пересчитывать?!

Карцев пожал плечами. Ему было абсолютно все равно, кто надоедал ему вопросами, – капитан, майор, да хоть бы и генерал... Впрочем, он разглядел на этом властном типе погоны капитана.

– А чем хочешь, тем и пересчитывай... – все так же спокойно-равнодушно сказал Карцев. – Хочешь – пальцем, а хочешь – еще чем-нибудь...

– Как ты разговариваешь со старшими по званию!? – с изумлением возмутился капитан.

– А, Митин... Подойди-ка, – не обращая внимания на капитана, позвал Карцев. – Сколько у тебя осталось людей?

– На севере оставались я и Никольский, – деловито доложил подошедший Митин. – Двоих я послал в западный сектор.

– Ясно, можешь идти...

Карцев увидел солдата со странно полосатым лицом. Приглядевшись, он узнал Флуерару. Полосы на его густо покрытом пылью лице проделали струйки пота.

– Флуерару! – окликнул Карцев. – Романов жив?

Флуерару остановился и неуверенно глянул на Карцева и капитана.

– Наверное... – нерешительно проговорил он.

– Разущи его, – велел Карцев.

Теперь Флуерару выглядел явно испуганным. Он переводил взгляд с Карцева на капитана, и похоже, именно присутствие этого чужого офицера смущало его больше всего.

– Он к ним подался... – еле слышно произнес Флуерару.

– К кому это к ним? – Карцев еще ничего не понимал, но уже предчувствовал – случилось что-то весьма неприятное.

– Ну к этим... к бабам, – вытолкнув из себя слова, Флуерару устался в землю.

Капитан крикнул, будто приняв стопку.

– Почему ты его не пристрелил? – резко спросил он.

– А мне пальцы камнем отбило, – быстро ответил Флуерару, не

мешкая показав действительно распухшие и почерневшие пальцы.

— Ну, а кроме тебя, некому было его пристрелить? — снова резко и настойчиво спросил капитан.

— Я не знаю... — пробубнил Флуерару. — Вроде некому... Митин своих людей позже прислал, а у нас к тому времени всех поубивало или поранило...

— И прапорщика? — уточнил Карцев.

Глядя в землю, после долгой паузы, Флуерару тихо проговорил:

— У него горло вспорото... Он с Романовым в одном окопе был...

Капитан повернулся к Карцеву. Лицо его выражало неприкрытое злорадство.

— Не завидую тебе, лейтенант! В нашем полку это первый такой случай. Тебя ожидают ба-альшие неприятности!

— Дальше фронта не пошлют... — мрачно ответил Карцев.

4

Прошло две недели после штурма заставы, а обещанных Карцеву неприятностей все еще не было. За это время на заставу прислали пополнение, боеприпасы, пулеметы взамен поврежденных. Капитан со своими солдатами улетел обратно. На пятнадцатый день Карцеву сообщили из штаба, что ближайшим рейсом прилетит сменщик, Карцеву в трехдневный срок надлежит передать ему заставу, после чего прибыть в распоряжение штаба.

Сменщик оказался кадровым лейтенантом, отслужившим после училища почти два года в Союзе. Карцев как мог передал ему заставу, с нетерпением и тревогой ожидая час, когда он предстанет перед командованием.

В назначенное время прилетел вертолет, солдаты выгрузили из него почту и несколько ящиков продовольствия, и Карцев, ни с кем не попрощавшись, отправился в обратный рейс единственным пассажиром.

Он летел на вертолете второй раз в жизни и потому с большим интересом смотрел в иллюминатор, иногда бросая взгляд на высотомер над дверью кабины экипажа. Внизу проплывали однообразные ложбины, гребни, вершины, кое-где покрытые снегом. Как он ни вглядывался, ни разу не удалось разглядеть хоть какой-нибудь признак человеческого присутствия — ни жилищ, ни стад, ни посевов. Несколько раз в ложбинах встретились скопления черных пятен, показавшиеся Карцеву следами пожарищ.

Вертолет временами странно вздрагивал, а иногда вдруг начинал проваливаться вниз. Каждый раз Карцев сжимался от страха. Чуть погодя он радостно соображал — это обычная воздушная яма. Однако после очередного вздрагивания, более сильного и продолжительного, снаружи по иллюминатору медленно потекло-поползло что-то густое, светло-коричневое. Двигатель зазвучал по-другому, началось довольно быстрое снижение.

Карцев вцепился руками в скамью. Вертолет страшно затрясло,

сквозь шум стал явственно слышен скрежет. "Хана! — мысленно кричал Карцев. — Сейчас грохнемся, и костей не соберут!"

Из кабины экипажа выскочил один из вертолетчиков и принялся отдраивать дверь.

— Падаем?! — крикнул ему Карцев.

Вертолетчик не ответил и скрылся в кабине. Машина резко ухнула вниз так, что у Карцева чуть не оборвалось все внутри. Он непроизвольно зажмурился. Тряска стала почти невыносимой, потом раздался удар, от которого Карцев лязгнул зубами, и наконец все стихло.

Карцев открыл глаза. Трое вертолетчиков один за другим выскакивали из машины. Карцев поднялся со скамьи и на ватных ногах последовал за ними.

Очутившись на земле, он присоединился к экипажу, опасливо оглядываясь на вертолет. Но тот, похоже, не собирался ни взрываться, ни гореть. Один из вертолетчиков принялся рассматривать карту, другой закуривал, третий оглядывал окрестности. Карцев тоже осмотрелся. Они находились на дне вытянутой в длину котловины, с трех сторон ограниченной крутыми каменистыми склонами. В четвертую сторону котловина полого уходила вдаль, но разглядеть, что там вдали, мешали заросли арчи.

— Что будем делать? — спросил Карцев.

Разглядывавший карту коротко глянул на него, но не ответил. Другой небрежно бросил:

— Ждать.

— Чего ждать? — нервно поинтересовался Карцев.

— Прибытия вызванного нами борта.

— А случилось-то что? — не унимался Карцев.

— Обычное дело — ДШК. Всего-навсего пробили маслопровод. Так что радуйся, что пока живой.

Карцев опустил на землю, положил автомат рядом с собой и закурил, тупо уставясь в пространство. Время, казалось, остановилось. Покуриив, он впал в полудремотное состояние. В какой-то момент издалека донеслись звуки, похожие на шум летящего вертолета. Карцев встрепенулся, но вскоре все стихло, и он снова погрузился в апатию.

— Оружие на землю!

Карцев вздрогнул. Эти слова, громко произнесенные на чисто русском языке, раздалось из зарослей арчи.

Вертолетчики бросились бежать в противоположную сторону. Карцев вскочил, но тут же, охнув от боли в подвернувшейся ступне, упал. Гроыхнуло несколько выстрелов, наповал сразивших вертолетчиков.

— Эй, вояка, не дури! Брось оружие! — снова раздалось из зарослей. — Тебе от нас никуда не деться!

Карцев понимал, что спасения ему не будет. На открытом месте, да еще с подвернувшейся ногой, он представлял собой отличную мишень. То, что у него был автомат и четыре магазина, ничего не давало — он ведь не видел противника. А когда прилетит "метла", его пристрелят, как только он привстанет.

— Не бойся, ничего плохого мы тебе не сделаем!

Карцев мучительно соображал, почему этот назойливый голос казался ему знакомым. Наконец до него дошло – это же сержант Романов! Веселенькая встреча, ничего не скажешь... Ведь именно по его милости Карцев оказался здесь.

Лежа на пыльной горячей земле, стиснув автомат, Карцев с тоской ждал – вдруг кто-нибудь высунется из проклятых зарослей. Ему хотелось лишь одного – убить кого-нибудь, прежде чем он сам погибнет. О слаче в плен не могло быть и речи, слишком много он слышал в Союзе рассказов об отрезанных ушах, носах и прочих ужасах.

Услышав шум приближающегося вертолета, Карцев ощутил страстное желание жить. "Если вертолет сядет между мной и зарослями, если дверь окажется с моей стороны и если у них нет тяжелого оружия, чтобы уничтожить вертолет, – тогда я спасен", – возбужденно подумал он.

Казалось, прошла вечность, прежде чем вертолет коснулся земли. Он сел именно так, как страстно желал Карцев. Он бросился к открывающейся двери, почти не чувствуя боли в ноге. Когда до спасения оставался последний шаг, внутри вертолета грохнуло два взрыва. Карцева отбросило от двери и ударило головой о камень. "Не успел..." – мелькнуло в его мозгу перед тем, как он погрузился во тьму.

Сознание возвращалось к нему постепенно. Сначала он ощутил жуткую боль в затылке. Потом услышал шум двигателя и решил, что лежит в вертолете. С трудом подняв тяжелые веки, сквозь полумрак он увидел над собой Романова, стриженного наголо и подзаросшего щетиной. Слегка улыбаясь, он весело смотрел на Карцева.

– Ну как, лейтенант, очухался? – доброжелательно поинтересовался Романов.

Карцев не ответил. Кроме Романова, он увидел еще несколько человек в советской форме, но явно местного происхождения. Он понял, что находится не в вертолете, а в бронетранспортере. Руки Карцева были связаны за спиной. Он все-таки угодил в плен. Карцев вздохнул и закрыл глаза.

– Не горюй! – услышал он спокойный голос Романова. – Скоро приедем, накормим, напоим, а самое главное – поговорим!

Приехали действительно довольно скоро. Романов что-то сказал на чужом языке, и Карцеву помогли выбраться из бронетранспортера, остановившегося под навесом во дворе дома, окруженного мощной каменной стеной. Возле нее сидели на корточках около десятка людей с автоматами и винтовками. Увидев Карцева, они вскочили и, размахивая оружием, со злобной радостью загалдели. На этот шум из дома вышли еще двое: один сравнительно молодой, во френче, другой пожилой, в белой чалме. "Наверное, начальство, – равнодушно подумал Карцев. Тот, что во френче, радостно обратился к Романову. Между ними завязался разговор, постепенно перешедший в явный спор. На лице пожилого появилось недовольство, остальные почтительно молчали. Наконец молодой бросил резкую фразу (после которой двое с автоматами сели возле входа в дом) и вместе с пожилым покинул двор.

– Прощу! – вежливо показал на дверь Романов и, заботливо поддер-

живая Карцева, провел его в дом. – Этот вождь хотел лично допросить тебя, но я добился, что говорить с тобой пока буду только я.

Комната, куда они вошли вдвоем, имела довольно неприглядный вид. Никакой мебели не было, только на замусоренном полу валялись несколько матросов, прикрытые синими армейскими одеялами, да посреди комнаты стояли две табуретки (явно из какой-то нашей казармы), покрытые тряпкой, изображавшей скатерть, и заставленные алюминиевыми мисками.

– Что с ногой? – спросил Романов. – Тебя же вроде не ранило.

– Подвернул, – буркнул Карцев.

– А... Это ничего, – Романов ткнул рукой в сторону матраса. – Садись.

Карцев тяжело опустился, Романов сел рядом, достал нож и разрезал веревку на руках Карцева. Положив нож на "скатерть", Романов зажел керосиновую лампу и гостеприимно пододвинул миски поближе Карцеву.

– Попробуй местную еду, – дружелюбно предложил Романов.

Машинально Карцев отрицательно мотнул головой, но потом решил, что в его нынешнем неопределенном положении глупо лишиться еды, отказываться – больше могут и не предложить. Он взял из миски ложку и принялся медленно жевать.

– У тебя, наверное, есть масса вопросов, – сказал Романов. – Спрашивай.

Карцев молча пожал плечами. Больше всего его интересовала собственная судьба, но ему казалось, что спрашивать об этом – значит показывать свой страх.

– Ну ладно, тогда я расскажу, как оказался здесь...

Романов отрезал кусок мяса и неторопливо съел его.

– Я давно понял, что героем в этой войне на той стороне, где я был быть нельзя. И поставил себе задачу – дожить до дембеля, до этой осени, значит. Во время штурма, после очередной атаки, я решил, что скоро всем нам на заставе амба. Сдуру даже крикнул что-то вроде – какого дьявола я должен умирать. А со мной в окопе был этот гнусный прапор. Он заорал на меня – "сопляк, ты должен исполнить свой интернациональный долг!" Я ответил, мол, беру и даю в долг только хорошим знакомым, а со здешним народом знакомился исключительно через прицел автомата, хотя мог бы и поговорить по-человечески. Я ведь родом из Канибадама, поэтому язык ихний знаю. Мог бы их спросить, звали ли они меня сюда. Впрочем, что спрашивать – и так ясно! Так вот прапор тут вообще развонялся, материт меня по-черному, обзывает. Так мне тошно стало – я, значит, должен погибать из-за всяких козлов вроде него. Ну и прирезал его вот этим самым ножиком. И подался партизанам. Заранее я к этому не готовился, как-то само получилось. Умирать уж очень не хотелось...

– А теперь ты бессмертным стал, что ли? – усмехнулся Карцев.

Романов внимательно-строго посмотрел на него и покачал головой.

– Нет, конечно. Но теперь если погибну – то героем и настоящим интернационалистом. Ведь интернационалисты бескорыстно сражаются за чужую свободу, а не за великодержавные интересы.

– Какие же подвиги ты совершил, что стал героем? – язвительно поинтересовался Карцев.

– По моему плану и под моим руководством ликвидированы два поста на дорогах, – гордо произнес Романов.

– Наших? Советской Армии?

– Да.

– И тебе не было их жалко? – тихо спросил Карцев. – Ведь их же призвали, куда же им было деться?

– Американских парней тоже призывали. Однако те, кто не хотел убивать вьетнамцев, сжигали повестки.

Романов замолчал и отрезал себе еще кусок мяса. Карцев, задумавшись, жевал лепешку.

– Ты и мне хочешь предложить стать настоящим интернационалистом? – осторожно спросил он.

– Решай сам, – Романов усмехнулся. – Как нас учили, человек сам творец своей судьбы.

Карцев обвел оценивающим взглядом комнату.

– Жить тогда здесь придется?

– А что? Не нравится? – быстро глянув на Карцева, живо спросил Романов.

– Да как-то убого...

– Да уж, брошенный дом... Хозяева подались на чужбину. Война ведь, об не шутка.

– Ну, а потом, после войны, – задумчиво произнес Карцев. – Куда деваться?

– Или с чужими документами на родину, или на Запад.

– Угу... – протянул Карцев, наморщив лоб. Потом быстро спросил: – А если я откажусь?

– Отправим за кордон, – спокойно ответил Романов, расправившись с очередным куском мяса. – Там высшее командование решит, что с тобой делать – устроить показательный суд над поджигателем деревень и убийцей детишек или еще что...

– Ну тогда и решать нечего, – твердо сказал Карцев и взял из миски непонятный белый шарик. – Это что?

– Сыр, – Романов улыбнулся. – Ты напрасно думаешь, что все так просто. Ручки-то в крови испачкать придется...

– А, они у меня и так уж не чистые, – рассеянно ответил Карцев и понюхал шарик.

Романов мерно жевал мясо. Дождавшись, когда он моргнул, Карцев врезал ему по горлу ребром ладони. Схватив другой рукой нож, воткнул его сбоку в шею и резко рванул на себя. Романов судорожно выгнулся и повалился на спину, глухо стукнув затылком о глиняный пол.

– Вот так, интернационалист, – пробормотал Карцев, брезгливо вытирая руку, забрызганную кровью Романова. – А ты говоришь, показательный суд...

Он схватил прислоненный к табуретке автомат, суетливо обшарил Романова, переложил магазины в свои карманы. Дернулся к давно примсченной дверке в углу, но вернулся, чтобы прихватить пару лепешек.

шек. Распахнув дверку, он прошел в другую комнату и в почти полной темноте обнаружил лестницу. Поднявшись по ней, очутился на плоской крыше. Пригнувшись, чтобы не увидели со двора, Карцев внимательно оглядел окрестности. "Если не напорюсь на часовых – все будет в порядке. Ночью они меня не догонят. А там – посмотрим, даст Бог выкручусь", – решил он. Спрыгнув на землю в сторону, противоположную улице, Карцев зашипел от боли в ноге и испуганно прислушался. Удовлетворенный, он глянул на небо, на непривычно ярко-огромные звезды. Найдя Полярную, Карцев поправил автомат и быстро, но стараясь не шуметь, захромал прочь.

Ему предстоял долгий и тяжелый путь. Идти надо было на север.

– Лейтенант Карцев есть?

Карцев, вторые сутки лежавший на верху двухъярусной койки, с трудом оторвался от своих мыслей и повернул голову на голос. В дверях барака стоял солдат с красной повязкой на рукаве, недовольным взглядом обшаривая ряды коек.

– Есть, – отозвался Карцев, садясь. – В чем дело?

– К майору Карпову! – сказал солдат и повернулся к выходу.

– Эй! Подожди! – торопливо остановил его Карцев, спрыгнув на пол. – Где мне его искать?

– В штабе, естественно, – высокомерно ответил солдат.

– А кто он? Я тут недавно... – оправдывающимся тоном спросил Карцев.

– Начальник особого отдела, – ответил солдат с усмешкой. – Карцев войдете в штаб – направо до конца коридора...

Карцев торопливо натянул сапоги, также торопливо вышел из барака и пошагал к штабу. Солнце пекло немилосердно. Подойдя к входу в штабной барак, Карцев приостановился, чтобы вытереть пот с лица. Его ладонь ощутила солидную уже щетину – последний раз он брился перед вылетом с заставы. Все вещи остались в злополучном вертолете, здесь же он ничего и никого не знал. С тех пор, как Карцев добрался до гарнизона, он практически ни с кем не разговаривал. Узнал только, где ему можно спать, где столовая да туалет. Никаких распоряжений не получил, хотел было пойти на утренний развод, да сообразил – без потеряннного "головного убора" не стоит, точнее – нельзя.

За эти полтора дня несколько раз сквозь апатию в нем пробивалось удивление – никого не интересовало происшедшее с ним.

"Ну пусть это не подвиг, но все-таки, наверное, история не из тех, что случаются часто", – думал Карцев. Этим утром у него неожиданно возникла мысль, что Романова можно было и не убивать, достаточно было лишить сознания. Ведь лично Карцеву это убийство не дало ничего, а вспоминая теперь речи Романова, Карцев не мог поручиться, что в них не было хотя бы доли правды или по крайней мере логики и здравого смысла. "Главное – дожить до дембеля", – сказал Бирюков. А ведь то же самое говорил и Романов. Пусть он выбрал неверный путь, но стоило ли Карцеву становиться его судьей? И не только судьей, но и палачом...

Войдя в штабной барак, Карцев нашел нужную дверь и постучал.

– Входите, Виктор Петрович, – отозвался голос из-за двери.

Карцев, удивленный обращением по имени и отчеству, на мгновение замешкался, прежде чем войти в комнату.

– Здравствуйте, – сказал Карцев сидевшему за столом майору ласково и приветливым лицом.

– Здравствуйте, Виктор Петрович, – как-то радостно ответил майор.

– Пожалуйста, присаживайтесь. Мне, к сожалению, не удалось познаться с вами раньше, в день вашего приезда в нашу часть. Я, знаете ли, был в командировке.

Действительно, когда Карцева и двух других двухгодичников привезли сюда "для прохождения службы", половину первого дня они потратили на "знакомство" со здешним крупным начальством – замкомандира, начштаба, начпо и еще кем-то, а вот с особистом знакомство не состоялось. Теперь Карцев удивился разнице между нынешним знакомством и тогдашними, равнодушными и формальными.

– Как вы здесь устроились? – заботливо поинтересовался особист.

– Нормально, – машинально ответил Карцев, напряженно ожидая начала серьезного разговора.

Майор, добродушно улыбаясь, рассматривал Карцева, легонько постукивая карандашом по столу.

– Не жалеете, что попали сюда? – спросил он.

Карцев пожал плечами.

– Виктор Петрович, а кто ваши родители?

– Отец – инженер, мать – врач... – Карцев так удивился вопросу, что чуть не добавил: "а что?".

– Так, так... – деловито и как будто удовлетворенно произнес особист.

– Интеллигенция. Точнее – трудовая интеллигенция.

Последнее определение майор добавил довольно торопливо – словно вовремя поправляя себя. Затем пошли совсем уж неожиданные для Карцева расспросы: про квартиру и прочие бытовые условия, про увлечения (любит ли он читать, ходить в театр или кино, любит ли посидеть в компании), есть ли невеста ("Нет? А почему, если не секрет?"). Спросив Карцева, комсомолец ли он, и, получив утвердительный ответ, особист вежливо попросил перечислить обязанности члена ВЛКСМ. Карцев не смог вспомнить ни одного пункта. Майор никак не выразил свое отношение и сразу же перепрыгнул на совершенно другую тему. Вопросы сыпались один за другим без малейших пауз. И все – очень вежливым тоном, иногда с легкой доброжелательной улыбкой.

Среди прочего особист три раза задавал вопросы о фарцовке. После того как он первый раз попросил рассказать об этом, Карцев чуть ли не минуту изумленно гладел на него, прежде чем ответить, что ничем подобным не думал даже пробовать заниматься. Через некоторое время особист с самым невинным видом и как бы между прочим осведомился: "В каком вы, говорили, месте-то фарцевали?" Когда он в третий раз спросил, давно ли Карцев бросил фарцовку, тот уж раздраженно, почти грубо объяснил, что ни сам, ни даже кто-нибудь из его друзей или знакомых с такими делами не связывались.

– Ну, хорошо, хорошо! – улыбаясь, миролюбиво проговорил майор.

раскачиваясь вместе со стулом. — А не могли бы вы сказать мне, на какие темы беседуют обычно в студенческих кругах?

— Да на самые разные, — ответил Карцев, пожимая плечами. — О книгах, кино... Всякие забавные истории обсуждали...

— А о политике когда-нибудь говорили? — поинтересовался особист.

— Конечно, говорили, — спокойно сказал Карцев.

— В самом деле? И часто?

— Каждый день! — отрезал Карцев, сознательно покривив душой.

— Неужели? — впервые с начала разговора (или допроса) майор проявил ничем не прикрытый интерес. — Какие же события вы обсуждали?

В Карцеве все больше росло раздражение. В таком состоянии он обычно не только начинал говорить то, что думал, но и старался преувеличить моменты, явно должные не понравиться собеседнику.

— Мы, например, обсуждали — нужно ли было вводить сюда наши войска, — глядя прямо на майора, твердо произнес Карцев.

Особист так сильно откачнулся стулом к стене, что чуть не грохнулся. Лицо его выражало недоверие и даже обиду.

— Как?! — растерянно проговорил он. — Да разве это можно обсуждать?! Какие же тут могут быть сомнения?!

Карцев совсем не ожидал столь живой и непосредственной реакции и тем сильнее был доволен произведенным эффектом.

— Ну, а зачем нас все-таки послали сюда? Мы же самая миролюбивая страна, — с усмешкой сказал Карцев.

— Да, мы самая миролюбивая страна, — серьезно ответил майор. — Но, если бы мы не ввели сюда войска, американцы разместили бы тут свои ракеты!

— Ну и что? — все больше улыбаясь, спокойно спросил Карцев.

— Да как вы не понимаете?! — вскричал особист, но Карцев его перебил.

— Уже четверть века существуют межконтинентальные ракеты и ядерные подводные лодки. С тех пор расстояния не имеют значения. Если же следовать вашей логике — мы должны оккупировать Норвегию, Турцию, Иран, Китай и Японию. А затем страны, граничащие с этими странами, и так далее, пока не оккупируем весь мир.

— Уже Романов ли вас так обработал? — строго осведомился майор.

— У меня своя голова, — со скрытой неприязнью ответил Карцев.

— Ах, вот как... — протянул особист, вновь приняв добродушно-вежливый вид. — Ну что же, давайте на этом прервем нашу весьма интересную беседу.

Майор встал и протянул Карцеву руку. Тот машинально пожал ее и медленными, неуверенными шагами пошел к двери.

— Виктор Петрович, а почему у вас оказался автомат Романова?

Карцев, уже взявшийся за дверную ручку, непроизвольно вздрогнул.

— Я убил Романова и взял его автомат, — обернувшись, медленно проговорил Карцев.

— Да что вы говорите?! Расправились, значит, с предателем! — явно с фальшивым воодушевлением воскликнул особист. — Молодец! Но ваше-то оружие где?

До беседы с особистом Карцев не собирался скрывать свое пленение, но теперь заколебался.

— Вы, наверное, в курсе, что вертолет, прилетевший на выручку, был уничтожен при посадке? — запинаясь, спросил Карцев.

— Да, да! Оба вертолета с погибшими экипажами обнаружили, — жидко подтвердил майор. — А вам, очевидно, удалось скрыться от бандитов.

Карцев молчал, не решаясь сделать выбор, — говорить правду или идти и придумывать историю о своем спасении.

— Ну что же вы? Подзабыли? — участливо поинтересовался майор.

— Я попал в плен... — решившись, хрипло произнес Карцев. И торопливо добавил: — Когда вертолет взорвался, я потерял сознание...

— Так, так, так... А потом? — с жадным интересом проговорил майор.

Карцев вздохнул и кратко рассказал о пребывании в плену и победе.

— Послушайте, Виктор Петрович, но ведь Романов говорил вам почти то же, что и вы мне! — с каким-то торжеством констатировал особист.

— Ну и что? — угрюмо ответил Карцев. — Что вы этим хотите сказать?

Особист весьма натурально изобразил смущение. Карцев был теперь совершенно спокоен и смотрел на него с нескрываемой неприязнью, душе ругая себя за хоть и временную, но трусость — надо же, боялся признать, что какой-то час был в плену!

— Видите ли, Виктор Петрович, — осторожно заговорил особист.

Мне не совсем понятно... По вашему же рассказу Романов почти что ваш единомышленник... И вы же его и убили!

— Значит, вы мне не верите, — жестко сказал Карцев. — Наверное, мне надо было отрезать его голову и принести вам!

— Ну что вы говорите, Виктор Петрович! Это не Вьетнам, а мы не американские оккупанты! — укоризненно произнес особист. — Идите отдыхайте, а на досуге изложите поподробнее всю эту историю на бумаге и передайте мне.

— Слушаюсь! — буркнул Карцев и быстро покинул кабинет особиста.

Когда Карцев выходил из штаба, он чуть не столкнулся с каким-то смутно знакомым подполковником. Карцев шагнул в сторону и хотел идти дальше, но тот остановил его.

— Товарищ лейтенант, куда вы так торопитесь?

Карцев взглянул на подполковника, пытаясь сообразить — с кем и начальства его угораздило встретиться.

— Я... в барак иду... — медленно проговорил Карцев и вспомнил — это начальник штаба полка.

— Почему не были на разводе? — строго-удивленно осведомился подполковник.

— Да я вроде как сам по себе... — пожав плечами, нерешительно сказал Карцев, чем вызвал неподдельный гнев начальника.

— Как это сам по себе? — заорал тот, багровея. — Вы офицер или где? Что у вас за вид?! Форма грязная, мятая, шапки вообще нет! Идите за мной!

Войдя в свой кабинет, начальник штаба сел за стол, а Карцев остался стоять перед ним. Подполковник позвонил по телефону, коротко приказав кому-то зайти к нему, и, не обращая на Карцева внимания, занялся

воинскими делами – просматривал бумаги, несколько раз говорил по телефону. Минут через пятнадцать в кабинет вошел незнакомый Карцеву майор.

– Значит так, Николай Петрович, – обратился подполковник к майору. – Твоя задача – сделать из этого народника настоящего офицера. Ты только посмотри на него – только начал служить, а уже ходит грязный! Смотрите, лейтенант! Если и дальше так будете продолжать – это кончится для вас плохо!

Тупо уставясь в стену, Карцев старался отключить сознание от размышлявшего подполковника. "Шел бы ты к черту! – зло думал Карцев. Меня тут пытались убить. Я сам убил уже несколько человек. А ты, голван, распекаешь меня из-за какой-то дурацкой формы! Слава Богу, три месяца я уже все-таки отслужил. Осталось... год и девять месяцев. Из них месяц отпуска..."

Наконец подполковник утомился и замолк, вытирая платком взмокшие лоб и шею. Еще раз сердито оглядев Карцева, он махнул рукой и ушел.

– Идите!

Карцев вслед за майором вышел из кабинета. Майор целеустремленно зашагал через плац, не обращая внимания на Карцева. "Пожалуй, то хорошо, что он такой молчаливый. Чем-то похож на Бирюкова. А прочем – черт его знает. Все они отличаются от обычных людей", – думал Карцев, идя за майором и разглядывая его массивную фигуру.

Все так же молча они дошли до той части лагеря, где рядами стояли большие палатки армейского гнусно-зеленого цвета, и вошли в одну из них. Там в полумраке и клубах сизого дыма сидели вокруг обшарпанного стола четверо довольно молодых офицеров – два капитана и два старших лейтенанта.

– Вот, пожалуйста, новый командир взвода тебе! – как-то иронично сказал майор одному из старших лейтенантов.

Карцев внимательно и с любопытством взгляделся в своего нового начальника. Тот имел весьма угрюмо-отталкивающий вид и тяжелый мрачный взгляд.

– Народник... – процедил он.

– Ничего не поделаешь! Что дали, то дали, – ответил майор и усмехнулся. – Он уже успел проявить себя. Его послали поучиться к Бирюкову, а когда того подстрелили, он чуть не сдал заставу, да еще командир взвода отпустил к бабам.

Карцева бросило в жар от услышанного "Вот ведь свинство!" – мысленно возмущенный он и срывающимся голосом спросил:

– Откуда у вас такие сведения?

– Начштаба велел сделать из него настоящего офицера... – спокойно продолжал майор. – Вот ты, Петраков, этим и займешься.

– Ну, спасибо! А то у меня забот мало... – зло отозвался тот.

Карцев с ненавистью обвел взглядом офицеров. "Да хрен с ними! Пусть думают про меня что угодно... Мне бы только дожить до дембеля!" – решил он.

Когда в 1986 году Борис Слуцкий умер, у него была вполне опреленная – и очень значительная – репутация в русской поэзии. Остался большой архив. И вдруг оказалось, что все лучшее, созданное поэтом за его долгую литературную жизнь, осталось, что называется «на столе». И вот сейчас, когда его наследие широко публикуется именно из таких, ранее неизвестных стихотворений, составлена эта подборка, – перед нами как бы другой Слуцкий – философ, зорко и пристально вглядывающийся в нашу жизнь, ее трагедии и комедии, умеющий рассказывать о ней прямо и честно.

ДЛЯ КОГО-ТО ПРИШЛА ПОРА...

***

*Безнадзорные дети в безразмерных носках!
Кто беспечней и бесконтрольней на свете,
чем бесцельные и беспардонные дети
в безразмерных носках и бесцветных платках.*

*Целый день на припеке, но солнце им нравится,
безраздельно владеют берегами озерными.
Между прочим, бывает, отечество славится
повзроспевшими бывшими беспризорными.*

*Здесь на бепом песке, что загажен слегка
банками и бутылками,
под порывами ветра
тренируется миру неизвестный пока
чемпион по запыву на полкилометра.*

*И помечена красной звездой,
именуемой почему-то судьбы бесконечностью,
устремленность его среди общей беспечности
и среди безнадзорности – надзор над собой.*

БЕЛОРУССКИЕ РЕЧКИ

Речка Случь, речка Птичь,
речка Свислочь —
небольшой глубины и длины.
Не по этим ли картам училось
поколение Великой войны?

Пригодились нечаянно-скоро
те названия, что со школы
почему-то застряли в мозгу.
Мы стоим на том берегу.

Через синюю ниточку речки
в светлой зелени этих лесов
враг. Игрушечные человечки,
нитки тоненькие голосов.

А в простом полевом бинокле
видно все до малейшей зги,
видно, как устали, промокли,
как продрогли наши враги.

Нет для видимости предела,
видно все до малейших примет,
а казалось: военное дело —
десятистепенный предмет.

В школе в девяносто четвертой
я четыре года назад
мог ли думать о хватке мертвой
этих серо-зеленых солдат?

Если бомбой меня не накроет,
если пуля не попадет,
если враг, что яму мне роет,
сам в нее попадет, упадет,

если я возвращусь с победой,
речь родную сумею сберечь,
всем ребятам я завещаю
топографией не пренебречь.

***

Пуговицы застегнувши плотно,
еле успевши разок взглянуть,
юность решает бесповоротно,
зная,
что сможет еще повернуть.

Пуговицы, где возможно,
ослабивши,
до одного перепробовав клавиши,
старость решает бесповоротно,
словно усталый решает — заснуть.

АНТИЧНЫЕ ПРЕДРАССУДКИ

Толстые дети.

А есть еще рыжие дети.
Эти несчастнее всех на свете.
Собственно, почему эта масть
так раздражает и массу, и власть?

Чем она черной и русой хуже?
Рыжему кажется, что из лужи,
той, куда сызмальства погружен,
так никогда и не выйдет он.

И ожесточаются рыжие,
те, кто сохранились и выжили,
а угрюмые толстяки
в обращении нележки.

Впрочем, если ты рыж и деibel,
но имеешь характер упорный —
белому ты покажешься бел,
черный решит, что ты тоже чер-
ный.

И предрассудок, еще с античности
укоренившийся в душах людей,
не помешает веселой личности
в осуществлении своих идей.

ЕСЛИ СМОТРЕТЬ ПОД НОГИ

Чаще гривенника,
чаще
Целого билетика в метро
Попадается еще такое счастье:
Карандаш, заточенный остро.

Он лежит и грифель растворяет
В луже.

Тает ото всей души.
Почему же все теряют
Именно карандаши?

Потому что, до света вставая
И глаза продрав едва,
Пишет,
ни на миг не уставая,
Вся Москва.

Пишут дети – то круги,
то палочки,
От тетрадей глаз не отводя.
Пишут письма любящие парочки,
Поцелуй сердечком обводя.

Пишут! И такие сочинения.
Сочиняют за письмом письмо,
Что неодолимо их значение
И понятно по себе само.

Редколлегия стенной газеты
Даром проболтала целый год.
Целый вечер ей писать за это
Все: от объявлений до острот.

Пишутся проекты и запросы,
Повести, заметки, чертежи.
Рядышком

с обломком папиросы,
Карандаш – смирехонько лежи.

Подберу тебя, острозаточенный –
Синий-синий, просто голубой.
Этот стих, еще недозаконченный
Допишу когда-нибудь тобой.

***

Для кого-то пришла пора,
для кого-то прошла пора,
что ж, ни пуха вам, ни пера
тем, кому пришла пора.

Не теряйте присутствия духа
также те, чья прошла пора,
также вам ни пера, ни пуха,
да, ни пуха вам, ни пера.

Начинающие, будьте счастливы.
Не забудьте, что вам к лицу,
если будете вы участливы
к тем, кто ныне идут к концу.

Да, идут, идут и оглядываются,
не спешат перейти черту
и, наверно, сердечно радуются,
если видят к себе доброту.

ОЧЕВИДНЫЕ ПРЕИМУЩЕСТВА МОЛОДОСТИ

Деформировал возраст,
и хворос
искажала, дробила тела.
Как прекрасны молодые тела,
воплотившие прелесть и скорост
Хороши эти юные мышцы,
пересчитываемые по одной,
любящие сжиматься и мыться
кипяtkовой и ледяной.
Хорошо это чувство рекорда
в каждом мускуле. Хорошо:
голова, что поставлена гордо,
грудь выгнутое колесо,
руки, те, что берут и хватают,
ноги, те, что бегут и идут.
Те надежды, что юных питают,
старикам себя не отдадут.

Публикация Юрия БОЛДЫРЕВ

МЕНЕДЖМЕНТ – ТРОПИНКА К УСПЕХУ

Не успели мы открыть рубрику "Хочешь быть деловым?", в которой опубликован первый урок по менеджменту, как появились письма читателей. "Вы сначала расскажите, что такое менеджмент и с чем его едят", а потом преподавайте". "Можно ли заниматься изучением менеджмента самостоятельно?" "Как получить специальные знания по менеджменту?" "Можно ли применить менеджмент на уроке, в организации общественных мероприятий (собрание, пионерские сборы, субботники и т.п.)?" "Как организовать школьный кооператив и чем он должен заниматься?" "Можем ли мы зарабатывать больше родителей и что они нам на это скажут?"

Во многих письмах чувствуется неподдельный интерес к новой науке управления, стремление как можно раньше овладеть рудной, но интересной специальностью, столь необходимой в наше время. И мы решили встретиться с главными специалистами в этом деле – учеными и руководителями Московского института управления (МИУ), расспросить их. Ну, конечно, не сразу обо всем, но хотя бы о том, что такое менеджмент и где ему учатся умные люди.

С корреспондентом журнала ведут беседу профессора, доктора экономических наук Анатолий Георгиевич ПОРШНЕВ (ректор МИУ), Олег Владимирович МИХНЕНКОВ, Марк Львович РАЗУ.

Корр: Наибольшее число вопросов, заданных нам читателями, связано с самим понятием менеджмента. Что же это такое? Искусство, наука, ремесло? Замечу, что во многих письмах сквозит от-

теночек иронии. Иные полагают, что за модным понятием менеджмента кроется все та же командно-административная система управления, скомпрометировавшая себя в глазах общества.

Поршнев: Буквальный перевод слова "менеджмент" действительно означает "управление". Однако научное его понятие значительно отличается от житейского, обыденного. Оно очень емкое и определяется ныне как система взглядов, методов, специфического мышления, искусства управления, его практики наконец.

Разу: Ваш вопрос отражает мнение многих скептиков, полагающих, будто менеджмент – некий словесный "выпендрей" (простите за вульгарный сленг!). На самом деле, когда берешься сравнивать методы обычного и привычного в нашей экономической и политической системе управления с методами научного менеджмента, разница сразу бросается в глаза.

Поршнев: Учтите, что понятие менеджмента все время меняется и расширяется. Сегодня мы понимаем под ним одно, завтра это будет несколько иное... Что значит "управлять процессом или системой"? Сегодня это звучит так: надо отыскать и применить средства для изменения поведения этой системы или процесса. Не знаю, понятно ли для читателей вашего журнала я выразился, но смысл, я думаю, уловить можно.

Михненко: Добавлю, что в менеджменте употребляются многие методы разных наук: психологии, экономики, административно-правовые и т.д. Кстати, в их числе есть и не только научные, практика знает немало методов, которые еще не нашли себе на-

учного объяснения либо вообще принадлежащие не науке, а искусству.

Разу: Вообще в менеджменте органически соединены наука, искусство, практика. Сегодня накоплены обширные знания в принципах и законах управления. Несомненна связь менеджмента с практической деятельностью человека, так и с социальными взаимоотношениями. А тут многое столь сложно, что никакая наука не в состоянии справиться с возникающими проблемами. Порой на помощь приходит искусство, практическое ремесло. К тому же если у человека нет способностей и навыков управления, если он обладает какими-то природными данными, то никакая наука ему не поможет. В этом случае не стоит стремиться получать высшее менеджеровское образование. Ведь если человек не играет хорошо на скрипке, он не пойдет учиться на Паганини в консерваторию, верно?

Поршнев: Даже из того, что сказано, видно: менеджмент очень далек от методов административно-командной системы, более того – он ее полная противоположность. И нельзя ставить один ряд квалифицированного образованного и талантливого менеджера с управленцем, бухгалтером, последний даже не менее талантлив.

Корр: Честно сказать, для меня, да и, видимо, для многих наших читателей, не знакомых с менеджментом, разница остается пока скрытой... В жизни мы пр-

быкли встречать не менеджера, а руководителя, аппаратчика, техаря, вообще всякое "начальство"... Давайте разберемся, кто есть кто, как говорят американцы.

Поршнеv: Менеджер особая и довольно сложная профессия. Она требует кропотливого и длительного изучения многих научных дисциплин. Необходимы разнообразные знания – от самоуправления до общей теории систем, от банковского дела до маркетинга, от политэкономии до конкретной экономики той или иной отрасли. Аппаратчику – в том смысле, который сегодня вкладывается в это омертвевшее понятие, – все это чуждо. Его задача иная. Он сам не принимает решений, а лишь передает его от вышестоящей инстанции низшим ступеням управления. И его в первую голову волнуют не интересы дела, не производственные результаты, а исполнение воли начальства, иерархическая лестница которого беспредельна.

Разу: У нас часто говорят о номенклатуре – что это такое? Это высшая элита аппаратчиков, чьи должности утверждаются в нескольких разном ведомственных инстанциях. Скажем, начальник отдела какого-нибудь главка утверждался в парткоме министерства, заместителем министра, председателем профкома министерства и начальником главка. Казалось бы, ничего плохого в таком многостороннем согласовании нет. Человек проверялся со всех сторон... Но, как легко себе представить, он, получив "добро" от всех, до-

лжен был, как правило, и удовлетворять всех. На практике это означает, что его решения всегда будут половинчаты, расплывчаты, приниматься с оглядкой на утвердившие его инстанции, которые зачастую не понимают смысла управленческих решений, законов и принципов.

Короче, "номенклатура", "аппаратчики" всегда опутаны массой условностей и обязательств перед теми, кто не отвечает за дело, за производство прямым образом. Оно становится застойным, неповоротливым, плохо, а порой и вовсе не управляемым. Даже тот, кто, казалось бы, наделен всей полнотой власти, оказывается вроде как схваченным за руку. Можно ли по-настоящему управлять в таком неповоротливом положении?

Михненкоv: Менеджер принимает решение самостоятельно, ориентируясь исключительно на интересы дела, на достижение целей, которые поставлены перед предприятием и его коллективом. Это не "винтик", встроенный безлично в систему управления и чувствующий себя на любой ступени иерархии послушным орудием в чужих руках. Он наделен властью реальной и пользуется ею в интересах дела. У "аппаратчика" задача иная, он служит прежде всего административно-командной системе, исполняет ее требования и распоряжения, стараясь не принимать никаких собственных решений. В этом вся разница!

Корр: Тем не менее – и история хорошо доказывает это! – в нашем

народном хозяйстве в былые времена появлялись удивительные организаторы и руководители, которые проявляли прямо-таки чудеса самостоятельности и показывали образцы управленческих решений, не так ли?

Поршнеv: Несомненно! Вспомним таких поразительных самородков, как Лихачев, Королев, Бочкин, Курчатов... Эти люди одновременно решали сложнейшие технические задачи и организационные проблемы. Можно задать вопросом – почему в те годы появлялись менеджеры такого грандиозного масштаба, а с годами их становилось все меньше? Не оскудел ли народ талантами?

Корр: Хочу обратить ваше внимание на одну интересную закономерность. Вот тридцатые годы – главным героем газет, журналов и, очевидно, самой жизни был начальник стройки, директор завода. По нынешним меркам – руководитель высокого ранга. Затем, уже после войны, центр внимания и, по-видимому, центр производственной жизни переносится на прораба. Помните, все заговорило вдруг о "железных прорабах"? (Кстати, отсюда и термин "прорабы перестройки"). В семидесятые годы на передний план выдвигается фигура бригадира, он стал главным в "героических" репортажах. Легко заметить, что эти три фигуры нашего производства принимают наиболее ответственные решения. Видимо, за всем этим стоит какая-то управленческая закономерность?

Поршнеv: Дело в том, что мно-

гие годы наше хозяйство развивалось экстенсивным путем. Задача состояла в том, чтобы создать новый завод, пустить новую шахту, верфь, построить горно-обогатительный комбинат. Основные показатели экстенсивного развития – натуральные ресурсы. Нужны самолеты – вот они, летят в небе. А сколько стоит один самолет, какой ценой построен аэропорт, аэродром, аэропорт? Аэропорт – никакой не интересовало. Вообще экономические категории, такие, как цена, прибыль, кредит, ссуда, проценты, – тогда были не в чести. Решал Его Величество Вал. В те годы приходилось решать сложнейшие технические и технологические задачи, располагая ограниченными ресурсами. Уровень культуры вчерашнего крестьянина, пришедшего на завод, был низок. Инженер – единственная культурная единица на всю страну. Прорабом работал техник. В то время уж прорабами стали и инженеры. Через несколько лет на передний край вышел молодой бригадир, имеющий специальное образование, умевший и сам принимать грамотное решение. Появилась разница между железным прорабом и не менее железным бригадиром...

Вообще же надо сказать, что долгое время в связи с экстенсивным развитием нашей экономики главным управленцем у нас оставался инженер, то есть в нашей внешней молодежной терминологии – "технарь". Посмотрите нас в экономике почти все производственные должности занимают инженеры. Начиная от Председателя Совета Министров... В

глазах руководитель, который не знает, как "гайку соединить с винтом", не имеет никакой реальной ценности. Они полагали, что сумеют управлять крупными производственными коллективами, но выяснилось, что техника куда проще теловека, а экономика вскоре начинает мстить за некомпетентность.

Корр: И тогда появились управленцы-экономисты и управленцы-психологи?

Михненко: Не совсем так... Начался переход к научному управлению. Возникает менеджмент как специальность управленческого кадрового работника. При этом обнаружилось, что у нас в стране почти нет кадров с таким широким горизонтом мышления, видения управленческих проблем, с таким уровнем знаний.

Поршнеv: Тут самое время сказать несколько слов об институте. Ведь мы тоже долгое время выпускали инженеров, экономистов... А теперь мы единственное в своем роде научно-педагогическое заведение, которое готовит профессиональных менеджеров. Мы сегодня готовим ежегодно десятки тысяч специалистов-управленцев. Тут и стационарное обучение, и вечернее, заочное, и аспирантура, докторантура. Это очень сложная задача, решаемая в нынешних условиях хозяйствования чрезвычайно трудно. Особенно плохо обстоит дело с базой, откуда мы черпаем будущих студентов. Как правило, нам приходят вчерашние ученики школы, не имеющие понятия о том, что такое менеджмент.

Корр: Ну, это заметно и по письмам в журнал...

Разу: Вот почему мы с этого года начинаем создавать систему менеджерского образования заново. На новых основах! Нам нужно три-четыре колледжа, которые готовили бы специалистов управления. Но этой группе учебных заведений должны предшествовать иные, для подростков. Это должны быть специальные лицеи, которые будут оснащены соответствующей компьютерной техникой, советскими и иностранными преподавателями, иметь собственную экспериментальную базу управления.

Поршнеv: Наш Московский институт управления должен стать головным в подготовке дипломированных советских менеджеров. Такую задачу мы ставим перед собой на ближайшие годы. И, уверен, добьемся, что марка нашего МИУ будет высоко котироваться среди менеджеров на мировом рынке управленцев. Поэтому мы приветствуем инициативу журнала "Мы" открыть на своих страницах школу молодого менеджера и со своей стороны будем всячески поощрять усилия в этом направлении. Может быть, мы установим и свой приз для лучшего все задачи и предметы в клубе журнала "Мы". Впрочем, не будем перегонять события, посмотрим, как будет развиваться молодежное менеджерское движение в стране.

Беседу вел
Игорь ВОСКРЕСЕНСКИЙ

ГРАЖДДАНИН

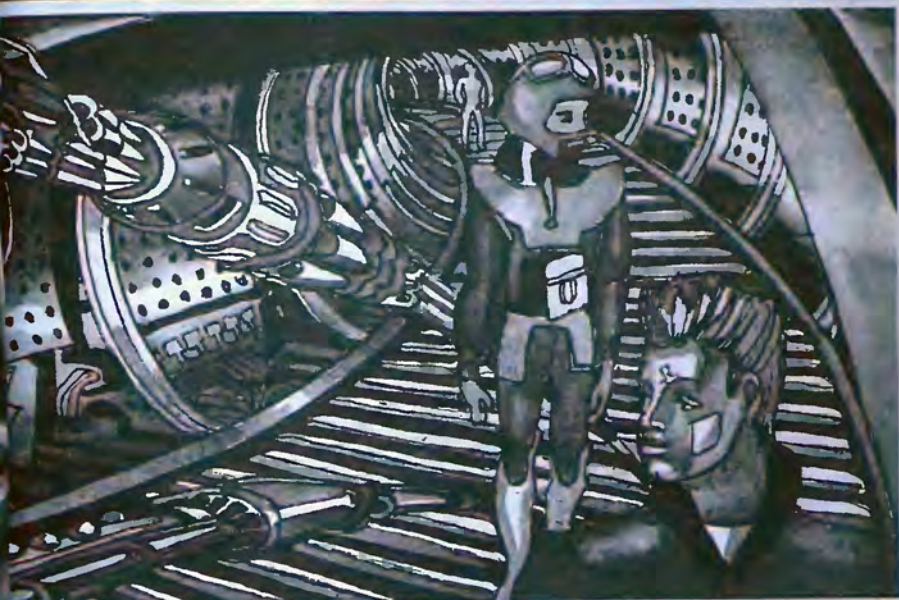
Роберт А. ХАЙНЛАЙН

ГАЛАКТИКИ

РОМАН

ГЛАВА 7

Первые несколько миллионов миль Торби пребывал в горестном убеждении, что сделал ошибку.

Остались позади минуты, когда он лежал недвижимо, вдыхая аромат листьев верги, и он пришел в себя в небольшом одноместном кубрике. Пробуждение было болезненным: тело вызвало к жизни воспоминания пребывания в тюрьме для рабов, и в первый раз за эти годы он проснулся от ночного кошмара.

Его усталый мозг, затуманенный испарениями листьев, долго стался избавиться от ощущения ужаса.

Наконец проснувшись, он понял, что находится в безопасности на орту "Сису". Печаль по Баслиму уступила место ощущению неприличности того, что его окружало. Он огляделся.

родолжение. Начало в № 8/9.

еревод с английского Илана ПОЛОЦКА
исунки Владимира РОМАДИНА

Помещение представляло собой куб на фут выше и шире, чем собственные размеры. Он лежал на койке, занимающей половину комнаты, а под ним был матрас необыкновенной мягкости из теплого и гладкого на ощупь материала. Он потянулся и зевнул, удивляясь, как торговцы живут в такой роскоши. Затем опустил ноги и встал.

Койка беззвучно поднялась и спилась с перегородкой. Торби не понимал, как вытащить ее. Наконец он бросил это занятие. Лежать больше не хотелось, он должен был осмотреться.

Когда он проснулся, потолок слабо светился, когда же встал, потолок вспыхнул поярче. Но и при свете он не мог понять, где находится дверь. С трех сторон были вертикальные металлические панели, любой из которых могла быть дверь, но нигде не было знакомых признаков отверстия для ключа, петель или тому подобного.

Он прикинул, что, может быть, его заперли, но не ощутил беспокойства. Он просто хотел найти дверь. Будь она закрыта, он бы знал, что Капитан Крауса не будет держать его под замком слишком долго. Но он не мог найти ее.

Он обнаружил шорты и сандалии. Проснулся он совершенно не так, как обычно и спал. Взяв одежду, он тщательно осмотрел ее, восхищаясь великолепием. Торби решил, что одежда предназначена для него, а не для него! Его набедренная повязка исчезла, и Капитан, конечно же, захочет, чтобы он появился на "Сису" голым. Торби не волновался, вопросы моды; разнообразные запреты и табу, существовавшие в Джаббуле, относились, главным образом, к высшим классам. Но как там ни было, одежда была необходима. Это была рабочая одежда, какую носила вся команда, тот тип одеяний, который в течение многих столетий на многих планетах носили мужчины и женщины. Но и на помон на вершине спавы не был так счастлив, как Торби! Чувствуя, как ткань нежно ласкает его кожу, он хотел, чтобы кто-нибудь увидел его во всей этой роскоши. Он принялся искать дверь с удвоенным усердием.

Шаря руками по панелям перегородки, он почувствовал дуновение легкого ветерка, обернулся и увидел, что одна из панелей исчезла. Дверь велела в коридор.

Молодой человек, одетый так же, как и Торби, прошел мимо изгибавшегося коридору. Торби обратился к нему с приветствием на жаргоне Саргонезских торговцев.

Человек моргнул, увидев Торби, и пошел дальше, словно здесь его не было. Торби был удивлен и немного обижен. Затем он обратился к человеку на Интерлингве. Ответа не последовало, и человек исчез, прежде чем Торби успел перейти на другой язык.

Торби пожал плечами и решил не обращать внимания – бродяга может позволить себе обижаться и приступил к исследованиям.

За двадцать минут он выяснил много интересного. Во-первых, "Сису" был гораздо больше, чем он себе предполагал. Раньше ему никогда не приходилось видеть космический корабль вблизи, разве что в трюма для рабов. На расстоянии корабли, садящиеся на поле Джаббульского космопорта, казались огромными, но не до такой степени.

Во-вторых, он был удивлен, обнаружив столько людей. Он знал, что линейщики Саргона, курсирующие между двумя мирами, обычно обслуживались командой в шесть-семь человек. Но здесь он уже за первые несколько минут насчитал людей обоего пола и разных возрастов в несколько раз больше.

В-третьих, его привело в уныние, что на него не обращали внимания. На него не смотрели, не отвечали, когда он заговаривал; все проходили мимо него так, что порой ему приходилось отпрыгивать. Единственная, с кем ему удалось установить отношения, была маленькая девочка, малыш, которая посмотрела на него спокойными серьезными глазами и в ответ на его попытку заговорить – но ее тут же подхватила женщина, которая даже не взглянула на Торби.

Торби было знакомо подобное обращение; так благородные относились к людям из касты Торби. Благородные не видели их, потому что те как бы и не существовали – даже милостыня подавалась им через слуг.

Но знай он заранее, что население "Сису" будет вести себя как благородные, он бы никогда не взошел на его борт, тайком или открыто. Такого он не ожидал. Капитан Крауса, как только получил послание Баслима, сразу же проявил к нему грубовато-отеческое отношение. И Торби предполагал, что команда "Сису" отнесется к нему так же, как и ее капитан.

Он шел по стальному коридору, чувствуя себя приведением среди живых, и, наконец, с грустью решил вернуться в каюту. Но тут он обнаружил, что заблудился. Торби решил пойти обратно по своим же следам – и запутался; он снова пустился в путь, не без колебаний решив, что найдет он свое помещение или нет, но ему необходимо поскорее отыскать, где тут скрывается туалет, даже если для этого придется спробабастать кого-нибудь и тряхнуть.

Он ткнулся в дверь, за которой его встретил вопль женского возмущения, и торопливо ретировался.

Вскоре после этого его едва не сбил с ног спешащий человек, который заговорил с ним на Интерлингве: "Какого черта ты тут бродишь и тыкаешься куда попало?"

Торби почувствовал прилив облегчения. Даже оскорбление было лучше полного невнимания.

– Я заблудился, – покорно сказал он.

– Почему ты не оставался там, где должен быть?

– Я не знал, что был должен... простите, благородный сэр... да и там не было никакого туалета.

– А! Но он как раз напротив твоей каюты.

– Я не знал, благородный сэр.

– М-м-м... скорее всего. Я не "благородный сэр". Я Первый Помощник Главного Энергетика – и смотри, чтобы ты это запомнил. Идем. – Схватив Торби за руку, он потащил его сквозь толчку и остановившись как раз перед тем коридором, который озадачил Торби, провел рукой по шву на металле. – Вот твой кубрик. – Панель отошла в сторону.

Повернувшись, человек сделал то же самое и с другой стороны.
– Здесь туалет для холостяков команды. – Увидев, что Торби сматился при виде странных приспособлений, он, не скрывая презрения, помог ему, затем проводил обратно в каюту. – А теперь оставайся здесь. Поест тебе принесут.

– Первый Помощник Главного Энергетика, сэр?

– Да?

– Могу ли я поговорить с Капитаном Крауса?

Человек удивился:

– Ты думаешь, что Шкиперу нечего больше делать, как говорить с тобой?

– Но...

Собеседника перед ним больше не было, Торби обращался к мультимедийной панели.

Еду принес молодой человек, который вел себя так, словно поставил поднос в пустой комнате. Торби приложил все усилия, чтобы на него обратили внимание; он вцепился в поднос и заговорил с юношей на Интерлинге. Его поняли, но ответом ему послужило одно короткое слово: "Фраки!" – и Торби уловил презрение, с каким оно было выплюнуто. Фраки была маленькая бесформенная полу-ящерица, питающаяся падалью, с Альфа Центавра Прим III, одной из первых планет заселенных людьми. Это было безобразное, безмозглое создание, чей образ жизни вызывал отвращение. Ее мясо мог есть только вконец изголодавшийся человек. К коже ее было противно притрагиваться, она издавала неприятный запах.

Но слово "фраки" означало куда больше. В культуре Старой Земли почти каждое наименование животного служило целям оскорбления: свинья, собака, корова, акула, вошь, скунс, червяк – список был бесконечен. Но ни одно из выражений не несло в себе большего оскорбления, чем "фраки".

Внезапно его потянуло в сон. Но хотя он уже мог повторить жест при помощи которого открывалась дверь, он так и не смог найти комбинацию толчков и поглаживаний, опускавших кровать, и ночь провел на полу. Завтрак его появился на следующее утро, но теперь он не посмел обратиться к тому, кто его принес, боясь, что снова натолкнется на оскорбление. Он встретился с другими юношами и молодыми людьми в ванной, что была по другую сторону коридора; пока на него по-прежнему не обращали внимания, он усвоил одну вещь – здесь он может устраивать постирушки. Ему так понравилось бывать здесь, что он забегал в душевую по три раза на день. Кроме этого, ему вообще нечего было делать. Следующую ночь он опять спал на полу.

Торби сидел, скорчившись, на полу своей каюты, чувствуя тоску и режущую боль при воспоминании о папе и жалея, что оставил Джабул, когда кто-то постучал в его дверь.

– Разрешите войти? – на плохом саргонезском спросил мягкий голос.

– Войдите! – ответил Торби и вскочил на ноги. Он увидел женщину средних лет с приятным выражением лица.

– Прошу вас, – сказал он на саргонезском и отступил в сторону.

– Благодарю вас, вы так любезны, – она запнулась и быстро спросила. – Вы владеете Интерлингвой?

– Конечно, мадам.

Она пробормотала на Системном Английском:

– Слава богу хоть за это... саргонезский меня вымотал, – а затем перешла на Интерлингву. – Тогда поговорим на этом языке, если вы ничего не имеете против.

– Как вам будет угодно, мадам, – ответил Торби на том же языке и добавил на Системном Английском, – если вы не предпочитаете другие языки.

Она не могла скрыть изумления:

– На скольких же языках вы говорите?

Торби подумал.

– На семи, мадам. И еще в нескольких я разбираюсь, но не могу утверждать, что говорю на них.

Изумление ее росло прямо на глазах, и она медленно сказала:

– Может быть, я ошиблась. Но – поправьте меня, если я ошибаюсь, и простите мое невежество – мне было сказано, что вы сын нищего из Джаббулпорта.

– Я сын Баслима Калеки, – гордо сказал Торби, – дипломированного нищего милостью Саргона. Мой последний отец был ученым человеком. Его мудрость была известна от одного конца площади до другого.

– Я верю. И... неужели все нищие на Джаббуле так хорошо разбираются в языках?

– Что вы, мадам! Большинство из них говорит только на мусорном жаргоне. Но отец не разрешал мне пользоваться им... разве что только в профессиональных целях.

– Да, конечно, – она моргнула. – Хотела бы я встретиться с вашим отцом.

– Спасибо, мадам. Не хотите ли вы присесть? Простите, что не могу предложить ничего, кроме пола... но все, чем я владею, в вашем распоряжении.

– Спасибо, – она села на пол, сделав это куда с большим усилием, чем Торби, который провел тысячи часов в позе лотоса, напрягая легкие в криках о подаянии.

Торби задумался, не стоит ли прикрыть двери, хотя эта леди – по саргонезским обычаям он воспринимал ее как "миледи", но ее дружеская манера держаться делала ее статус неясным – может быть, оставила их открытыми специально. Он тонул в море неизвестных обычаев, то и дело сталкиваясь с ситуациями, совершенно новыми для него. Он нашел выход из положения, основываясь на здравом смысле и просто спросил:

– Вы предпочитаете оставить дверь открытой или закрыть ее?

– Что? Это неважно. Хотя лучше оставьте ее открытой; здесь живут холостяки, а я располагаюсь в той части корабля, где живут незамужние женщины. Но я пользуюсь некоторыми привилегиями и независимостью, как... ну, как домашняя собачка. Я фраки, которую терпят.

– Последние слова она сказала со смущенной улыбкой.

Торби не уловил сути основных понятий.

– "Собачка"? Это что-то похожее на волка?

Она внимательно посмотрела на него.

– Вы учили этот язык на Джаббуле?

– Я никогда не был нигде, кроме Джаббула – кроме того времени, когда я был совсем маленьким. Простите, если я выражаюсь не совсем правильно. Может, вы предпочитаете Интерлингву?

– О, нет. Вы прекрасно говорите на Системном Английском... земной акцент у вас лучше, чем у меня. А я никак не могу научиться правильно произносить гласные. Хотя я стараюсь, чтобы меня понимали. Но разрешите представиться. Я не из Торговцев; я антрополог, они разрешили мне попутешествовать вместе с ними. Меня зовут доктор Маргарет Мадер.

Торби кивнул и сложил ладони вместе.

– Я польщен. Меня зовут Торби, сын Баслима.

– Мне очень приятно, Торби. Зовите меня Маргарет. Мой титул здесь не имеет никакого значения, потому что он не относится к корабельным званиям. Вы знаете, что значит быть антропологом?

– Ну... простите, мадам... то есть, Маргарет...

– Антрополог – это ученый, который изучает, как люди живут в сообществе.

Торби с сомнением посмотрел на нее:

– Разве это наука?

– Порой и я в этом сомневаюсь. Но в сущности, Торби, это достаточно сложная наука, потому что количество способов, при помощи которых люди могут сосуществовать, бесконечно. Вы понимаете, что это значит?

– Что-то вроде поисков икса в уравнении, – смущенно сказал Торби.

– Правильно! – с удовольствием согласилась она. – Мы изучаем эти иксы в человеческих уравнениях. Этим я и занимаюсь. Я изучаю образ жизни Свободных Торговцев. Они, вполне возможно, решили самую старую задачу трудной проблемы: как остаться человеком и выжить в любом обществе. Они уникальны. – Она беспрестанно двигалась по комнате. – Торби, вы не против, если я сяду на ступ? Я не могу сгибаться так легко, как вы.

Торби покраснел.

– Мадам... но у меня нет ни одного. Я...

– Один как раз за вами. А другой за мною. – Она повернулась и притронулась к стенке. Панель скользнула в сторону, и из открывшегося пространства появился ступ.

Взглянув, какое выражение приняло его лицо, она спросила:

– Разве вам не показывали? – и проделала то же самое и с другой стеной; появился еще один ступ.

Торби присел с осторожностью, затем опустился на сиденье совсем весом и постарался привыкнуть к нему. По его лицу расплылась широкая улыбка.

– Ух!

- Вы знаете, как открывается ваш рабочий столик?
- Столик?
- Боже небесный, неужели они вам ничего не показали?
- Ну... здесь как-то была кровать. Но я потерял ее.

Доктор Мадер что-то пробормотала про себя, а затем сказала:

- Я должна была догадаться об этом. Торби, я восхищаюсь этими Торговцами. Я даже люблю их. Но они могут быть и самыми туполобыми, самовлюбленными, самоуверенными - хотя я не должна критиковать наших хозяев. Вот. - Вытянув обе руки, она прикоснулась к двум точкам на стене, и исчезнувшая кровать опустилась. Вместе с двумя стульями кубрик превратился в тесное обиталище для одного человека. - Лучше я верну ее в прежнее положение. Вы видели, что я делала?

- Дайте мне попробовать.

Она показала Торби всю обстановку, встроенную в, казалось бы, совершенно голые стены: два стула, кровать, шкафчик для белья. Торби выяснил, что он имеет две пары рабочей одежды, две пары мягкой судовой обуви и много чего еще, что казалось Торби достаточно странным: книжная полка, фонтанчик для питья, лампа над кроватью, часы, зеркало, комнатный термостат и прочие приспособления, бесполезные для него, так как у него не было необходимости ими пользоваться.

- А это что? - спросил он наконец.

- Скорее всего микрофон, связанный с каютой Главного Офицера. Но не беспокойся; на этом корабле почти никто не говорит на Системном Английском. Они общаются на их "секретном языке" - но только в нем нет никаких тайн, это обыкновенный финский язык. Каждый корабль Торговцев пользуется своим собственным языком - точнее, одним из земных языков. А с другими Свободные Торговцы общаются на Интерлингве.

Торби слушал в пол-уха. Он просто был очень рад ее обществу, да и, кроме того, ее отношение к нему так отличалось от того, что его окружало.

- Маргарет... почему они не хотят поговорить с человеком?

- Что?

- Вы первый человек, который заговорил со мной!

- Ах вот как! - Она не могла скрыть своего огорчения. - Я должна была догадаться об этом. На вас не обращают внимания.

- Ну... они меня кормят.

- Но не говорят с вами. Бедный мой! Торби, они не говорят с вами, потому что вы не "человек". Так же, как и я.

- Они и с вами не разговаривают?

- Теперь иногда заговаривают. Но для этого потребовался прямой приказ Главного Офицера и много терпения с моей стороны. - Она нахмурилась. - Торби, каждая замкнутая клановая культура - а я не знаю другой, которой были бы так свойственны черты клановости, - каждая такая культура имеет в своем языке определенное ключевое слово... и это слово - "человек", по крайней мере, как они его пони-

мают. Оно включает в себя их самих. "Я и моя жена, сын Джон и его жена – нас четверо и никого больше". Они отсекают свою группу от всех прочих и отрицают право других считаться человеком. Вам доводило ли уже слышать слово "фраки"?

– Да. Я не знаю, что оно здесь означает.

– Фраки – безвредное, но достаточно отвратительное маленькое животное. Но когда они произносят это слово, то имеют в виду "чужой".

– Так оно и есть – я ведь чужой для них.

– Да, но в то же время это означает, что вы никогда не будете никем иным. Это означает, что и вы, и я – недочеловеки, которые находятся вне закона – их закона.

Торби был ошарашен.

– Значит ли это, что я должен буду вечно оставаться в этой комнате и даже не смогу никогда ни с кем поговорить?

– Господи! Я не знаю. Но ведь я же говорю с вами.

– Спасибо!

– Давайте посмотрим, к чему я пришла. Они не жестоки; они просто тупоголовы. Тот факт, что вы способны чувствовать и ощущать, ничем не значит для них. Я поговорю с Капитаном, так как получила приглашение на встречу с ним, как только корабль ляжет в свободный порт.

– Она взглянула на свой ножной браслет. – Господи, сколько уж времени! А я зашла поговорить относительно Джаббула, и мы еще ни словом не перекинулись о нем. Могу ли я зайти еще и поговорить с вами на эту тему?

– Я хотел бы еще вас увидеть.

– Отлично. Культура Джаббула неплохо исследована, но я думаю, что вряд ли у кого-то была возможность взглянуть на нее с точки зрения профессионального нищего. Исследователи, которым разрешалось жить там, пользовались гостеприимством высших классов. И это заставляло их рассматривать предмет... ну, например, жизнь рабов они видели снаружи, а не изнутри. Понимаете?

– Думаю, что да, – ответил Торби. – Если вас интересуют рабы, то я один из них.

– Вы были?..

– Теперь я свободный человек. Я должен был сказать вам об этом. – неловко добавил он, опасаясь, что его новообращенный друг, узнав из какого он класса, отнесется к нему с презрением.

– Это неважно, но я прямо вне себя от счастья, что вы сказали об этом. Торби, да вы прямо кладезь сокровищ! Послушайте, дорогой мой, я должна бежать, а то я и так припозднилась. Но могу ли я забежать к вам снова?

– А как же, конечно, Маргарет. – И он честно добавил: – Ведь мне так и так больше нечего делать.

В эту ночь Торби спал в своей чудесной новой постели. Все утро он провел в одиночестве, но больше не тосковал, так как у него появилось много новых игрушек, с которыми он мог забавляться. Он извлекал предметы и заставлял их прятаться снова, восхищаясь, как продуманно с минимальной затратой места все устроено. Он уже в шестой раз

открывал кровать, когда чуть не выскочил из сандалий от пронзительного воя. Это была общесудовая сирена, сзывавшая всех по своим местам, просто сирена, но Торби не знал этого. Когда сердце вернулось на место, он открыл двери и выглянул наружу. Люди неслись по коридору с головокружительной скоростью.

Вскоре коридор полностью опустел. Вернувшись в свою каюту, он стал ждать, пытаясь понять, что происходит. Внезапно его острый слух уловил отсутствие мягкого шуршания вентиляционной системы. Но ему ничего не оставалось больше, как ждать. Может быть, он должен был оказаться в каком-нибудь отдаленном помещении вместе с детьми и другими, кто не принимал участия в боевой тревоге, но он не знал, как это сделать.

Поэтому просто ждал.

Снова раздался сигнал тревоги, к которому прибавился на этот раз и звук рога, и снова коридор наполнился топотом бегущих людей. И снова сигнал повторился: команда отрабатывала Поражение Ходовой Рубки, Пролом Борта, Отказ Энергосистемы, Воздушную Опасность, Радиационную Опасность и так далее — судно тщательно проверяло свою боевую готовность. А когда исчезло освещение, Торби испытал ужасное мгновенное ощущение свободного падения, словно отключилось поле искусственного тяготения корабля.

Эта непонятная кутерьма длилась довольно долго, наконец он услышал успокаивающий звук отбоя и возвращающийся шорох вентиляции. Никто не позаботился зайти взглянуть на него; та старая женщина, которая опекала всех незанятых по боевой тревоге, не заметила отсутствия фраки, хотя она считала по головам даже домашних животных на борту.

И сразу же после окончания тревоги Торби вызвали к Старшему Офицеру.

Человек, открывший двери, схватил его за плечо и выволок наружу. Торби сделал в таком положении несколько шагов и воспротивился — подобным обращением он был сыт по горло.

Приемы грязного боя, которым он был вынужден обучиться, чтобы выжить в Джаббулпорте, не знали правил. А этот человек изучал в школе боевое искусство, построенное на хладнокровии и знании научных основ. Торби нанес ему сильный удар, а затем оказался прижатым к палубе с едва не сломанной левой кистью.

— Прекрати эти глупости!
— А ты не тащи меня за шиворот!
— Я сказал — прекрати эти глупости. Ты должен предстать перед Старшим Офицером. Не доставляй мне хлопот, фраки, иначе я засуну твою же голову тебе в рот.

— Я хочу видеть Капитана Краусу!
Человек ослабил зажим и сказал:
— Ты увидишь его. Но Старший Офицер сказала доставить тебя, и она не может ждать. Ты успокоишься? Или мне придется доставить тебя по частям?

Торби решил успокоиться. Выкрученная кисть, да еще в комбинации

с давлением на нерв между косточек ладони, обладала своей грубой логикой.

– Вот этот фраки, Старший Офицер.

– Спасибо, Третий Палубный Мастер. Вы можете идти.

Торби понял только слово "фраки". Взяв себя в руки, он осмотрелся и выяснил, что находится в комнате намного больше, чем его собственная. Самой внушительной из обстановки в ней была величественная кровать, но покоящаяся на ней маленькая фигурка господствовала над всем окружающим. И только после того, как увидел ее, Торби заметил, что Капитан Крауса молча стоит рядом с кроватью, а по другую сторону ее – женщина примерно его же лет.

Старая женщина на ложе излучала решительность и величие. Она была в богатых одеяниях – один только шарф, прикрывавший ее и тончавшиеся от возраста волосы, стоил больше денег, чем Торби видел за всю свою жизнь.

– Вот оно как! Немало беспокойств доставила бы мне эта история, поверь я в нее, Старший Сын. – Она говорила на финском.

– Мать Моя, послание подлинное.

Она фыркнула.

С упрямой настойчивостью Капитан Крауса стоял на своем.

– Послушайте его сама, Мать Моя. – Он повернулся к Торби и сказал на Интерлингве: – Повтори письмо своего отца.

Почувствовав облегчение при виде друга Баслима, ничего не понимая, Торби покорно повторил затверженные наизусть слова. Старая женщина внимательно прослушала его, а затем повернулась к Капитану Краусе:

– Что это? Он говорит на нашем языке! Какой-то фраки!

– Нет, Мать Моя, он не понимает ни слова. Это голос Баслима.

Снова повернувшись к Торби, она обрушила на него водопад финских слов. Он вопросительно взглянул на Капитана Крауса. Она сказала:

– Пусть повторит еще раз.

Капитан отдал приказ. Торби, смутившись, покорно повторил. Она лежала молча, и остальные, как Торби понял, ждали ее решения. Наконец она выдохнула:

– Долги надо платить!

– И я так думаю, Мать Моя.

– Но почему эти помои обрушились на нас? – гневно ответила она.

Капитан промолчал. Она продолжала более спокойно:

– Послание подлинное. Хотя я была уверена, что оно поддельное. Но, Старший Сын, как бы ни был ты глуп, правда на твоей стороне. И долги надо платить. – Ее сын продолжал молчать, и она гневно добавила: – Ну же! Говори! Какой монетой ты собираешься расплачиваться?

– Я думал об этом, Мать Моя, – медленно сказал Крауса. – Басли просит, чтобы мы определенное время заботились о мальчике... пока не сможем доставить его на военное судно Гегемонии. Как долго нам придется ждать? Год, два года? И мы сталкиваемся с проблемами. Кроме того, у нас есть и прецедент – женщина-фраки. Семья приняла ее – да, не без ворчания, но они привыкли к ней и даже рады ей.

присутствию. Если бы Мать Моя таким же образом вмешалась в судьбу этого юноши...

– Чушь!

– Но, Мать Моя, мы обязаны. Долги надо...

– Молчание!

Крауса замолчал.

Она продолжила тихим голосом:

– Разве ты не слышал слова о той ноше, которую Баслим возложил на тебя – “поддержать его в трудную минуту и дать совет, словно это твой собственный сын”. Кем был Баслим для этого фраки?

– Но как же, он говорил о нем, как о приемном сыне. Я думал...

– Тебе не надо думать. Если ты занимаешь место Баслима, кем ты становишься? И можно ли по-иному понимать эти слова?

Крауса встревожился. Старуха продолжала:

– “Сису” всегда платила свои долги сполна. Не обвешивала и не обмеривала – сполна! Фраки должен быть усыновлен... тобой.

Крауса побледнел:

– Но, Мать Моя, каково будет решение Семьи...

– Семья – это я! – Внезапно она повернулась к другой женщине. – Жена Старшего Сына, пришли ко мне всех моих старших дочерей.

– Да, Мать Мужа, – она поклонилась и вышла.

Старший Офицер мрачно смотрела вверх их голов, а затем еле сдержала улыбку:

– Это не так плохо, Старший Сын. Что будет с Людьми на следующей Встрече?

– Нас будут благодарить.

– Одним “спасибо” не загрузишься. – Она облизала тонкие губы. – Люди будут в долгу перед “Сису”... и это может привести к тому, что статус судна изменится. Мы ничего не потеряем.

Крауса медленно усмехнулся:

– Вы всегда были хитроумной, Мать Моя.

– Хорошо, что у “Сису” есть я. Возьми этого мальчишку-фраки и подготовь его. Мы должны поторапливаться.

ГЛАВА 8

У Торби были на выбор две возможности: или усыновление пройдет тихо, или с помпой, но и в том и в другом случае он будет усыновлен. Он выбрал первый вариант, что было благоразумнее, соответствовало желанию Старшего Офицера, которая держалась по отношению к нему достаточно недоброжелательно. Кроме того, хотя он чувствовал себя неустроенным и несчастным, в ожидании знакомства с новой семьей он не мог не понимать, что изменение положения пойдет ему на пользу. Статуса ниже, чем у фраки, не было.

Но, что было куда важнее, папа наказал ему делать все, что скажет Капитан Крауса.

Усыновление произошло в обеденном салоне, в тот же день, после вечерней трапезы. Торби мало понимал из того, что происходит, и еще

меньше из того, что говорилось, так как вся церемония шла на "тайном языке". Но Капитан подсказывал, чего от него ждут. Вся команда корабля, исключая тех, кто нес вахту, собралась здесь.

Когда внесли Старшего Офицера, все встали. Она заняла место на сидении во главе офицерского стола, где ее взяла под свою опеку невестка, жена Капитана. Устроившись поудобнее, она сделала жест рукой, и все сели, причем Капитан занял место справа от нее. Девушки, которые сегодня несли вахту по кухне, снабдили всех присутствующих чашами с тонко протертой похлебкой. Никто к ней не притронулся. Старший Офицер гулко ударила ложкой по чаше и произнесла несколько слов – кратких и выразительных.

Сын последовал ее примеру. Торби был удивлен, обнаружив, что часть капитанской речи точно соответствовала посланию, которое он доставил ему: он мог уловить последовательность звуков.

Старший Инженер, который был постарше Краусы, ответил, а затем несколько пожилых людей, мужчин и женщин один за другим брал слово. Старший Офицер задала вопрос и получила ответ хором – с был единодушен. Ей не пришлось спрашивать, кто голосовал против.

Торби сидел в одиночестве на стуле и чувствовал себя не очень уютно.

– Иди сюда!

Торби поднял глаза и увидел, что Капитан и его мать смотрят на него. Он вскочил.

Окунув ложку в его чашу, старая женщина чуть притронулась к нему кончиком языка. Борясь с ощущением, что делает что-то кощунственное, но повинаясь указаниям, он, окунув свою ложку в ее чашу, осторожно сделал глоток. Нагнувшись вперед, она притянула к себе его голову и клюнула сухими губами в обе щеки. Он вернул ей этот символический поцелуй и почувствовал, как по телу у него пробежала волна гусиной кожи.

Капитан Крауса угостился из чаши Торби, а он – из его. Затем Капитан Крауса вынул нож и наметив точку между большим и указательным пальцем, шепнул на Интерлингве: "Думаю, ты не будешь орать". Он уколол его в намеченном месте.

Торби грустно подумал, что Баслим научил его переносить в десять раз более сильную боль. Кровь потекла струей. Крауса позволил ей стекать свободнее, чтобы образовалась ясно видная всем лужица. Что-то громко сказал, а затем резко опустил ладонь так, что капли крови брызнули на палубу. Капитан наступил на них, растер подошвой, снова что-то громко сказал и обратился к Торби на Интерлингве:

– Теперь твоя кровь на стали; а наша сталь в твоей крови.

Торби была понятна добрая магия, которой ныне была повязана его жизнь, он воспринимал ее разумную логику. Он испытал прилив гордости от мысли, что отныне он – часть корабля.

Жена Капитана залепила ранку пластырем. Затем Торби обменялся поцелуями с ней, а потом должен был подойти к каждому столу и к своим братьям и дядям, сестрам, кузинам и тетям. Вместо поцелуев мужчины жали ему руку и крест-накрест хлопали по плечам. Когда он

подошел к столу, где сидели незамужние женщины, то замедлил шаг, но выяснил, что они не собираются его целовать – они хихикали, по-визгивали и, краснея, торопливо притрагивались указательным пальчиком к его пбу.

Пробегаая рядом с ним, девушки, обслуживавшие сегодня кают-компанию, быстро сменили чаши с похлебкой – это была чисто ритуальная еда, символизировавшая тот скудный рацион, которым должны были довольствоваться в случае необходимости Люди, уходящие в космос, – изысканными блюдами. Торби должен был бы до ушей нахлебаться варева, не уясни он простой фокус: не есть, а только облизывать ложку, чтобы лишь почувствовать вкус. Но тем не менее, когда наконец он занял место как полноправный член Семьи за столом холостяков, то уже не чувствовал аппетита. Обрести сразу более восьмидесяти новых родственников было не так легко. Он просто устал.

Из своей каюты Торби был переселен в гораздо более роскошное помещение, предназначенное для четырех холостяков. Его сотоварищами по комнате оказались Фриц Крауса, старший неженатый молочный брат и старший по столу холостяков команды, Челан Крауса-Дротар, второй молочный двоюродный брат Торби, и Джерри Кингсолвер, его молочный племянник по старшему женатому брату.

Первой задачей Торби было выучить слова, обозначающие родственные связи, в зависимости от которых он должен был обращаться к каждому из восьмидесяти новых родственников; он должен был усвоить малейший оттенок родства – ближнее или дальнее, среди старших и младших; он должен был выучить и другие титулы, с которыми надлежало обращаться к каждому.

Он должен был сопоставлять пять примет каждого члена команды "Сису": внешность, полное имя (его собственное имя ныне было Торби Баслим-Крауса), семейный титул, титул, с которым этот член семьи обращается к нему, и ранг данного лица на корабле (такие, как "Старший Офицер", или "Второй Помощник Кока Команды"). Он усвоил, что к каждому лицу необходимо обращаться по фамилии, если речь идет о делах семьи, и в соответствии с рангом, если говорится о корабельных делах, а также по присвоенному имени, если старший позволяет это; в тех случаях, когда разговор касается социальных тем, клички практически отсутствовали, хотя их можно было употреблять только сверху вниз и никогда наоборот.

Жизнь на корабле представляла собой кастовую систему с таким сложным комплексом обязательств, привилегий и предписанных реакций на определенные действия, что строго расчлененное, зажатое многочисленными предписаниями общество Джабула предстало сплошным хаосом. Жена Капитана была для Торби "матерью", но также она была Заместителем Старшего Офицера, и его обращение к ней зависело от того, что он хотел сказать. Тем не менее она относилась к нему тепло и каждый раз подставляла щеку для поцелуя, так же, как и товарищу Торби по комнате и его старшему брату Фрицу.

Но как Заместитель Старшего Офицера она могла быть холодна, как

сборщик налогов. В ее положении были свои трудности: она не могла занять пост Старшего Офицера до тех пор, пока старуха не соблаговолит умереть.

Теоретически Старших Офицеров выбирали; практически же это были выборы с единственным кандидатом. Крауса стал Капитаном, потому что таковым был его отец; его жена в силу своего семейного положения была заместителем Старшего Офицера и когда-нибудь она должна будет стать Старшим Офицером – и по этой же причине управлять им и его кораблем, как это делала его мать. Тем не менее высокий ранг его жены был сопряжен с самой тяжелой работой на корабле, без передыха, потому что старшие офицеры служили всю жизнь... до тех пор, пока не умирали, если они не были сняты с поста приговорены и вышвырнуты – то ли на планету с минимальными условиями жизни, то ли прямо в ледяной холод космоса – за нарушение древних законов "Сису".

Торби как усыновленный старший сын Капитана Крауса стал старшим мужским представителем этого клана (подлинной главой его была мать Капитана) и оказался старше трех четвертей своих новых родственников по клановому статусу (корабельного звания он еще не получил). Но старшинство отнюдь не сделало его жизнь легче. Ранг привилегий давал и определенные преимущества. Но вместе с ними возлагали и ответственность и обязанности, тяжесть которых была куда ощутимее, чем удовольствие от привилегий.

Освоить искусство нищего было куда легче.

Он был поглощен своими новыми проблемами и несколько дней не видел доктора Мадер. Он наткнулся на нее, когда бежал по коридору четвертой палубы, – теперь он передвигался только бегом.

– Привет, Маргарет.

– Здравствуйте, Торговец. А я уж было подумала, что вы не захотите больше говорить с фраки.

– Фу, Маргарет!

Она улыбнулась.

– Я пошутила. Спасибо, Торби. Я рада за вас – это был наилучший выход в этих обстоятельствах.

– Спасибо, я тоже так думаю.

Она перешла на Системный Английский, и в голосе ее прозвучала материнская озабоченность:

– Вас что-то беспокоит, Торби. Что-то не в порядке?

– Да нет, дела идут отлично. – Но внезапно он выпалил всю правду.

– Маргарет, я никогда не смогу понять этих людей!

– В начале каждой полевой работы, – мягко сказала она, – я чувствую то же самое, и это кажется мне самым удивительным. Что вас беспокоит?

– Ну... я не знаю и никогда не смогу разобраться. Взять, например, Фрица – это мой старший брат. Он немного помогает мне – когда я путаюсь, что-то и не оправдываю его ожиданий, он орет мне прямо в ухо. Как-то он даже ударил меня. Я дал ему сдачи, и мне показалось, что он прямо взорвался от возмущения.

– Влепили, как следует.
– Ну, он сразу же замкнулся и сказал, что может забыть все случившееся только из-за моего невежества.

– И он в самом деле забыл?

– Совершенно. Он стал сладким, как сахар. Я не знаю, отчего он впадает в мрачность... и не знаю, почему он изменился, когда я ему вмазал. – Он развел руками. – Это ненормально.

– Нет, это не так. Но кое-что здесь есть. М-м-м... Торби, я, наверное, смогу вам помочь. Потому что я не принадлежу к Людям.

– Не понимаю.

– А я понимаю. Потому что это моя работа. Фриц появился на свет среди Людей, и многое из того, что он знает – а он очень умный молодой человек, – лежит в подсознании. Он не может объяснить это, потому что сам не знает всего, что ему известно, он просто действует. Ну, а я все эти два года сознательно усваивала все, что мне удавалось узнать. Возможно, я смогу помочь вам советом, когда вы стесняетесь что-то прямо узнать у них. Со мной вы можете говорить совершенно спокойно, ведь у меня нет никакого статуса.

– Ох, Маргарет, неужели вы в самом деле можете?..

– Как только у вас будет время. Кроме того, я не забыла, что вы обещали мне рассказать о Джаббуле. Но не буду вас задерживать, похоже, вы спешите.

– В общем-то нет, – застенчиво улыбнулся. – когда я спешу, у меня нет времени даже перекинуться с кем-то словом... да я и не знаю, как это сделать.

– Ах, да, Торби, у меня есть фотографии, имена, семейная классификация, распределение обязанностей на корабле всех его обитателей. Вам это пригодится?

– Еще бы! Фриц считает, что достаточно показать мне кого-нибудь и сказать, кто это такой, – и я уже всех знаю.

– Отлично. У меня есть разрешение на беседы с любым членом команды. Идемте ко мне. Эта дверь открывается в общий коридор, и вам не придется пересекать женскую половину.

Обложившись пасьянсом фотографий с данными, Торби пришлось приложить немало усилий, чтобы за полчаса постепенно впитать всю информацию – спасибо тренировке Баслима и аккуратности доктора Мадер. Кроме того, она подготовила генеалогическое древо "Сису" – первое, которое ему довелось увидеть.

Она показала ему место, где располагается на древе и он сам.

– Этот плюс означает, что, хотя вы находитесь в прямых отношениях с кланом, рождены вы вне его. Ваши называют себя "Семьей", но группировки можно считать фратриями.

– Чем?

– Определенными группами без общих предков, которые практикуют экзогамию, то есть женятся и выходят замуж вне пределов группы. Правила экзогамии продолжают иметь силу, модифицированные законами подбора супруга. Вы знаете, как работают супруги?

– Они обычно вместе несут вахты.
– Да, но знаете ли вы, почему на ходовых вахтах больше холостяков, а на вахтах в порту больше одиноких женщин?

– Нет, я не думал об этом.
– Женщины, которых принимают на борт с других судов, приходят в портах; холостяки же все свои, на борту. Каждая девушка из вашей команды должна пройти через такой обмен... пока она не сможет найти себе мужа среди очень незначительной группы. Видите эти имена, отмеченные синим крестиком? Одна из этих девушек может стать вашей будущей женой... если вы не найдете себе невесту на другом корабле.

При мысли об этой перспективе Торби опечалился.

– А я должен это делать?

– Если вы получите звание на корабле, соответствующее вашему рангу в семье, вам придется обзавестись дубинкой, чтобы отбиться от этого.

Торби разозлился. Запутавшись в семейных отношениях, он ощущал необходимость скорее в третьей ноге, чем в жене.

– В большинстве сообществ, – продолжала доктор Мадер, – практикуется и экзогамия и эндогамия, то есть, человек может найти себе пару и вне своей "семьи", но не выходя за пределы нации, расы, религии или тому подобной большой группы, и вы, Свободные Торговцы, не составляете исключения; вы можете скрещиваться родственными связями с другими группами, но вы не можете подобрать себе супруга из фраки. Но ваши правила привели к не совсем обычному положению; каждое судно представляет собой патрилокальный матриархат.

– Что?

– "Патрилокальный" означает, что жена входит в семью своего мужа; а матриархат... ладно, кто управляет кораблем?

– Ну как же – Капитан.

– Он ли?

– Да, Отец слушает Бабушку, но она стареет и...

– Без "но". Хозяин – это Старший Офицер. Это удивляет меня; я думала, что такое положение только на этом корабле. Но это является нормой у всех Людей. Мужчины ведут торговлю, управляют кораблем, отвечают за силовые установки – но женщина всегда является хозяином. В данных рамках это имеет смысл, и свадебные обычаи представляются достаточно терпимыми.

"Только не для меня", – подумал Торби.

– Вы еще не видели дочек корабельных торговцев. Они покидают свои корабли, стенают и заливаясь слезами... но попав на другой корабль, осушают слезы и полны готовности улыбаться и флиртовать, во все глаза высматривая себе мужа. И если она находит подходящего парня и не отпускает его, у нее появляется шанс когда-нибудь стать владыкой суверенного государства. До того, как она покидает свое судно, она никто – вот почему у нее так быстро высыхают слезы; именно так она может, вырвавшись из рабства, реализовать свой самый большой шанс. – Доктор Мадер отвела взгляд от записей. – Обычаи, ко-

торые облегчают людям совместное существование, никогда не планируются загодя. Но они п о л е з н ы – или же они вымирают. Торби, тебя раздражает то, как ты обязан общаться со своими родственниками?

– Так оно и есть!

– Что является самым важным для Торговца?

Торби задумался.

– Ну, наверное, Семья. Все зависит от того, кто вы в Семье.

– Отнюдь. Самое главное – корабль.

– Когда вы говорите "корабль", имеется в виду "семья".

– Наоборот. Если Торговец чем-то не удовлетворен, куда он сможет деться? Космос, в котором у него нет корабля, не даст ему приюта; так же он не сможет представить себе жизнь на планете среди фраки, сама эта мысль вызывает у него отвращение. Его корабль – это его жизнь, воздух, которым он дышит, создан кораблем, и так или иначе он должен жить в нем. Но необходимость постоянно общаться с одними и теми же людьми почти невыносима, а избавиться друг от друга нет возможности. Напряжение может дойти до того, что кто-то будет убит... или погибнет сам корабль. Но люди умеют приспосабливаться к любым условиям. Ваша семья связана ритуалами, формальностями, определенными образцами обращения друг к другу, обязательными действиями и реакциями на них. Когда напряжение нарастает, вы прячетесь за этими формами. Вот почему Фриц не позволил себе впасть в гнев.

– Как это?

– Он не мог. Вы сделали что-то не так... но этот факт сам по себе говорит лишь о том, что вы еще невежественны. Фриц забыл об этом, затем вспомнил, и его гнев мгновенно испарился. Люди не могут себе позволить злиться на детей; вместо того они показывают им, как надо правильно поступать... и так до тех пор, пока эти сложные привычки не станут автоматическими, как у Фрица.

– Думаю, я понял. – Торби вздохнул. – Но это не легко.

– Потому что вы родились не в этом мире. Но вы усвоите это – и следовать этим законам станет не труднее, чем дышать, и столь же полезно. Обычаи говорят человеку, кто он такой, к чему принадлежит, что он должен делать. И лучше нелогичные правила, чем никаких; люди не могут существовать бок о бок без них. С точки зрения антрополога, "справедливость" значит поиск приемлемых обычаев.

– Мой отец – я имею в виду моего другого отца, Баслима Калеку – обычно говорил, что путь к поискам справедливости заключается в том, чтобы честно поступать с другими людьми, не обращая внимания на то, как они относятся к тебе.

– Разве это не похоже на то, что я говорила?

– Вроде бы так.

– Я думаю, что Баслим Калека именно так и относился к Людям. – Она потрепала его по плечу. – Не волнуйся, Торби. Работай не покладая рук, и когда-нибудь ты женишься на одной из этих прелестных девушек. И ты будешь счастлив.

Это пророчество не обрадовало Торби.

ГЛАВА 9

К тому времени, как "Сису" достигла Лосиана, Торби уже был достойным членом боевой станции. Помогла ему математическая подготовка.

Ему пришлось посещать судовую школу. Баслим дал ему широкое образование, но этот факт не бросился в глаза его инструкторам, потому что многое из того, что они считали необходимым для изучения – финский язык, на котором все говорили, история Людей и "Сису", торговые правила и обычаи, экспортно-импортные законы многих планет, гидропоника и экономика корабля, безопасность судна и контроль исправности систем – относилось к темам, которые Баслим не затрагивал; он обучал языкам, истории, наукам – математике и галоктографии. Новые предметы Торби схватывал с быстротой, в которой сказала методика реншоу, данная ему Баслимом. Торговцы нуждались в прикладной математике – бухгалтерский учет и подсчеты, астронавигация, управление термоядерными процессами, забрасывавшими судно в n-пространство. Торби быстро расправился с первой наукой, вторая, как и третья, оказались потруднее, но преподаватели корабельной школы были изумлены, что этот бывший фраки уже изучает геометрию многомерного пространства. Они сообщили Капитану, что на борту имеется математический гений.

Это не соответствовало истине. Но таким образом Торби оказался за пультом компьютера, контролировавшего систему огня.

Самую большую опасность для торговых судов представляли первая и последняя стадии каждого прыжка, когда он двигался на субсветовой скорости. Теоретически возможно засечь и проследить корабль, движущийся намного быстрее скорости света, хотя чувство не в состоянии представить себе многомерное космическое пространство; практически же это было не проще, чем ночью в шторм с помощью лука и стрелы поймать отдельную каплю дождя. Но было вполне возможно отловить корабль, движущийся медленнее скорости света, особенно если атакующий обладал достаточной скоростью, а у жертвы были полностью загружены трюмы. "Сису" использовала ускорение до одной сотой стандартной силы тяжести, и выжимала ее до последнего дюйма, чтобы скорее проскочить опасный этап. Но кораблю, ускорение которого составляет километр в секунду за каждую секунду, требуется три с половиной дня, чтобы достичь скорости света.

Эта половина недели была тяжелым изматывающим временем ожидания. Удвоенное ускорение могло бы скостить опасное время наполовину, причем "Сису" стала бы такой же проворной, как рейдер – но это потребовало бы в восемь раз более мощных камер сгорания с соответствующим увеличением средств радиационной защиты, дополнительного оборудования и тому подобного; прирост массы свел бы на нет грузоподъемность корабля. Торговцы были тружениками; и они не могли позволить себе жертвовать доходами ради непредставимых законов многомерной физики пространства. Поэтому "Сису" пользовалась оптимальной системой этапов – но длительность их не позво-

ляла какому-либо судну приблизиться к "Сису", когда корабль шел с незагруженными трюмами.

Но маневрирование давалось "Сису" нелегко. Входя в беззвездную ночь пространства п-космоса, она должна была точно выдерживать направление, а выходя из этого пространства, она могла оказаться достаточно далеко от точки назначения, где был рынок; такие ошибки заставляли главные вычислители раскалаться докрасна. Оказавшись в подобной затруднительной ситуации, кормчий судна должен был или заглушать силовую установку, или идти на риск полного разрушения искусственного поля тяготения, в результате чего от Семьи могло остаться только клюквенное варенье.

Именно поэтому капитана буквально убивало время начала и конца каждого прыжка, те долгие мучительные часы, когда подходила единственная и решающая секунда принятия решения, от которого зависели жизнь – или свобода – его семьи.

Если бы рейдер решил уничтожить торговое судно, у "Сису" и у ее сестер не оставалось бы ни единого шанса. Но рейдеру-пирату нужны были рабы и грузы; взорвав судно, он ничего не получал.

Торговцы же не стеснялись ничем; идеальным исходом было полное уничтожение нападающего. Атомные искатели цели были ужасающе дороги, и приобретение их крепко отзывалось на доходах семьи – но если компьютер говорил, что цель в пределах досягаемости, они использовали на всю катушку – тогда как рейдер мог использовать оружие уничтожения только при попытке спасти себя. Его же тактика заключалась в том, что он пытался ослепить судно, спалив его инструменты, а затем подойти достаточно близко, чтобы парализовать команду на борту – или же просто уничтожить всех, оставив в нетронутости груз и корабль. Торговец уходил, если мог, и дрался, если бывал вынужден. Но вступая в бой, он дрался насмерть.

Когда "Сису" шла еще на субсветовой скорости, она постоянно исследовала своими искусственными органами чувств всякое нарушение естественного хода вещей в мультикосмосе, прислушивалась к шепоту сообщений, доносящихся из п-космоса или к "белому" шуму кораблей, наращающих скорость. Данные уходили в корабельный астронавигационный аналог космоса, откуда должны были поступать ответы на вопросы: где этот другой корабль? каков его курс? скорость? ускорение? Может ли он настичь нас до того, как мы увидим в п-космос?

Если ответы несли в себе угрозу, соответствующие данные поступали в бортовой компьютер контроля огня, и "Сису" начинала готовиться к бою. Ракетчики, лаская гладкие поверхности прицелов для атомных ракет, готовили их к делу; Главный Инженер отбрасывал заглушку самоубийственного тумблера, который превращал силовую установку в водородную бомбу ужасающего размера, и молился, чтобы в решающий момент у него хватило смелости укрыть свой народ под покровом смерти; Капитан включал колокол громкого боя, требовавший от всех занять свои места по боевому расписанию Ходовой Рубки. Коки заглушали пламя в своих печах; инженеры вспомогательных устройств отключали систему циркуляции воздуха; фермеры про-

щались с зелеными всходами и спешили к своим боевым постам; матери с детьми уходили в укрытия, где туго пеленали младенцев и сами пристегивались спасательными ремнями.

Затем наступало ожидание.

Но только не для Торби — и не для тех, кто был занят у боевых компьютеров. Притянутые ремнями к своим местам, они в течение этих минут или часов обливались потом, понимая, что жизнь "Сису" находится в их руках. Компьютеры контроля огня, пережевывая за миллисекунды промедления данные из аналога, решали, достигнет ли или нет торпеда цели, а затем предлагали четыре ответа: баллистически "возможно" или "невозможно" в предлагаемых условиях, "да" или "нет" при условии изменения условий для одного судна или же для другого, или же для обоих. Из этих ответов необходимо было выбрать один, но машины не умели думать. Половина каждого компьютера была приспособлена для того, чтобы позволить оператору задать вопрос, какой будет ситуация в далеком будущем или через пять минут, если изменить условия... и будет ли поражена цель при таких условиях.

Окончательное решение должен был вынести человек; от его интуиции зависело, спасет ли он корабль — или потеряет его. Парализующий луч летел со скоростью света; торпеды никогда не могли достичь скорости большей, чем несколько сот километров в секунду — и все же случалось, что рейдер-пират, выкинувший палец парализующего луча перед собой, попадал в перекрестие прицела прежде, чем луч достигал цели... и в облаке атомного взрыва, в котором исчезал пират, приходило спасение.

Но если оператор медлил несколько секунд или решал перепроверить свои расчеты, он мог потерять свое судно. Ракеты шли мимо цели или, что еще хуже, он просто не успевал выпустить их.

Люди в годах уже не годились для этой работы. Лучше всего справлялись с ней подростки или молодые мужчины и женщины, быстрые в мыслях и действиях, преданные делу, с интуитивным пониманием ситуации, выраженной в математических символах и не боящиеся смерти, которой они еще не могли представить.

Торговцам постоянно приходилось испытывать нужду в такой молодежи. Казалось, что Торби разбирался в математике; и вполне возможно, у него могли вскрыться таланты к умению играть в шахматы в условиях жесткого лимита времени и безошибочно ловить мяч в игре. Его учителем был Джерри Кингсолвер, его племянник и сосед по комнате. По семейному рангу Джерри был младше его, и вне компьютерной звал его "дядя"; на работе же Торби называл его "Старший Корабельный Контролер Огня" и добавлял "сэр".

В течение долгих недель полета сквозь темноту Джерри обучал Торби. Предполагалось, что Торби будет заниматься гидропоникой, а Джерри был Старшим Грузовым Клерком, но на судне хватало фермеров, да и Грузовой отдел никогда не был занят во время полета; и Капитан Крауса отдал приказ как следует натаскать Торби в компьютерной.

Пока в те дни, что требовались для набора световой скорости,

корабль был в боевой готовности, в каждом огневом отсеке непрерывно дежурили по два человека. Контролером, подчиненным Джерри, была его младшая сестра Мата. У компьютера были две консоли, с каждой из которых можно было подавать команду. Они сидели бок о бок – Джерри вел наблюдение, а Мата была готова мгновенно подключиться.

Джерри посадил Торби за одну консоль, Мату за другую и выдал вводные на проблемы, с которыми сталкивается ходовая рубка корабля. Обе консоли засветились огоньками, и можно было видеть, какие решения принимает каждый оператор и как они сопоставляются с теми, которые были бы нужны в бою, потому что данные имели отношение к подлинным или мнимым схваткам, что случались в прошлом.

Вскоре Торби в изнеможении зашел в тупик: у Маты дела шли куда лучше, чем у него.

Он попробовал еще раз и запутался еще больше. Пока он обливался потом, пытаясь рассчитать действия рейдера, виднеющегося на экранах "Сису", его болезненно уязвляла эта тоненькая, смуглая, симпатичная девчонка рядом с ним, которая своими легкими пальчиками едва притрагивалась к кнопкам и тумблерам, то меняя угол, то уточняя его вектор; действовала она расслабленно и не спеша. И ему пришлось испытать еще одно унижение, узнав потом, что ее действия "спасли корабль" в то время, как он потерпел поражение.

Хуже всего, что она интересовала его и как женщина, о чем он и не подозревал – он чувствовал лишь, что в ее присутствии он испытывает неловкость.

После этого занятия Джерри связался с ними из контрольной рубки: "Конец учебы. Ключ на стол". Быстро явившись в компьютерную, он просмотрел их ленты, читая отметки на чувствительной бумаге так же легко, как другой читал бы текст. Знакомясь с результатами, выданными Торби, он облизал губы.

– Стажер, вы стреляли три раза... и ни один из ваших прицелов не прошел ближе пятидесяти тысяч километров от врага. Речь идет не о расходах, а просто о нашей крови. Объект должен быть поражен, а не поцарапан. Вам придется потрудиться, прежде чем вы научитесь ловить его.

– Я старался изо всех сил!

– Значит, еще недостаточно. Давай посмотрим, что у тебя, сестренка.

Эта фамильярность еще больше уязвила Торби. Брат и сестра обо-жали друг друга и не утруждали себя формальными обращениями. Торби попытался называть их по именам... и получил по носу: перед ним были "Старший Контролер" и "Младший Контролер".

Джерри просмотрел данные своей сестры и кивнул:

– Отлично, сестренка! Ты всего на секунду отстала от оптимального времени, которое мы вычислили потом, и оно оказалось лишь на три секунды лучше, чем в действительности. Должен признать, что это был прекрасный выстрел... тем более, что на самом деле за пультом сидел я. То был рейдер с Ингстела... помнишь?

– Конечно, помню. – Она взглянула на Торби.

Торби почувствовал себя омерзительно.

– Это нечестно. – Он стал отстегивать ремни.

Джерри удивился:

– Что именно, Стажер?

– Я говорю, что это нечестно! Вы сунули мне ситуацию, я помал себе голову, а теперь меня оскорбляют, потому что я не справился с ней. А ей оставалось лишь поиграть с контрольной панелью, делая вид, что она ищет ответ, который и так знала... чтобы унижить меня!

Мата растерялась. Торби направился к дверям.

– Я никогда не напрашивался! Я пойду к Капитану и попрошу у него другое дело!

– Стажер!

Торби остановился.

– Садитесь, – тихо сказал Джерри. – Вы увидите Капитана только после того, как я закончу – если вам покажется разумным.

Торби сел.

– Я должен сказать вам две вещи, – холодно сказал Джерри. – Первое, – он повернулся к сестре. – Младший Контролер, знали ли вы, с чем вам придется иметь дело, когда стали рассчитывать прицеп?

– Нет, Старший Контролер.

– Работали ли вы ранее над этой задачей?

– Не думаю.

– Почему же вы сказали, что помните ее?

– Что? Ну как же, ты ведь сказал, что это рейдер с Ингстепа. А я его никогда не забуду, потому что о нем шел разговор на обеде в твою честь, когда ты сидел рядом со Старшим Офицером.

Джерри повернулся к Торби:

– Понимаешь? Она хладнокровно поразила цель – так же спокойно, как это сделал я, когда все было в действительности. И сделала она это даже лучше меня; я горд, что у меня такой младший стрелок. К вашему сведению, Мистер Глупый Младший Стажер, она справилась, даже не проходя стажировки. У нее даже не было практики. И справилась лучше, чем вы.

– Ну и хорошо, – мрачно сказал Торби. – Из меня никогда не получится толка. Я сказал, что хочу уйти отсюда.

– Я еще не кончил. Никто не помогает этой работы, от которой разламывается голова. С другой стороны, никто не бросает ее. Проходит время, и сама работа отвергает человека, когда анализ показывает, что он теряет хватку. Может быть, и я начинаю терять ее. Но вот что я тебе обещаю: или ты будешь учиться, или же я сам пойду к Капитану и скажу ему, что ты гроша ломаного не стоишь... и если ты мне хоть что-нибудь ляпнешь, я разделаюсь с тобой без помощи Старшего Офицера. Приступаем к повторному занятию! – рявкнул он. – На боевой станции! Подготовиться! – Он вышел из комнаты.

Мгновением позже они снова слышали его гопос.

– Компьютерная! Доложить о готовности!

Мата четко доложила:

– К поиску цели готова. Данные вижу, начинаю поиск.

Ее пальцы запорхали над тумблерами. Торби склонился над своей консолью...

С этого дня Торби говорил с Джерри только по делу. Мату он видел лишь на тренировках или по другую сторону от своего обеденного стола; он обращался с ней с холодной вежливостью, стараясь усвоить все ее умение работать. Он мог встречаться с ней и в другое время; молодые люди свободное время проводили на людях. Но для него она была табу – и как его племянница и потому что они оба принадлежали к одному сообществу.

Но как-то днем Торби оказался в зале, где шел исторический фильм на тему, связанную с Саргоном. И когда он кончился, ему не удалось избежать встречи с Матой, потому что она подошла к нему и уважительно, как к дяде, обратилась к нему с вопросом: не согласится ли он до ужина сыграть партию в мяч?

Он уже был готов отказаться, но, увидев с какой надеждой она ждала его ответа, сказал:

– Конечно, с удовольствием, Мата. Нагуляем аппетит.

Она расплылась в улыбку.

– Отлично. Я скажу Илсе, чтобы она заняла площадку. Идет!

Торби выиграл у нее три партии и одну свел вничью... что было великолепным результатом, так как она была чемпионкой среди женщин и, играя с чемпионом среди мужчин, позволяла ему давать лишь очко форы.

Дела у него шли все лучше, частично из-за мрачной серьезности, с которой он вгрызался в них, частично от того, что он интуитивно ощущал сложность комплексной геометрии, а также из-за того, что мозг нищего мальчишки был оттренирован и закален более древними дисциплинами. У Джерри ныне не было оснований громко сравнивать результаты упражнений Маты и Торби, и он ограничивался лишь краткими комментариями в адрес Торби: "Уже лучше" или "Получается", а иногда "Попадание в точку". Напряжение, в котором существовал Торби, постепенно спадало; он стал расслабляться, больше времени проводя в обществе и почти постоянно играя в мяч с Матой.

Когда полет сквозь тьму приближался к концу, как-то утром они закончили последнюю тренировку и Джерри скомандовал: "Вольно! Я буду через несколько минут!" – Торби с удовольствием расслабился, но через несколько минут снова напрягся, не в силах отделаться от ощущения, что стал неотъемлемой частью своих аппаратов.

– Как вы думаете, Младший Контролер... не будет ли он возражать, если я взгляну на свою ленту?

– Не думаю, – сказала Мата. – Я ее выну и за все буду отвечать сама.

– Мне бы не хотелось доставлять вам неприятности.

– А вы и не доставите, – серьезно ответила Мата. Она нагнулась над консолью Торби, вытянула ленту с записями, расправила ее и стала считывать данные. Затем, потянув собственную ленту, сравнила обе.

Она серьезно посмотрела на него.

– Великолепный ход, Торби.

В первый раз она назвала его по имени. Но Торби едва обратил на это внимание.

– Правда? Ты так думаешь?

– Это очень хороший ход... Торби. Мы оба поразили цель. Но твои расчеты достигли оптимума между "возможно" и "критическая граница" – в то время, как я слишком торопилась. Видишь?

Торби воспринимал на глаз строчки расчетов с трудом, но он был счастлив слышать такую оценку. Вошел Джерри, взял обе ленты, бросил взгляд на работу Торби, а затем присмотрелся к ней повнимательнее.

– Прежде чем спуститься сюда, я уже кое-что проанализировал, – сказал он.

– Да, сэр? – серьезно сказал Торби.

– М-м-м... похоже, ты избавляешься от своих ошибок.

– Да ты что, братец, – сказала Мата, – это был отличный ход, и ты это знаешь!

– Неужто? – Джерри улыбнулся. – А ты не думаешь, что у нашего звездного мальчика закружится голова?..

Узким проходом они вышли в грузовой коридор второй палубы и вышли наружу. Торби сделал глубокий вдох.

– Тебя что-то беспокоит? – спросил племянник.

– Нисколько! – Торби обнял обоих за плечи. – Джерри, вы с Матой еще делаете из меня настоящего снайпера.

В первый раз с того дня, как он получил взбучку, Торби обратился к своему учителю по имени. И Джерри спокойно воспринял попытку примирения со стороны своего дяди.

– Не теряй надежды, коллега. Я думаю, что нас еще ждет большая удача.

"Сису" вынырнула из темноты, сбросив скорость до субсветовой. Солнце Лосиана сияло меньше чем в пятидесяти миллиардах километров; через несколько дней их уже ждал очередной рынок. Боевые посты встали на круглосуточные вахты.

Мата несла вахту одна; Джерри решил, что стажеру лучше быть при нем. Первая вахта всегда проходила спокойно; если даже рейдер и получил почерпнутую из связи через п-космос точную информацию о времени появления и цели назначения "Сису", после прыжка во много световых лет было невозможно точно предугадать место и время, когда и где "Сису" высунет нос в нормальный космос.

Джерри занял свое кресло через несколько минут после того как Торби затянул ремни, испытывая странное ощущение, что на этот раз это уже не учеба. Джерри улыбнулся ему:

– Расслабься. Если будешь в таком напряжении, начнет болеть спина, и ты долго не протянешь.

Торби слабо улыбнулся ему в ответ:

– Постараюсь.

– Вот так-то лучше. А теперь можем сыграть. – Джерри вытащил из кармана какую-то штучку.

– Что это?

– Прекрасно убивает время. Приспособим ее вот так. – Джерри попожил коробочку на выключатель, который оповещал о том, какая консоль находится в режиме управления. – Ты видишь тумблер?

– Что? Конечно, нет.

Джерри щелкнул скрытым тумблером.

– Кто из нас сейчас на контроле в случае, если придется пускать оружие в ход?

– Откуда мне знать? Убери это, Джерри, я нервничаю.

– В этом и заключается игра. Может быть, на контроле я, а ты просто впустишь совершаешь определенные действия, а может, и м е н н о ты держишь палец на спусковом крючке, а я сплю в своем кресле.

И сколько бы я ни щелкал выключателем, ты не должен знать, в каком я оставил его положении. Поэтому когда раздастся сигнал тревоги – а она не заставит себя ждать, я это нутром чувствую – ты не должен вести себя так, словно добрый старый Джерри с такими чуткими пальцами держит ситуацию под контролем. Ты должен спасти команду. Т о л ь к о т ы.

Перед Торби предстало смутное видение ракет, лежащих на направляющих и застывших в ожидании людей – тех, кто ждал, что он выдаст безошибочный ответ неразрешимой проблемы жизни и смерти, связанных с искривленными пространствами космоса, наводкой вектора и комплексной геометрией.

– Ты шутишь, – робко сказал он. – Ты не можешь поставить меня на контроль. Капитан спустит шкуру с тебя.

– Вот в этом-то ты как раз и ошибаешься. Рано или поздно приходит день, когда стажер по-настоящему наводит на цель. И лишь после этого он становится настоящим стрелком... или превращается в ангела. Но не позволим тебе расслабиться. О нет! Тебе придется быть начеку все время. Вот в чем будет заключаться игра. Как только я скажу: "Ну!", ты должен угадать, кто на контроле. Если угадаешь, я отдаю тебе сладкое, если ошибешься – ты мне. Ну!

Торби быстро прикинул:

– Наверно, я.

– Ошибка. – Джерри приподнял коробочку. – Ты должен мне одно сладкое – а сегодня это клюквенный торт! Ты должен уметь принимать мгновенные решения. Ну!

– По-прежнему ты!

– Так оно и есть!

– Ты!

– Нет. Видишь. Я съем твой торт – и должен успеть выйти из игры, пока я впереди. До чего мне нравится эта подливка! Ну!

Когда Мата освободила их, Торби был должен Джерри сладкое за четыре дня.

– Мы начнем снова с этой точки, – сказал Джерри, – хотя я не привык коллекционировать клюквенные торты. Но я забыл сказать тебе о самой большой награде.

– О какой?

– Когда все будет взаправду, мы поспорим на три торта. И когда все будет кончено, мы их слопаем.

Мата фыркнула:

– Братец, почему ты заставляешь его нервничать?

– Ты нервничаешь, Торби?

– Нисколько.

– Так что не беспокойся, сестричка. Надеюсь на твои маленькие твердые ручки.

– Я сменяю вас, сэр.

– Идем, Торби; нас ждет еда. О, клюквенный торт!

Тремя днями позже "Сису" заметно сбросила скорость, перейдя почти на планетарную, и Лосианское солнце все вырастало на экранах. Со слабым сожалением Торби решил, что его готовность к бою не будет испытана во время этого прыжка.

Внезапно звук всеобщей тревоги заставил его кинуться на свое место, затягивая ремни. Джерри что-то кричал, оглядывая дисплей, его голова дергалась из стороны в сторону, а руки двигались над контрольной панелью.

– За дело! – рявкнул он. – Это уже по-настоящему!

Торби потряхнул с себя мгновенное оцепенение и склонился над своей панелью. Глобус аналога уже выдавал данные; баллистическая ситуация становилась все яснее. Силы небесные, как это уже б л и з к о ! И как быстро передвигается! Как он сумел так подобраться, что его никто не заметил? Он бросил задавать себе бесполезные вопросы и начал просматривать ответы... нет, еще нет... еще далеко... не повернет ли пират еще немного и не сбросит ли скорость?... не прикинуть ли поворот с шестикратным ускорением?... достанут ли его ракеты?... достанут ли они его, если он не?... Он едва почувствовал легкое прикосновение Маты к плечу. Но услышал крик Джерри:

– Отойди, сестренка! Мы засекли его, мы засекли его!

На панели Торби мелькнула пампочка и раздался резкий звук горна. – Это друзья, это друзья! Лосианский планетный патруль. Назовите себя. Продолжайте спокойно нести вахту.

Торби перевел дыхание, чувствуя, как спадает с него непомерная тяжесть.

– Продолжай вести цель! – рявкнул Джерри.

– Что?

– Кончай наводку! Это не лосианское судно; это пират! Лосианцы так не маневрируют. Ты поймал его, парень, ты поймал его! Н а к р о й е г о !

Торби слышал испуганный вздох Маты, но он опять весь был в деле. Что-то изменилось? Достанет ли он его? Будет ли враг в конусе выстрела, если он изменит прицел? Ну! Он дал компьютеру приказ.

Он едва слышал голос Джерри; тот говорил очень медленно:

– Ракета пошла. Я думаю, ты накрыл его... но ты погорячился. Дай-ка еще одну, пока его луч не достал нас.

Торби автоматически повиновался. Было слишком мало времени, чтобы принимать какое-то другое решение; он дал приказ выпустить

еще одну ракету, ориентируясь на проекцию врага. Затем он увидел, что на его панели изображение цели исчезло и с чувством полной пустоты понял, что его первая ракета поразила цель.

– Все! – объявил Джерри. – Ну!

– Что "ну"?

– Кто поразил? Ты или я? Три сладких.

– Поразил я, – уверенно сказал Торби.

– Неточно. Это обойдется тебе в три десерта. Я струсил и сам держал все под контролем. Конечно, ракеты были разоружены и пусковые установки запломбированы, как только Капитан получил пароль... но я не имел права рисковать, то есть у меня не хватило нервов, чтобы играть с кораблем друзей.

– Друзей?

– Конечно. Но что касается вас, Младший Помощник Контролера, это было первое настоящее дело... как я и хотел.

У Торби закружилась голова.

– Но теперь ты чертовски хороший контролер, так что все в порядке. А я пошел получать свой выигрыш, так что и здесь все в порядке. Сегодня мороженое!

ГЛАВА 10

Торби недолго оставался помощником младшего баллистика: Джерри перешел в стажеры у астронавигаторов, Мата заняла его пост, и Торби официально стал Младшим Баллистиком Корабля, чья жизнь и смерть отныне лежали на кончиках его пальцев.

События не заставили себя ждать.

Лосиан был "безопасной" планетой. На ней жили цивилизованные не-гуманоиды, и так как порт не знал налетов, не было необходимости в охране посадочных площадок. Мужчины могли спокойно в свое удовольствие покидать корабль и даже женщинам не возбранялось это делать. (Некоторые из них так и не покидали борт, дожидаясь Встречи, где "Сису" могла обменять их на других девушек.)

Джаббул был для Торби единственным местом, которое сохранилось в его памяти, так что Лосиан был для него первой "чужой" планетой. Поэтому он стремился увидеть ее. Но на первом месте была работа. Когда он был утвержден в звании баллистика, его перевели на место младшего клерка в грузовом отделе. Это повысило статус Торби: торговля считалась более важным занятием, чем ведение хозяйства. Теоретически он должен был всего лишь следить за поступлением грузов; практически же старший клерк выжимал из него, так же как и из других юношей, младших родственников из других отделов, семь потов.

На Лосиане никогда не существовало таможенных тарифов; тяжелые упаковки листьев верги отправлялись с корабля прямо к покупателю. Несмотря на вентиляцию, трюмы были полны вязкого одурманивающего запаха, который напоминал Торби о тех месяцах, отделенных ныне световыми годами, когда он скрюченным беглецом,

опасавшимся, что его укоротят, прятался в проеме между грузами, а незнакомый друг спасал его от саргонской полиции.

Но как бы то ни было странным, "Сису" теперь была его домом. Даже во сне он говорил на языке Семьи.

С внезапным чувством вины он подумал, что в последнее время все реже вспоминает папу. Неужели он его забывает? Нет, нет! Он никогда не забудет его, ни за что... Звук его голоса, осуждающий взгляд, когда у него что-то не получалось, его скованные движения по утрам, его бесконечное терпение, никогда не изменявшее ему – за все эти годы папа никогда по-настоящему не разозлился на него – хотя нет, один раз это случилось.

– Я не твой хозяин!

Да, тогда папа разгневался. Это озадачило Торби; он ничего не понял.

Но теперь, когда прошло столько времени и за ним остались бесконечные пространства космоса, Торби внезапно все понял. Только одно могло вызвать гнев папы: он был оскорблен до глубины души предположением, что Баслим Калека может быть рабовладельцем. Папа, который утверждал, что мудрого человека невозможно оскорбить, потому что правда – это не оскорбление, а ложь не стоит того, чтобы обращать на нее внимания.

И все же он оскорбился, услышав правду, ибо, конечно же, папа был его хозяином, купив Торби на аукционе. Нет, это чепуха. Он не был рабом папы; он был его сыном... папа никогда не вел себя, как хозяин, даже когда давал ему легкий подзатыльник, если Торби слишком много дурачился. Папа... был просто папой.

И теперь Торби знал, что больше всего на свете папа ненавидел рабство.

Он не понимал, почему к нему пришло это убеждение, но он был в нем уверен. Он не мог припомнить ни одного слова, сказанного папой в осуждение рабства как такового; все, что осталось у него в памяти, – это были слова папы, что человек должен быть свободен в своих мыслях, и это самое главное...

– Эй!

К нему обращался суперкарго.

– Сэр?

– Ты поднимаешь этот груз или собираешься спать на нем?

Тремя днями позже, когда Торби вместе с Фрицем смывал в душе грязь, боцман заглянул в душевую, окинул их взглядом и сказал:

– Капитан благодарит вас и просит Клерка Торби Баслим-Краусу зайти к нему.

– Сию секунду, Боцман, – ответил Торби и почувствовал, что у него перехватило дыхание. Он торопливо оделся и помчался в Рубку.

Дверь была открыта. Торби обратился с формальным приветствием, но Капитан остановил его:

– Привет, сынок. Заходи.

Торби переключился с корабельного обращения на семейное:

– Да, Отец.

– Собираюсь пойти прогуляться. Не хочешь ли составить мне компанию?

– Сэр? Я сказал "Да, Отец".

– Отлично. Вижу, что ты готов. Идем. – Он открыл ящик стола и протянул Торби несколько колец проволоки. – Вот тебе карманные деньги, может быть, ты захочешь купить какой-нибудь сувенир.

Торби посмотрел на витки.

– Для чего годится эта штука, Отец?

– Ни для чего – она в ходу только здесь, на Лосиане. Так что вернешь мне то, что у тебя останется. Они расплачиваются с нами ториумом и продовольствием.

– Да, но откуда мне знать, сколько стоит та или иная вещь?

– Верь им на слово. Они не обманывают и не торгуются. Странные существа. Не то, что на Лотарфе... там, если ты берешь кружку пива, не поторговавшись около часа, значит, тебя обязательно обманут.

Торби решил, что лотарфианцев он понимает лучше, чем лосиан. Было что-то неприличное в покупке без принужденного обмена мнения о цене и качестве. Но у фраки варварские обычаи, и к ним надо приспособливаться – "Сису" гордилась тем, что у нее никогда не было конфликтов с фраки.

– Пройдемся. Поговорим по дороге.

Когда они спустились, Торби посмотрел на корабль, стоящий рядом с ними – "Эль Нидо", принадлежавший клану Гарсиа.

– Отец, мы идем навестить их?

– Нет, в первый же по прибытии день мы обменялись вызовами.

– Я не это имел в виду. Будут ли какие-нибудь вечеринки?

– Капитан Гарсиа и я договорились обождать с развлечениями. Он торопится уйти в прыжок. Хотя нет никаких препятствий к тому, чтобы ты посетил их в свободное от дел время. Но не ожидай ничего особенного, – добавил он, – она принадлежит к тому же классу, что и "Сису", только не такая современная.

– Я могу заглянуть хотя бы в их компьютерную?

– Сомневаюсь, что они тебя туда пустят. Они очень подозрительные пюди. – Когда они отошли от трапа, к ним подбежал лосианский малыш – повизгивая и перебирая ножками, он описывал вокруг них круги. Капитан Крауса позволил ему изучить их, затем мягко сказал: – Ну, хватит, – и вежливо отодвинул его. Мать подхватила его, шлепнула и прижала к груди. Капитан Крауса помахал ей и крикнул: – Привет, подружка!

– Здравствуй, Человек-Торговец, – ответила она на Интерлингве, шепелявя и проглатывая согласные. Весила она на треть меньше Торби и стояла на четырех лапах, освободив передние; ребенок же пользовался всеми шестью конечностями. И мать, и дитя – оба были тоненькими, симпатичными и быстроглазыми. У Торби они вызывали искреннюю симпатию, и его лишь немного смущало наличие двух ртов – одного для питания, а второго, чтобы дышать и говорить.

– Ты великолепно взял на прицел тот лосианский корабль, – продолжил разговор Капитан Крауса.

Торби покраснел.

– Вы знали об этом, Отец?

– Что же я за капитан, если бы не знал таких вещей? Я знаю и то, что тебя беспокоит. Забудь. Если я дам тебе цель, ты сожжешь ее, и я в этом уверен. Если мы опознали друга, я должен был остановить тебя. Если я нажал тумблер Господь-будет-доволен, ты не можешь дать своему компьютеру приказ открыть огонь, ракеты разряжены, пусковые установки заблокированы, и Главный Инженер не может повернуть самоубийственный выключатель. Поэтому даже если ты слышишь, как я говорю тебе кончать наводку или ты в таком возбуждении, что ничего не слышишь, не обращай внимания и завершай свое дело. Это отличная практика.

– Я не знал об этом, Отец.

– Разве Джерри не рассказывал тебе? Ты должен был видеть кнопку – такая большая красная под моей правой рукой.

– Я же ведь никогда не был в Ходовой Рубке, Отец.

– Что? Я должен исправить это упущение; может быть, когда-нибудь она будет принадлежать тебе. Напомни мне... после того, как мы ляжем в свободный полет.

– Обязательно, Отец. – Торби был польщен при мысли, что ему будет позволено войти в таинственное святилище – он был уверен, что половина из его родственников никогда не бывала там – и был удивлен: может ли бывший фраки возглавить команду? Для нормального приемного сына было бы естественно рано или поздно занять это место. Но бывший фраки?

– Я не уделяю тебе того внимания, которое должен был бы, сынок, – сказал Капитан Крауса, – и той заботы, которой достоин сын Баслима. Но у меня большая семья, и у меня не хватает времени. Они хорошо относятся к тебе?

– О, конечно, Отец!

– М-м-м... я рад это слышать... Это... ну, ты же знаешь, что родился не среди Людей.

– Я знаю. Но все прекрасно относятся ко мне.

– Отлично. О тебе ко мне поступает хорошая информация. – Крауса вздохнул. – Сын, у меня есть определенные обязательства перед тобой, и я постараюсь их выполнить наилучшим образом...

Крауса подумал, что именно он может сказать парню. Мать сказала: если Баслим хотел, чтобы мальчик знал содержание послания, которое он доставил, он заставил бы его выучить текст на Интерлингве. С другой стороны, так как мальчик ныне знает язык Семьи, он мог и сам его перевести. Нет, лучше, чтобы он ничего не помнил.

– Торби, знаешь ли ты, к какой семье принадлежишь?

Торби удивился:

– Сэр? Моя семья – это "Сису".

– Да, конечно. Но я имею в виду ту семью, к которой ты принадлежал раньше.

– Вы имеете в виду папу? Баслима Калеку?

– Нет, нет! Он был твоим приемным отцом, так же, как я сейчас.

Знаешь ли ты, в какой семье родился?

– Я даже не знаю, была ли она у меня, – мрачно сказал Торби.

Крауса, поняв, что задел больное место Торби, торопливо добавил:

– Сынок, ты не должен подражать всем отношениям среди своих однокашников. Человек счастлив, родившись в Семье, но нет ничего постыдного в том, что он родился фраки. Каждая частичка природы, каждый атом имеет свое предназначение.

– Мне нечего стыдиться!

– Не волнуйся!

– Простите, сэр. Мне нечего стыдиться своих предков. Просто я не знаю, кто они были. Но из всего, что мне известно, могу предположить, что они были Людьми.

Крауса не мог скрыть удивления.

– Что же, так оно и могло быть, – медленно сказал он.

Немало рабов было продано на планетах, которых порядочные торговцы и не посещают, или родились в поместьях их владельцев... и на Людей, похищенных пиратами, падает трагический процент. Этот мальчик... пропало ли в соответствующее время какое-нибудь судно, принадлежащее Людям? Он подумал, что во время следующей Встречи может заняться его идентификацией, зарывшись в папки Командора.

Но и это еще не исчерпывает всех возможностей; некоторые старшие офицеры лениво исполняют свои обязанности, связанные с идентификацией новорожденных, а кое-кто ждет времени очередной Встречи. Мать, например, никогда не полагалась на долгие передачи через п-космос, и настаивала, чтобы все дети были сразу занесены в списки – в этом отношении "Сису" никогда не допускала промедления.

А если в самом деле предположить, что мальчик родился среди Людей, но его данные так и не попали к Командору? Как жаль, если он потеряет права, присущие ему по праву рождения.

Мысль осторожно прокралась ему в голову: ошибку можно исправить разными путями. Пропадало ли хоть одно Свободное Судно... он не мог припомнить.

Не мог он и говорить на эту тему. Но как было бы прекрасно вернуть мальчику его предков! Если он только сможет...

Он сменил тему разговора.

– Кстати, парень, ты же ведь всегда был среди Людей.

– Прошу прощения, Отец?

– Сынок, ведь Баслим Калека был почетным членом сообщества Людей.

– Что? Каким образом, Отец? Какого судна?

– Всех кораблей. Он получил это звание на Встрече. Давным-давно, Сын, со всеми нами случилось нечто ужасное. Но Баслим смог спасти положение дел. И все Люди были в долгу перед ним. Я сказал уже достаточно. Скажи мне, думал ли ты когда-нибудь жениться?

О женитьбе Торби сейчас думал меньше всего; он хотел услышать как можно больше о том, что сделал папа, после чего стал одним из Людей. Но он почувствовал, что старший собеседник наложил запрет на эту тему.

– Нет, Отец.
– Твоя Бабушка считает, что тебе пора начать серьезно обращать внимание на девушек.

– Бабушка никогда не ошибается... но я об этом еще не думал.
– Если у мужчины нет жены, то он неполноценен. Но я думаю, что ты еще недостаточно взрослый. Смейся вместе со всеми девушками, ни с кем из них не плачь наедине – и помни наши обычаи.

Крауса думал о том, что обязан обратиться к Гегемонии за помощью родных в поисках мальчика. И будет не совсем удобно, если Торби женится до того, как представится эта возможность. Хотя он заметно подрос за те месяцы, что провел на "Сису". Крауса испытывал легкое раздражение, подсознательно чувствуя, что нерушимость обязательств перед Баслимом не дают ему уйти от необходимости искать (или по крайней мере, делать вид, что ищет) предков Торби.

Но тут ему пришла в голову великолепная идея.

– Вот что я тебе скажу, сын! Вполне возможно, что твоей девушки у нас нет на борту. Ну и, кроме того, здесь в порту на женской половине их очень мало. А поиск жены – дело серьезное. Она может и поднять твой статус и превратить его в ничто. Так что не будем воспринимать ситуацию слишком серьезно. На Большой Встрече ты встретишь сотни прекрасных девушек. Если ты встретишь ту, которая тебе понравится и которой понравишься ты, мы обсудим это с Бабушкой, и если она одобрит выбор, обдумаем возможность обмена. Скупиться мы не будем. Как тебе это нравится?

Приятно было осознавать, что решение проблемы отодвинулось на неопределенный срок.

– Очень нравится, Отец!

– На том и покончим. – Крауса с удовольствием подумал, что пока Торби будет встречаться с "сотнями девушек", он может порыться в досье, и до тех пор, пока он с этим не справится, ему не придется пересматривать свои обязательства перед Баслимом. Парень вполне может оказаться чистокровным потомком Людей, в сущности, его внешний вид делает происхождение от фраки невыносимым. И если так, пожелание Баслима будет выполнено как нельзя лучше. Ну, а пока – забыть!

Завершив дела, Капитан Крауса помог Торби сделать покупки и определиться на местности, что доставило ему немалое облегчение, ибо он не знал ни что купить, ни где он находится. Приемный отец завел его в магазинчик, где понимали Интерлингву. Лосиане производили массу вещей, исключительно сложных на вид, ни одно из которых Торби не мог опознать. По совету Краусы Торби выбрал небольшой полированный кубик, который, если его встряхивать, показывал в своих глубинах бесконечные сцены лосианской жизни.

Когда они добрались до космопорта и Торби увидел знакомые уютные очертания "Сису", он испытал облегчение.

Джерри лежал в кубрике, задрав ноги и заложив руки за голову. Он посмотрел на Торби без улыбки.

– Привет, Джерри!

- Здравствуй, Торби.
- Прогулялся?
- Нет.
- А я да. Посмотри, что я купил! – Торби протянул ему волшебный куб. – Потряси его, и каждый раз новое изображение.
- Джерри посмотрел одну картинку и вернул кубик обратно.
- Очень интересно.
- Джерри, что ты скуксился? Съел чего-нибудь?
- Нет.
- Давай выкладывай, что с тобой.
- Джерри спустил ноги на палубу и взглянул на Торби.
- Я возвращаюсь обратно в компьютерную.
- Что?
- Да нет, статуса я не потерял. Просто надо еще кого-нибудь потренировать.
- Торби похолодел. – Ты хочешь сказать, что меня выставляют?
- Нет.
- Тогда что же ты имеешь в виду?
- Мату обменяли.

ГЛАВА 11

Обменяли Мату? Навсегда? Маленькую Мату с такими серьезными глазами и веселым смехом? Торби ощутил глубокую печаль и, к своему удивлению, понял, как для него это существенно.

- Я не верю!
- Не будь идиотом.
- Когда? Куда она ушла? Почему ты мне не сказал?
- Скорее всего, на "Эль Нидо"; это единственное судно в порту, принадлежащее Людям. Примерно час назад. А не говорил я тебе потому, что и сам не знал, пока меня не пригласили в каюту к Бабушке, чтобы я попрощался с ней. – Джерри нахмурился. – Когда-нибудь это должно было случиться... но я думал, что Бабушка позволит ей остаться, пока Мата не усовершенствуется как баллистик.

- Но почему, Джерри? Почему?

Джерри встал и сказал ровным невыразительным голосом:

- Мой Сводный Двоюродный Дядя, я сказал уже достаточно.

Торби толкнул его обратно на стул.

- Ты не можешь так уйти, Джерри. Я твой "дядя" только потому, что они так говорят. Но я по-прежнему бывший фраки, которого ты учил искусству наводки, и мы оба знаем это. Так что поговорим как мужчина с мужчиной. Кончай!

- Тебе это не понравится.

- Мне это уже не нравится! Матти больше нет... Слушай, Джерри, здесь нет никого, кроме нас. Что бы там ни было, скажи мне. И клянусь тебе сталью "Сису", я обещаю тебе, что бы ты ни сказал, Семья никогда не узнает об этом.

- О-кей. – Джерри мрачно взглянул на него, – Ты сам напросился.

Ты хочешь сказать, что не имеешь ни малейшего представления, почему Бабушка выставила с корабля мою сестренку?

– Да, конечно... иначе я бы не спрашивал.

Джерри нетерпеливо дернулся.

– Торби, я знаю, как ты хитроумен. И не думаю, что ты оглох, ослеп и онемел.

– Можешь не выдавать мне комплиментов. Расскажи суть дела.

– Причина того, что Мату обменяли – это ты. Именно ты. – И Джерри с отвращением посмотрел на Торби.

– Я?

– А кто же еще? Кто всегда играл с ней в паре в мяч? Кто сидел вместе в кино? Кто из новых родственников вечно показывался рядом с ней? Я намекнул тебе – его имя начинается с Т...

Торби побледнел.

– Джерри, мне никогда и в голову не приходило...

– Значит, ты был единственным на судне, кто этого не видел, – Джерри пожал плечами. – Я не ругаю тебя. Это была ее ошибка. Это она выбрала тебя, тупой клоун! И лишь одного я не мог представить – что ты ничего не знаешь.

Торби чувствовал себя беспомощным, как птица перед наведенной на нее ракетой.

– Не могу поверить.

– Неважно, можешь ты поверить или нет... все это видели. Но вам обоим надо было скрывать, бежать от этих чувств, пусть даже они были совершенно невинными... и если бы сестренка не потеряла головы...

– Что? Как?

– Она как-то постаралась привлечь внимание Бабушки к этому юному идиоту-баллисту. Она пришла к ней и сказала, что хочет, чтобы ее тоже кто-то удочерил. Человек она бесхитростный и думала, что раз ты усыновлен, то не имеет значения тот факт, что она твоя племянница – остается только немножко переиграть и она сможет выйти за тебя замуж. – Джерри хмыкнул. – Будь ты усыновлен где-то на стороне, у нее еще могло бы получиться. Но она очевидно, рехнулась, если решила, что Бабушка – Б а б у ш к а ! – согласится на такой скандал.

– Но... но ведь в сущности я не имел к ней никакого отношения. И не собирался жениться на ней.

– Ох, да кончай же! Я устал от тебя,

Торби пошел бродить, не желая ни возвращаться к Джерри, ни вообще видеть его. Он чувствовал себя растерянным и одиноким. Жизнь Семьи казалась столь странной, и понять ее поступки для него было столь же невозможно, словно он был лосианином.

Наконец, ему пришло в голову, что тут есть хотя бы один человек, с которым он может поговорить. Со своими бедами он пришел к доктору Мадер.

Постучавшись в ее дверь, он услышал быстрое: "Войдите!" Она встретила его, стоя на коленях, среди своих вещей. На носу у нее было пятно, а редкие ее волосы растрепались.

– А, Торби. Рада тебя видеть. Они сказали мне, что ты на грунте, и я уже боялась, что не встречу тебя.

Она говорила на Системном Английском, и он ответил ей на том же языке.

– Вы хотели видеть меня?

– Чтобы попрощаться. Я возвращаюсь домой.

– Ах вот как, – Торби снова ощутил болезненный толчок – такой же, как когда он услышал от Джерри о Мате. Он собрался с силами и сказал:

– Мне очень жаль. Мне будет не хватать вас.

– Это мне будет не хватать вас, Торби. Вы были единственным существом на этом огромном корабле, с которым я чувствовала себя, как дома... что более чем странно, так как моя жизнь и ваша отстоят друг от друга предельно далеко. Мне будет не хватать наших разговоров.

– И мне тоже, – грустно согласился Торби. – Когда вы уходите?

– "Эль Нидо" уходит в прыжок завтра. Но я должна перебраться сегодня вечером; я не могу опаздывать, а то мне придется добираться домой еще несколько лет.

– "Эль Нидо" идет на вашу планету? – У него стал складываться фантастический план.

– О, нет! Сначала они идут на Таф Бету - IV. Но там бывают почтовые корабли Гегемонии, и с ними я могу попасть домой. Слишком удачный шанс, чтобы не использовать его. – План поблек в голове Торби; да и в любом случае он был нелеп – он-то мог выбрать себе чужую планету, но ведь Мата не относилась к фраки.

– Старший Офицер согласилась, – продолжила доктор Мадер. Она криво усмехнулась. – Она была рада избавиться от меня. Знай она, сколько хлопот ей доставит мое пребывание на "Сису", она бы никогда не пошла на это; думаю, что за этим стоит какая-то сделка, о которой твоя Бабушка не упоминает. Во всяком случае, я покидаю вас...

Эти слова заставили Торби подумать, что Маргарет может увидеть на женской половине Мату. Смущаясь и запинаясь, он стал объяснять, о чем ему бы хотелось поговорить. Занимаясь укладыванием вещей, доктор Мадер слушала его со всей серьезностью.

– Я знаю, Торби. Я слышала о таких невеселых вещах.

– Маргарет, вы когда-нибудь еще сталкивались с такими глупостями? Она помедлила.

– Много раз... и с еще более глупыми.

– Но ведь здесь ничего и в помине не было! А если бы и в самом деле Мата хотела бы этого, почему бы Бабушке не разрешить ей... вместо того, чтобы отдавать ее на другой корабль к незнакомцам. Я... ну, ладно, я не думал об этом. Пока не столкнулся...

Женщина-фраки улыбнулась.

– Это самое странное любовное признание, которое мне доводилось слышать.

– Можете ли вы передать ей письмо от меня? – спросил Торби.

– Торби, если ты собираешься послать ей признание в своей вечной любви или что-то подобное, то лучше не делай этого. Твоя Бабушка сделала для своей правнучки самое лучшее из того, что она

могла, сделала это быстро, с любовью и мудростью. И сделала это, исходя из интересов Маты, а не из сиюминутных потребностей "Сису", хотя Мата отлично поражает цель. Но твоя Бабушка, как и подобает Старшему Офицеру, исходила из более высоких соображений; она обдумала глубинные интересы всех и сочла, что они перевешивают потерю одного баллистика. Она улыбнулась. – Через пятьдесят лет Мата примет такое же мудрое решение: интересы клана "Сису" пре-
выше всего.

– Провалиться мне на этом месте, если я хоть что-то понимаю!

– Минутку. Итак, значит, ты не можешь понять, почему твоя Бабушка была против. Но это очень существенно, что подбирают себе пары между кораблями, и не только в генах здесь дело – они имеют побочное значение, – а потому, что корабль слишком мал, чтобы на нем существовала стабильная замкнутая культура. Идеи и находки должны постоянно циркулировать, подвергаясь перекрестному опылению, иначе культура "Сису" и любая другая умрет сама по себе. И поэтому этот обычай защищен сильнейшим из всех возможных табу. Малейшая "пробоина" в нем – то же самое, что маленькая пробоина в корабле, и последствия ее будут ужасающими. Теперь... теперь ты понимаешь?

– Ну... в общем-то не очень.

– Сомневаюсь, чтобы и твоя Бабушка понимала; она просто знает, что хорошо, а что плохо для ее семьи и соответственно поступает – смело и предусмотрительно. Ты все еще хочешь передать записку?

– Можете ли вы сказать Мате, что мне очень жаль – я не успел с ней попрощаться?

– М-м-м... да.

– Отлично.

– Ты теперь чувствуешь себя легче?

– Вроде бы так... после того, как вы сказали, что так будет лучше для Маты. – Торби внезапно взорвался. – Но, Маргарет, я не знаю, что со мной делается! Я думал, что все встало на свои места. А теперь опять все рассыпается. Я чувствую себя истым фраки и сомневаюсь, смогу ли я стать настоящим Торговцем.

Ее лицо внезапно опечалилось.

– Ты уже был свободен. И эту дурную привычку очень трудно пре-
одолевать.

– Что?

– Тебе здорово досталось, Торби. Твой приемный отец – тот, первый, Баслим Мудрый – купил тебя как раба, но сделав тебя своим сыном, он дал тебе ту же свободу, которой обладал сам. Теперь твой второй приемный отец, из самых лучших побуждений, конечно, усыновив тебя, снова сделал тебя рабом.

– Почему, Маргарет? – запротестовал Торби. – Как вы можете го-
ворить такое?

– Но если ты не раб, то кто же ты?

– Я Свободный Торговец. По крайней мере, так говорит Отец, – если я смогу покончить со своими привычками фраки. Но я не раб. Люди
с в о б о д н ы. Все мы.

– Все мы... но не каждый из вас.
– Что вы имеете в виду?
– Люди свободны. Это предмет их гордости. Любой из них скажет, что свобода – это то, что делает их людьми, а не фраки. Люди свободны, странствуя меж звезд и нигде не пуская корни. Они настолько свободны, что каждый корабль – это суверенное государство, которое ничего не попросит ни у кого, странствует, где хочет, дерется с любым врагом, нигде не просит пристанища и ни с кем не вступает в союз, если только это не приносит определенной выгоды. О, Люди в самом деле свободны; эта старая Галактика еще и не видела такой свободы. Культура меньше чем ста тысяч человек царствует в пространстве четверти миллиона кубических световых лет, и они совершенно свободны в любое время двинуться в любую сторону. Никогда не было подобной культуры и никогда не будет снова. Они свободны как небо... более свободны, чем звезды, ибо звезды движутся по предначертанным путям. О да, Люди свободны. – Она помолчала. – Но какой ценой куплена эта свобода?

Торби моргнул.

– Я скажу тебе. О бедности говорить не приходится. Такого высочайшего уровня жизни, как у Людей, история еще не знала. Доходы от вашей торговли просто фантастические. Не приходится за них платить ни физическим, ни душевным здоровьем. Мне не приходилось видеть сообщества, в котором так мало болели бы. Вы не расплачиваетесь ни счастьем, ни потерей самоуважения. Но ваше счастье полно самодовольства, а спесь греховна, – конечно, вы делаете все, чтобы гордиться собой. Но за свою беспрецедентную свободу вы платите... вы платите с а м о й с в о б о д о й. Нет, я не говорю загадками. Люди свободны... за счет потери индивидуальной свободы для каждого из вас – и я не исключаю ни Капитана, ни Старшего Офицера; они свободны еще меньше, чем любой из вас.

Она говорила с неподдельной яростью.

– Как мы можем быть и свободны и в то же время несвободны? – запротестовал он.

– Спроси у Маты. Торби, ты живешь в стальной тюрьме; тебе позволено выходить из нее лишь на пару часов каждые несколько месяцев. Ты живешь по правилам более строгим, чем в настоящей тюрьме. Не стоит говорить, что все эти правила придуманы, чтобы сделать вас счастливыми – и делают; вы должны повиноваться им. Вы спите, когда вам приказано, едите, когда вам говорят есть, а то, что вы хотите, никого не интересует; суть дела в том, что у вас нет выбора. Девяносто процентов своего времени вы делаете лишь то, что вам прикажут. Вы настолько спеленуты правилами, что большинство из того, что вы говорите, – не живая речь, а обязательные ритуалы; может пройти целый день, прежде, чем вы скажете хоть одну фразу, которой не было бы в Законах "Сису". Так?

– Да, но...

– Да, и без "но". Торби, у кого еще из людей так мало свободы? У рабов? Можешь ли подобрать слово точнее?

– Но нас не могут продавать!

– Рабство часто имело место и в тех случаях, когда рабов не продавали и не покупали, а просто передавали по наследству. Как на "Сису". Торби, быть рабом – это означает принадлежать хозяину без надежды сменить его. Вы, рабы, которые называют себя людьми, не можете даже и мечтать о вольной.

Торби нахмурился.

– Вы можете понять, что происходит со мной?

– Я думаю, что тот рабский ошейник, который не беспокоит твоих товарищей, потому что они родились в нем, начинает душить тебя – ибо ты был свободным человеком. – Она бросила взгляд на свои пожитки. – Я должна перенести все это барахло на "Эль Нидо". Ты мне поможешь?

– Буду рад.

– Но не надейся увидеть Мату.

– Не буду, – соврал Торби. – Я хочу помочь вам. Мне ужасно тяжело провожать вас.

– Честно говоря, мне будет очень трудно с тобой прощаться. – Она помедлила. – Хотя и я смогу тебе помочь. Торби, антрополог никогда не должен вмешиваться в то, что происходит. Но я покидаю вас, да и ты не часть той культуры, что я изучала. Сможешь ли ты понять намек из уст старой женщины?

– Да вы совсем не старая!

– Еще одна любезность. Я уже бабушка, хотя Старший Офицер была бы удивлена, узнай, что у меня такой статус. Торби, я думала, что ты уже начинаешь привыкать к своей тюрьме. Теперь я в этом не уверена. Со свободой не так просто расстаться. Дорогой мой мальчик, если ты решишь, что ты не в силах больше терпеть, подожди, пока корабль очутится на планете, где есть и свобода, и демократия, и гуманизм – и лишь тогда спускайся на ее землю и беги! Но, Торби, сделай это до того, как Бабушка решит тебя женить, ибо если ты будешь ждать слишком долго, ты пропал!

ГЛАВА 12

От Лосиана к Финстеру, от Финстера к Тоту-IV, от Тота-IV к Зуламуре – "Сису" пропагала свои пути по окружности космоса в девяносто световых лет в диаметре, центром которой была легендарная Терра, колыбель человечества. И каждый прыжок приближал их к Великой Встрече Людей.

Корабль охватила карнавальная лихорадка. Членам команды разрешалось манкировать работой ради репетиций оркестров, вахты перетасовывались, чтобы квартеты вокалистов могли спеться, для атлетов готовилось специальное меню. Обсуждение планов шикарных приемов, которые должны были бы служить к вящей гордости "Сису", вызывали головную боль.

Через п-космос летели длинные послания, и Главный Инженер гневно протестовал против скандального расхода энергии, недвус-

мысленно намекая на высокую цену трития. Но Старший Офицер, посмеиваясь, одобряла все расходы. По мере того, как шло время, ее морщины все чаще складывались в непривычную улыбку, словно она что-то знала, о чем предпочитала пока помалкивать. Дважды Торби заметил, как она улыбалась, глядя на него, и испытал тревогу; лучше всего было не привлекать внимания Бабушки. В полной мере он удостоился ее внимания позже, и оно не обрадовало его – ему была оказана честь званого обеда после того, как он сжег пирата.

Привидение появилось на экранах "Сису", когда они поднимались с Финстера, и это было достаточно странно, так как в окрестностях этой планеты всегда было сравнительно тихо и никто тут не подвергался нападению. Сигнал тревоги прозвучал всего лишь через четыре часа, когда "Сису" набрала лишь 5 процентов световой скорости, и у нее не было никаких шансов оторваться от преследования.

Ситуация свалилась Торби на голову; во время стоянки в порту отказал компьютер – у него был "нервный срыв", и электронщики "Сису" обливались потом, готовя его к прыжку. Джерри вернулся к астронавигаторам, новому стажеру предстояло вдосталь тренироваться во время долгого прыжка, и Торби не очень надеялся на этого юношу, но не спорил, когда Джерри решил, что Кенен Дротар вполне готов нести вахту, хотя он еще никогда не был испытан на "настоящем". Джерри торопился вернуться в контрольную рубку по двум причинам: во-первых, из-за статуса, а во-вторых, о чем он предпочитал не говорить, компьютерная была тем самым местом, где он нес вахту со своей исчезнувшей младшей сестрой.

И поэтому, когда вынырнул рейдер, с ним пришлось иметь дело Торби.

Он почувствовал озноб, когда стал знакомиться с ситуацией, испытывая острое чувство тревоги из-за того, что не знал – в строю ли компьютер. Самым большим облегчением для баллистиков была вера в сверхчеловеческие способности команды электронщиков: "Ну, если я и попухнусь, эта куча мозгов все равно накроет его" – но электронщики думали то же самое о нем.

Но на сей раз у Торби не было этого ощущения безопасности. Так же, как и у других. На Финстере не базировался флот дальнего космоса, и вынырнувший призрак никоим образом нельзя было принять за финстерский корабль. Не мог он быть и Торговцем: он шел со слишком большой перегрузкой. Не был это и Страж Гегемонии; Финстер располагался слишком далеко от цивилизованного мира. С чувством тошнотворной уверенности Торби знал, что через несколько часов его предположения получат ответ; он должен будет навести прицел и поразить врага – или вскоре он снова станет рабом и всю его семью постигнет та же участь.

Эти мысли мешали отсчитывать время, путали расчеты.

Но внезапно он забыл и неисправный главный компьютер, и Семью, и даже пирата как такового. Перемещения рейдера стали всего лишь потоком поступающих цифр, превратившись в ту проблему, с которой он уже был знаком во время тренировок. Его напарник, забившись в

другое кресло, исходил криками ужаса, пока Ходовая Рубка непрерывно атаковала его вопросами. Торби не слышал ни запросов, ни того, как прекратились настойчивые вызовы. Когда Джерри, посланный Капитаном, вошел сюда, Торби его и не заметил. Джерри, выставив юношу с сиденья, сам занял его и, заметив, что консоль Торби в работе, не притронулся к выключателю. Он молча наблюдал за решениями, которые принимал Торби, и на всякий случай подготавливал еще одно решение, готовый после того, как Торби пустит ракету, взять управление на себя и выстрелить еще раз. Торби ничего не замечал.

Наконец густой бас Краусы прорвался по линии:

– Наводчики... надо ли помогать вам с маневрированием?

Торби ничего не слышал. Джерри посмотрел на него и ответил:

– Я бы не советовал, Капитан.

– Отлично.

Старший Электронщик, видя, с каким напряжением работают компьютеры, зашел к ним и стал свидетелем молчаливой схватки. Лицо Торби было залито потом, но он ничего не замечал. Для него не существовало ничего, кроме кнопок, выключателей и тумблеров, кроме его напряженных нервов. Ему вдруг страшно захотелось чихнуть, но он справился со своим желанием, даже не заметив усилия.

Торби протянул до последней секунды, а затем, почти теряя сознание, нажал кнопку, которая отдала приказ компьютера. Сердце не успело удвоить, как атомная ракета легла на курс.

Джерри потянулся к переключателю селектора и остановился, увидев, как Торби с лихорадочной активностью готовил со своей командой второй выстрел на тот случай, если цель не поражена. Поступление данных вдруг прекратилось. Корабль ослеп. Их парализовали.

Последующий анализ показал, что парализующий луч держал их семьдесят одну секунду. Джерри вынырнул из забытья, когда луч исчез; и увидел, что Торби изумленно смотрит на свою консоль... очнувшись, он снова начал лихорадочно действовать, так как помнил лишь последние поступившие данные.

Джерри положил ему на плечо руку:

– Бой окончен, Торби.

– Что?..

– Ты накрыл его. Отличный выстрел. Мата может гордиться тобой.

В течение дня "Сису" была слепа, пока не отремонтировали ее зрачки, глядящие в п-космос. Капитан продолжал ворчать; ему больше ничего не оставалось делать. Но наконец корабль снова обрел зрение, и через два дня нырнул в уютную тьму многомерного космоса. Этим же вечером в честь Торби был дан обед.

Бабушка произнесла свою обычную речь, поблагодарив за то, что Семья снова была спасена, и не кто иной, как сын "Сису", находящийся ныне рядом с ней, был орудием этого счастливого, но неизбежного исхода. Затем она снова откинулась на подушки и принялась за еду; ей прислуживала невестка.

Эта честь Торби не радовала. Он смутно припоминал, как шла охота;

ему казалось, что его чествуют по ошибке. Все последующее время он был как бы в полузабытии, и только сейчас воображение возвращалось к нему.

Он знал, что то были всего лишь пираты. Пираты и работорговцы, они хотели напасть на "Сису" и продать в рабство всю Семью. Торби ненавидел работорговцев еще до того, как стал осознавать себя – не просто безличный институт рабства, а именно ненависть к работорговцам была в нем с молодых ногтей, еще до того, как он узнал это слово.

Он был уверен, что папа одобрил бы его: он знал, что папа, при всей своей мягкости, не проронив ни слезинки, укоротил бы любого работорговца в Галактике.

Тем не менее Торби не был счастлив. Он продолжал думать о живом корабле, на который внезапно обрушилась гибель, превратив судно в сгусток излучения. Он посмотрел на свои пальцы и задумался. Его поймала в свои сети старая дилемма, с которой сталкивается человек, поглощающий мясо, но предпочитающий, чтобы туши свеживали другие...

ГЛАВА 13

Вуламура была цветущей планетой первопроходцев, включенная в состав Гегемонии Терры; здесь "Сису" должна была сделать последнюю остановку, прежде чем нырнуть к Встрече. Здесь было вдоволь продовольствия и сырья; фраки охотно покупали промышленные изделия. "Сису" распродала многие изделия лосиан и большинство финстерских драгоценностей. Но того, что могло принести доход, Вуламура предлагала скупно – здесь старались тратить деньги на то, что способствовало развитию нарождающейся индустрии.

Поэтому "Сису" удалось приобрести немного урана, но вдоволь продовольствия. "Сису" всегда старалась иметь у себя изысканный стол для гурманов; и на этот раз она набрала больше, чем ей было нужно; все это станет предметом гордости на Встрече.

В порту Нью-Мельбурн Отец несколько раз брал с собой Торби. Местным языком здесь был Системный Английский, который Крауса понимал, но фраки говорили на нем с захлебывающейся скоростью, глотая гласные; и Капитан Крауса находил его сложным для восприятия. Но для Торби язык не был труден, поэтому Крауса брал его с собой.

В этот день они должны были завершить сделку по передаче топлива. Коммерческое предложение, принятое "Сису", должно было быть утверждено в Центральном банке, а затем передано на завод. После того, как бумаги были подписаны и счет оплачен, Капитан сел поболтать с Директором. Капитан мог проявлять дружелюбие по отношению к фраки, ничем не давая понять ту огромную социальную разницу, что лежала между ними.

Пока они болтали, Торби мучился беспокойством. Фраки рассказывал о Вуламуре:

– Любой толковый мужик с хорошими руками и головой, который

может держать ушки на макушке, имеет право получить здоровый кусок земли и ковать свое счастье.

– Вне всякого сомнения, – согласился Капитан. – Я видел ваших быков. Эти звери просто великолепны.

Торби тоже согласился. На Вуламуре в самом деле не хватало тротуаров и водопроводов; здесь не очень увлекались искусством, но она буквально бурлила от открывающихся на ней возможностей. Кроме того, это был приятный славный мир, где обитало не так много жителей, что тоже было неплохо. Он соответствовал совету доктора Мадер: "...Подожди, пока корабль сядет на планете, где будет демократия, свобода и гуманность... и тогда беги!"

Отец и Вуламаура – над этими двумя вопросами Торби ломал себе голову. Должен ли он покинуть "Сису"? Если не хочет становиться на всю жизнь торговцем, ему надо покинуть корабль до того, как он женится. Но если ему придется уходить – а он все больше сомневался, хватит ли у него сил и дальше выносить эту монотонную, закованную в панцирь ритуалов жизнь – Вуламаура была лучшей возможностью из того, что представится за долгие годы. Ни каст, ни гильдий, ни нищеты, ни иммиграционных законов – да что там говорить, они принимали даже мутантов! Торби видел многоруких, волосатых, альбиносов, волчьих, гигантов и тому подобное. Если человек умеет работать, на Вуламуре для него всегда найдется дело.

Но что ему остается делать? Сказать "Извините, пожалуйста!", выйти из каюты – и в бега? Оставаться, пока "Сису" не уйдет в прыжок? Нет, такого сделать он не может! Ни Отец, ни "Сису" такого не заслужили; он слишком многим им обязан.

Но что тогда? Сказать Бабушке, что хочет покинуть их? Если она отпустит его, он, скорее всего, будет чувствовать свое полное одиночество среди звезд! Неблагодарность по отношению к "Сису" Бабушка считала непростительным грехом.

И кроме того... Встреча была уже близко. Он чувствовал большое желание посетить ее.

Решение надо отложить.

Капитан Крауса притронулся к его плечу.

– Мы уходим.

– О, простите, Отец. Я задумался.

– Это хорошее дело, занимайся им и дальше. Прощайте, Директор, примите мою благодарность. В следующий раз я обязательно постараюсь увидеться с вами.

– Вы не найдете меня, Капитан. Я перебираюсь на ранчо, как можно дальше от глаз. На свою собственную землю. И если вы когда-нибудь устанете от стальных палуб, для вас всегда найдется местечко. И для вашего мальчика.

Лицо Капитана Краусы ничем не выдавало охватившего его отвращения.

– Благодарю вас. Но я даже не знаю, с какого конца подходить к плугу. Мы торговцы.

– У каждой кошки своя собственная крыса.

Когда они вышли, Торби спросил:

– Что он имел в виду, Отец?

– Он имел в виду, что каждый человек должен быть на своем месте.

Именно это и волновало Капитана Краусу. Живым упреком ему было судно, стоявшее рядом с "Сису". Это был почтовый корабль, принадлежавший Гегемонии, а команду на нем составляли Стражники. Слова Баслима непрестанно звучали в его мозгу: "... и когда представится возможность, я прошу, чтобы ты доставил его к командиру любого военного судна Гегемонии".

Рядом стоял не военный корабль. Но все это не имело никакого значения, было игрой слов; указание Баслима было совершенно ясным, и данный корабль отвечал поставленной им цели. Долги надо платить. К сожалению, Мать понимала эти слова в их прямом значении. Он знал, в чем дело: она решила в выгодном свете продемонстрировать мальчика на Встрече. Это позволило извлечь всю мыслимую выгоду из того факта, что "Сису" платит долги Людей. Ну что ж, это можно понять.

Но это нечестно по отношению к мальчику!

Или ему это на пользу? У Краусы были основания опасаться пребывания юноши на Встрече. Теперь-то он был уверен, что предки Торби были Людьми – и он надеялся найти тому доказательство.

С другой стороны... Он был согласен с решением Матери относительно Маты Кингсолвер: от этой кокетки, которая готова была нарушить запрет, почти загнав парня в угол, надо было избавиться как можно скорее. Но как Мать не подумала, к чему это может привести?

Он не должен был соглашаться! Не должен был ради "Сису"! Да, мальчик еще молод, и он все простит... по крайней мере, когда он докажет, что Торби родом из Людей, и в этом случае все долги Баслиму будут уплачены.

Но присутствие этого почтового судна нашептывало ему, что он не хочет честно расплачиваться с долгами, за что он в глубине души обвиняет Мать.

Но лишь ради пользы мальчика!

Справедливо ли это?

Что ж, есть один честный выход. Взять парня и в его присутствии раскрыть перед Матерью все карты. Рассказать мальчишке в с е содержание послания Баслима. Объяснить ему, что он должен доставить его с почтовым кораблем в центральные миры, растолковать, что он должен делать в поисках своей семьи. И к тому же сказать, что он, Капитан Крауса, уверен в принадлежности Торби к Людям и что эту возможность нужно и необходимо исследовать в первую очередь. Да и откровенно сказать ему, что Мать хочет связать его женитьбой по рукам и ногам. Мать может выходить из себя и цитировать Законы – но это не входит в обязанности Старшего Офицера; Баслим возложил эту обязанность на н е г о. Да и, кроме того, это правильно; мальчик сам должен выбирать.

Строгий и подтянутый, но подавляя внутреннюю дрожь, Капитан Крауса двинулся, чтобы предстать перед лицом Матери.

У трапа их ждал Боцман.

– Старший Офицер выражает вам свое уважение и говорит, что хотела бы видеть Капитана Краусу.

– Какое совпадение, – мрачно сказал Крауса. – Идем, Сынок. Мы увидимся с ней вдвоем.

– Да, Отец.

Пройдя по коридору, они оказались у каюты Матери.

Жена Краусы ждала их снаружи.

– Здравствуй, дорогая. Боцман сказал, что Мать посылала за мной.

– Это я посылала.

– Значит, он что-то спутал. Что бы там ни было, говори побыстрее.

Я тороплюсь встретиться с Матерью.

– Он ничего не спутал; тебя вызывала Старший Офицер.

– Что?

– Капитан, ваша мать мертва.

Капитан выслушал эти слова с каменным лицом, но самообладание изменило ему: отбросив дверь, он рванулся к постели Матери и, рухнув у изголовья, обнял покоившееся на нем хрупкое истончившееся тело; из груди его исторглись глухие страшные звуки, говорящие о глубине скорби, которая ломает и стальных людей, когда они уже не в силах носить ее в себе.

Торби смотрел на все происходящее с благоговейным ужасом и, вернувшись к себе, погрузился в раздумья. Он пытался понять: почему он так плохо чувствует себя. Ведь он не любил Бабушку.

Тогда почему же он чувствует себя таким потерянным?

Почти так же ему было, когда погиб папа. Но он любил папу – а ее нет.

Он видел, что не одинок в своей скорби: весь корабль был погружен в глубокую печаль. Не было ни одного, кто бы мог представить или припомнить "Сису" без нее. О н а с а м а была "Сису". Как вечное пламя, двигавшее корабль, она олицетворяла собой неиссякающую, мощную, главную силу. И внезапно она исчезла. Она погрузилась в дремоту, как обычно, вдоволь поворчав по поводу того, как плохо соблюдается распорядок дня на Вуламуре – обычная нераспорядительность фраки. Но заснула она лишь после того, как убедилась, что всюду царит железная дисциплина – так же, как было и в сотнях других случаев.

Когда невестка пришла будить ее, она не просыпалась.

Блокнотик, лежащий у кровати, был испещрен множеством заметок. "Поговорить с Сыном об этом. Сказать Торе сделать то. Гл. Инж. – проконтролировать температурный режим. Обсудить меню банкета с Афиной". Рода Краус, вырвав листок, спрятала его, потому что ей придется решать все эти дела; затем привела тело в порядок и приказала Боцману вызвать ее мужа.

За обедом Капитана не было. Кресло Бабушки было сдвинуто в сторону, и Старший Офицер заняла это место. В отсутствии Капитана Старший Офицер дала сигнал Главному Инженеру, и когда он предложил помолиться за мертвых, она кивнула в ответ. Ели они в молчании. До Встречи похороны не могли состояться.

Старший Офицер встала.

– Капитан хотел бы сообщить, – тихо сказала она, – что благодарит всех, что хотел, чтобы он был с ними. Он приступит к своим обязанностям завтра. – Она помолчала. – Атомы приходят из космоса и в космос же они возвращаются. Но дух "Сису" вечен.

И внезапно Торби ощутил, что его покидает чувство одиночества.

ГЛАВА 14

Торби даже не мог представить себе, что такое Большая Встреча. Корабли тянулись миля за милей: более чем восемьсот могучих Свободных Торговцев стояли концентрическими кругами, внутри которых было пространство в четыре мили диаметром... "Сису" стояла во внутреннем круге – что порадовало бы Мать Торби, – рядом с кораблями, о существовании которых Торби и не подозревал: "Кракен", "Деймос", "Джемс Б. Куинн", "Огненный Полет", "Бон Марше", "Дом Педро", "Омега". "Эль Нидо" – Торби решил узнать, как поживает Мата, – "Сент Кристофер", "Вега", "Вега-Прим", "Галактический Сейнер", "Римская возлюбленная"... Торби торопливо набрасывал список... "Сатурн", "Чианг", "Сельский Магазинчик", "Джозеф Смит", "Алоха"...

Слишком много их было. Посещая он корабли по десять в день, ему не удастся обойти большинство из них. Торби отказался от этого замысла.

Внутри круга был организован большой временный стадион; по размерам он был больше Нового Амфитеатра в Джабулпорте. Здесь должны были проходить выборы, похороны, свадьбы, спортивные соревнования, представления и концерты...

Между стадионом и кольцом судов было пространство – для лавочек, прогулок, игр, разнообразных встреч, одиноких гуляний; здесь располагались танцзалы, которые никогда не закрывались, экспозиции технических новинок, сидели гадалщики, шумели потерей и игры на призы и за наличные, бары на открытом воздухе; продавцы безалкогольных напитков предлагали все что угодно – от клюквенного сока с Плеяд до коричневого пива с ручательством за его древность; оно походило на "Кока-Колу" с Терры, которую разливали по бутылкам на Гекате.

Очутившись в этом водовороте, Торби показалось, что он опять бродит по Веселой Улице, с которой ему пришлось бежать. Для фраки здесь был шанс получить кредит на благородных условиях, после чего вчерашний сосунок мог стать хитрейшим бизнесменом в Галактике; это был день, который длился без конца, и Торговцы могли ходить без телохранителей.

Фриц взял Торби с собой, чтобы у него не было сложностей, так как Фриц, уже побывавший на одной Встрече, обладал немалым опытом. Прежде чем молодые люди покинули борт судна, Старший Офицер обратился к ним с наставлением, напомнив, что "Сису" всегда отличалась высокой репутацией, а затем выдала им по сто кредитов, предупредив, что их должно хватить на все время Встречи.

Фриц посоветовал Торби оставить на борту большую часть.

– Когда дело будет подходить к концу, еам придется кланчить у Отца карманные деньги. Но это не очень весело, так что не бери все.

Торби согласился. Он не удивился, почувствовав в кармане руку воришки; схватив его за кисть, он повернулся посмотреть, кого поймал.

Но первым делом он ощупал бумажник. Затем посмотрел на вора. Это был молодой фраки с грязным лицом, который напомнил Торби старого друга Зигги, только у этого было две руки.

– Попытай счастье в другой раз, – посоветовал он ему. – У тебя еще не получается.

Мальчишка готов был заплакать, Торби собрался было отпустить его, но внезапно спохватился:

– Фриц, проверь свой бумажник.

Бумажник исчез.

– Ах, что б меня...

– Давай его сюда, парень.

– Я не брал! Отпустите меня!

– Давай, давай... пока я тебе не открутил башку.

Мальчишка вытащил бумажник Фрица, и Торби отпустил его.

– Зачем ты это сделал? – спросил Фриц. – Я уже стал искать полицейского.

– Именно поэтому.

– Что? Изложи яснее.

– Когда-то я изучал эту профессию. Все не так просто.

– Ты? Странные шуточки, Торби.

– А ты помнишь меня? Того бывшего фраки, мальчишку-нищего? Это глупое покушение на наши карманы вызвало у меня тоску по родине. Фриц, там, откуда я явился, карманники имели определенный статус. А я был просто нищим.

– Только бы Мать этого не услышала.

– Не услышит. Но я тот, что я есть, и я знаю, кем был, и не собираюсь это забывать. Я никогда по-настоящему не учился искусству карманных краж, но я был хорошим нищим и изучил это дело в совершенстве. Меня учил лучший из нищих. Мой папа. Баслим Калека. Я не стыжусь его, и все Законы "Сису" не заставят меня сделать это.

– Я и не собирался тебя стыдить, – тихо сказал Фриц.

Они пошли дальше, смешавшись с веселившейся толпой. Внезапно Торби сказал:

– А не попытать ли нам счастье? Я тут кое-что заметил.

Фриц покачал головой:

– Посмотри на эти так называемые призы.

– О-кей. Интересно, как они тут жульничают.

– Торби...

– Да? Почему у тебя такая торжественная физиономия?

– Ты знал, кем на самом деле был Баслим Калека?

Торби задумался.

– Он был моим папой. Если бы он хотел, чтобы я знал еще что-то, он бы мне сказал об этом.

- М-м-м... наверное, так оно и есть.
  - А ты знаешь?
  - Кое-что.
  - Меня интересует одна вещь. Что это за долг, который Бабушка хотела отдать мне?
  - Я уже и так сказал достаточно.
  - Ты это знаешь.
  - Ох, черт бы тебя побрал, об этом знают все остальные Люди.
- Поэтому мы и оказались на этой Встрече.
- Не заставляй меня просить, Фриц.
  - Ну... Видишь ли, Баслим не всегда был нищим.
  - Я давно об этом догадывался.
  - Мне не сказали, кем он был. Кое-кто из Людей хранит свои тайны

годами; и никто не намекнул мне, что об этом стоит рассказывать. Но один факт не является секретом для Людей... а ты один из них. Давным-давно Баслим спас целую Семью. Люди никогда не забудут этого. Это была "Ханси"... а "Нью-Ханси" как раз находится здесь. На ней красуется герб. Больше сказать я тебе не могу, потому что на эту тему наложено табу – история эта была столь постыдна, что о ней не говорят. Я и так сказал достаточно. Но ты можешь зайти на "Нью-Ханси" и попросить разрешения порыться в старых вахтенных журналах. И если ты назовешь себя, скажешь, что ты родственник Баслима, – они не посмеют отказать тебе. Хотя потом Старший Офицер в своей каюте будет биться в истерике.

- М-м-м... мне бы не хотелось узнавать вещи, от которых леди будет рыдать. Фриц, давай покатаемся! – И после полетов с головокружительной скоростью и ускорением до одной сотой Торби нашел развлечение настолько восхитительным, что чуть не опоздал на завтрак.

Большая Встреча, заполненная весельем и встречами со старыми и новыми друзьями, имела и серьезные цели. В дополнение к похоронам, памятным службам по погибшим кораблям, бесконечным переселениям молодых людей здесь заключались сделки по приобретению кораблей, что имело первостепенное значение для всех Людей.

На Гекате были лучшие верфи по всей исследованной Галактике. Также, как и у людей, потомство появлялось и у кораблей. "Сису" была беременна людьми, чуть не лопалась от доходов, полученных от торговли ураном и торием; наступило время, когда Семья должна была разделяться. По крайней мере, треть семьи испытывала необходимость приступить к самостоятельной торговле и обрести свой дом; фраки-маклеры по торговле кораблями потирали руки, представляя себе размеры комиссионных. Но межзвездные корабли нельзя было продавать как холодные напитки; продавцы и маклеры порой залетали слишком далеко в мечтах. Но за несколько недель, возможно, пойдут на продажу до сотни кораблей.

Некоторые из них будут новыми судами, сошедшими со стапелей верфей "Галактического Транспорта, Лтд", дочернего предприятия известных во всем цивилизованном мире "Галактических Предпри-

ятий", или "Корпорации Космических Инженеров", или "Кораблей Гекаты", или "Двигателей Инкорпорейтед"" или "Гаскомба и Сына" — гигантов торговли. Предложения были на любой вкус. Брокеры, которые не выходили прямо на строителей кораблей, имели исключительное право на приобретение и продажу подержанных судов, и, если цена была подходящей, владельцы охотно прислушивались к разговорам и слухам — человек может ухватить счастье за хвост, если не будет зевать. Шел лихорадочный обмен почтой и посланиями из космоса, ярмарка близилась к концу.

Семья, которая хотела уйти в космос, имела две возможности: или покупать другое судно и делиться, образуя две семьи, или же корабль мог объединиться с другим судном с целью покупки третьего, которое принадлежало бы им обоим. Разделение давало возможность обрести более высокий статус. Оно было свидетельством того, что семья, которая могла пойти на такой шаг, — опытные и умелые торговцы, способные самостоятельно, без чьей-то помощи, отправить своих детей в космос. Но на практике выбор обычно склонялся в пользу другой возможности: объединиться с другим судном, что позволяло разделить расходы; и даже тогда часто бывало необходимо закладывать все три судна в качестве залога за новое.

"Сису" делилась тридцать лет назад. Три десятилетия ей сопутствовала удача; и она была готова к новому разделению. Но десять лет назад на последней Встрече Бабушка предложила "Сису" в качестве залога, как родительское судно, за новорожденный корабль. Он дал банкет в честь родителя, затем прыгнул в темноту и никогда больше не вернулся. Космос велик. Помянем его имя на Встрече.

Результатом было то, что "Сису" пришлось платить треть от сорока процентов стоимости пропавшего корабля, это был тяжелый удар. Долги надо было всегда возвращать, но после разделения на последней встрече "Сису" выложила почти все, что у нее было. Каждый отвечает за свои собственные грехи — и у "Сису" остались лишь кожа да кости. У неимущего должника нечего требовать; остается только ждать.

Бабушка была неглупа. Корабли-родители "Цезарь Август" и "Дюпон" не теряли связи с "Сису", оказывая друг другу взаимные услуги. Кроме того, это была хорошая сделка: торговцы без большой охоты предоставляют необеспеченный кредит. В этом положении "Сису" могла быть уверена, что выписанный ею чек на любого из Свободных Торговцев всюду будет встречен с уважением.

Но в то время, как Семья должна была разделиться, у "Сису" наличных было меньше, чем обычно.

В первый же день, спустившись на грунт, Капитан Крауса посетил "Норберта Винера", на котором нес свой флаг Коммодор. Его жена осталась на борту, и дел у нее было более чем достаточно. С того дня, как она стала Старшим Офицером, она не высыпалась. Сегодня она работала у себя на палубе, то и дело встречаясь лицом к лицу с другими старшими офицерами и связываясь по телефону с городскими службами. Завтрак был готов. Она решила отложить его. Но когда муж

вернулся, он по-прежнему оставался нетронутым. Войдя, Капитан устало опустился на стул. Она просматривала стопку слайдов и фиксировала свои решения на калькуляторе. Наконец она сказала:

– Если остановиться на корабле серии Ф-2 производства Гаскомбов, залог будет более пятидесяти процентов.

– Рода, ты не знаешь, "Сису" не может приобрести корабль без посторонней помощи.

– Не торопись, дорогой. И "Гус", и "Дюпон" согласны поручиться... а их подпись то же самое, что наличные.

– Если они будут согласны ждать.

– И "Нью-Ханси" согласна присоединиться – смотря по обстоятельствам – и...

– Рода! Две Встречи тому назад ты была еще молода, но уже тогда ты беспокоилась, что кредит в равной доле ложится на всех... и не только на "Ханси". И все были с этим согласны.

– Я была взрослой, чтобы стать твоей женой, Фьялар. Не надо читать мне Законы. Но "Нью-Ханси" согласна вступить, если только запрет на разглашение будет длиться все время. Ты осматривал "Галактическую Лямбду"?

– Нет смысла, я ее знаю. Слаба.

– Ну, знаешь! Я бы не сказала, что восьмидесятикратное ускорение – это слабо.

– Сказала бы, посиди ты на моем месте. Класс "Лямбда" предназначен для транспортировки небольших грузов в пределах Гегемонии; это все, на что он способен.

– Ты слишком консервативен, Фьялар.

– И останусь таким, пока мне надо заботиться о безопасности судна.

– Не сомневаюсь. А мне придется искать решение, которое удовлетворит все твои предрассудки. Во всяком случае, класс "Лямбда" – это всего лишь возможность. Есть еще ты-сам-знаешь-какие. Они пойдут подешевле.

Он нахмурился.

– Несчастливый корабль.

– Придется его вычистить сверху донизу, чтобы ты избавился от мрачных мыслей. Но подумай о цене.

– Речь идет не только о мрачных мыслях относительно ты-сам-знаешь-чего. Я никогда раньше не слышал, чтобы Старший Офицер кончал с собой. Или о капитане, сошедшем с ума. Я удивлен, что они очутились здесь.

– Я тоже. Но корабль здесь, и он будет выставлен на продажу. А чистить надо любое судно.

– Еще бы.

– Не будь так подозрителен, дорогой. Надо всего лишь отнестись к нему с предельным вниманием, провести все ритуалы, а это уж моя забота. Да, и кроме того, ты можешь забыть о ты-сам-знаешь-что. Я думаю, что раздел может произойти с помощью и другого корабля.

– Я думал, что ты уже пришла к какому-то выводу.

– Я просто исследую наши возможности. Но есть и более важные

вещи, чем самостоятельная покупка нового корабля.

– Конечно, есть! Силовая установка, налаженная система оружия, рабочий капитал, опытные офицеры на ключевых постах – да ведь мы не можем иметь два судна. Взять хотя бы баллистиков. Если...

– Не выходи из себя. Мы справимся. Фьялар, что ты думаешь о том, чтобы стать Коммодором?

Он остановился на полном ходу.

– Рода! У тебя лихорадка?

– Нет.

– Здесь есть не меньше дюжины шкиперов, куда больше подходящих на этот пост. Я никогда не буду Коммодором – и, что куда важнее, я не хочу им быть.

– Я имею в виду место заместителя, так как Коммодор Денбо собирается уходить в отставку после того, как будут выбраны новые делегаты. И не сомневайся: на следующей Встрече ты будешь Коммодором.

– Чушь!

– Почему вы, мужчины, так непрактичны? Фьялар, единственное, о чем ты думаешь, это твоя ходовая рубка и дела. И не толкай я тебя, ты бы никогда не стал тем, кто ты есть.

– Неужели тебе мало?

– Я не жалуюсь, дорогой. Когда я вошла на "Сису", это большой день для меня. Но слушай. У нас есть возможность пользоваться многими источниками, не только "Гус" и "Дюпон". Любое судно, к которому мы желаем присоединиться, поможет нам. Я собираюсь оставить этот вопрос открытым до следующих выборов – все утро ко мне поступают самые разные предложения от сильных кораблей, с хорошими связями. И наконец, "Нью-Ханси".

– А что насчет "Нью-Ханси"?

– Она объявилась как раз вовремя; если "Нью-Ханси" назовет твое имя, ты будешь избран под бурные аплодисменты.

– Рода!

– Тебе не придется и пальцем пошевелить. И Торби тоже. Просто вы вдвоем покажетесь на людях и очаруете их своим обаянием, мужественностью – слуги народа, чуждые политиканству. Я это обеспечу. Твоя Мать не видела положения дел в целом. Да, я хочу, чтобы мой сын женился, – но весьма существенно, чтобы Торби не был женат, и даже не имел пары до тех пор, пока не пройдут выборы. А теперь... ты был на флагманском корабле?

– Конечно.

– На каком корабле он родился? Это может быть очень важно.

Крауса вздохнул:

– Торби не рожден среди Людей.

– Что? Чепуха! Ты имеешь в виду, что его идентификация не очень надежна? М-м-м... какой из пропавших кораблей ему подошел бы?

– Я сказал, что он не из Людей! Нет ни пропавших кораблей, ни детей, исчезнувших с судна, – ничего, что подходило бы к данному случаю. Он должен быть или значительно старше или куда моложе, чем он есть.

Она покачала головой:

- Не могу поверить.
- Ты имеешь в виду, что не хочешь!
- Не могу поверить. – Он – из Людей. Это видно по его походке, по манерам, у него отличная голова и все прочее. Хм-м-м... я должна сама просмотреть досье.
- Валай. Так как ты мне не веришь.
- Фьялар, я не считаю...
- О, конечно, считаешь. Скажи тебе, что снаружи идет дождь, когда тебе не хочется, чтобы он шел...
- Прошу тебя, дорогой. Ты же знаешь, что в это время на Гекате никогда нет дождей. Я просто...
- О, безмерное небо!
- Тебе не стоит выходить из себя. Капитану это не подходит.
- Капитану не подходит и то, что на его собственном корабле сомневаются в его словах!
- Прости, Фьялар. – Она понизила голос. – Я не сказала ничего обидного для тебя. Если я расширю круг поисков или пороюсь в каких-то незафиксированных материалах – ты же знаешь, как чиновники неаккуратно обращаются со старыми досье. М-м-м... если я буду знать, кем были родители Торби, это поможет нам перед выборами. И поскольку до того я не дам ему разрешения на женитьбу, известие, что сразу же после выборов будет объявлено о свадьбе, обеспечит нам мощную поддержку...
- Рода...
- Что, дорогой? Вся группа "Веги", которая сейчас колеблется, присоединится к нам, если будет установлено место рождения Торби... и если лучшая из их дочерей...
- Рода!
- Я уже сказала, дорогой.
- А теперь я скажу. Я, Капитан. Жена, в нем течет кровь фраки. К тому же Баслим знал это... и дал мне неукоснительное поручение помочь ему найти свою семью. Я надеялся – и верил: досье покажут, что Баслим заблуждался. – Нахмурившись, он закусил губу. – Крейсер Гегемонии будет здесь через две недели. И у тебя хватит времени понять, что я перерыл все досье, как исправный клерк.
- Что ты имеешь в виду?
- Долги надо платить... и нам предстоит еще одна плата.

Она посмотрела на него.

- Муж мой, не сошел ли ты с ума?
- Мне нравится это не больше, чем тебе. Он не только прекрасный мальчик: он лучший из наводчиков, которые у нас когда-либо были.
- Наводчиков! – резко сказала она. – Фьялар, если ты считаешь, что позволю выбросить к фраки одного из моих сыновей... – У нее перехватило горло.
- Но он в самом деле фраки.
- Нет, он не фраки. Он "Сису" так же, как и я. Меня удочерили так же, как приняли его. Мы оба "Сису" и всегда будем ими.

– Я надеюсь, что мы всегда в сердце будем носить "Сису". Но последний долг должен быть отдан.

– Этот долг был заплачен сполна и давно!

– В книгах его нет.

– Ерунда! Баслиум хотел, чтобы мальчик вернулся в свою семью. И каким-то фраки, если у них есть семьи? Мы стали его семьей – мы сами наш клан, наше племя. Разве это не лучшая плата, чем помет фраки? Или ты так мало думаешь о "Сису"?

Она посмотрела на него, и Крауса горько подумал, что она исходит из убеждения, что такие мозги может дать только чистая кровь Людей. В разговорах с фраки он никогда не терял самообладания. Но Мать – а теперь Рода – всегда загоняли его в угол.

В конце концов Мать, со всей ее твердостью, никогда не требовала невозможного. Но Рода... быть только Женой – это новая обязанность для нее. Он сдержанно сказал:

– Старший Офицер, эта обязанность возложена лично на меня, а не на "Сису". И выбора у меня нет.

– Ах, вот как? Отлично, Капитан, – мы поговорим об этом попозже. А теперь, сэр, примите мои уверения в почтении, но у меня масса дел.

Встреча была великолепна, но Торби было не так весело, как он предполагал; Мать попросила его помочь в приемах Старших Офицеров с других кораблей. Часто посетители приводили с собой дочек или внушек, и Торби приходилось занимать их, пока старшие беседовали. Он лез из кожи вон, научился принимать участие в непринужденной болтовне, полной тонких намеков. И даже освоил искусство танца. Но до сих пор, когда музыка призывала его к танцу, он не мог без озноба и дрожи непринужденно обнять девушку за талию.

Посетители Матери терзали его расспросами о папе. Он старался соблюдать вежливость, но его выводила из себя уверенность собеседников, что каждый из них, казалось, знал о папе больше его – кроме тех вещей, которые были важны по-настоящему.

Но похоже, что к нему должна была прийти подмога в этих делах. Торби понимал, что он младший сын, но и Фриц, как и он, был неженат. Он предложил, что, если Фриц придет к нему на помощь, позже он вернет ему долг сторицей.

Фриц хрипло расхохотался.

– Что ты можешь предложить мне такого, что заменит мне на Встрече время вне корабля?

– Ну...

– В самом деле. А если серьезно, старый тупица, Мать не захочет меня и слушать, если даже я сойду с ума настолько, что обращусь к ней с этим предложением. Она говорила о тебе, и она имела в виду именно тебя. – Фриц зевнул. – Парень, ну и устал же я! Та маленькая рыженькая с "Сен Луиса" готова плясать всю ночь. Валяй отсюда и дай мне выспаться перед банкетом.

Прошел месяц после приземления. Мать не собиралась менять свои планы, и в это утро Торби с отцом спустились с корабля. Матери на

борту не было. Был День Памяти. Службы должны были начаться не раньше полудня, но Мать ушла пораньше, чтобы провести подготовку к завтрашним выборам.

Торби был занят совсем другими мыслями: службы должны были кончиться общим мемориалом в честь Баслима.

Торби с Отцом оставили судно за два часа до начала служб. Капитан Крауса сказал: – Мы еще успеем как следует повеселиться. Ты будешь долго вспоминать День Памяти – но сидения жесткие, и день будет долгим.

– Отец... но что я должен буду делать, когда придет время для папы... для Баслима?

– Ничего особенного. Во время церемонии ты будешь сидеть в первых рядах и подавать реплики во время Молитвы по Усопшим. Ты знаешь, как это делается?

– Не уверен.

– Я напишу тебе все, что ты должен говорить. Что же касается всего остального... будешь делать то же, что и я в честь своей Матери – твоей Бабушки. Наблюдай за мной, и когда придет твой черед, делай то же самое.

– Хорошо, Отец.

– А теперь успокойся.

К удивлению Торби, Капитан Крауса свистом подозвал машину. Она двигалась быстрее, чем те, которые Торби видел на Джаббуле. Едва успев обменяться несколькими словами с водителем, они оказались на железнодорожной станции. Поездка была столь стремительной, что Торби почти не разглядел Город Артемис.

Он еще раз удивился, когда Отец купил билеты.

– Куда мы отправляемся?

– Поездим по стране. – Капитан посмотрел на свои часы. – Времени хватает.

Монорельсовая дорога наполнила его восхитительным ощущением скорости.

– Как быстро мы едем, Отец?

– Думаю, не меньше двухсот километров в час. – Краусе пришлось повысить голос.

– Кажется, что еще быстрее.

– Во всяком случае, хватит, чтобы сломать себе шею.

Ехали они полчаса. Сельская местность была усеяна металлическими корпусами заводов и фабрик с большими складскими помещениями; все это было ново и необычно, и, рассматривая то, что открывалось его взгляду, Торби решил, что вся мощь Саргона ничтожна по сравнению с тем, что он видит. За зданием станции, где они вышли, простиралась длинная стена, за которой стояли космические корабли.

– Где мы?

– Это военный космопорт. Мне нужно увидеть одного человека – и сегодня самое подходящее время. – Они подошли к воротам. Крауса остановился и огляделся. Они были одни. – Торби...

– Да, Отец?

– Помнишь ли ты то послание Баслима, которое доставил мне?
– Сэр?
– Можешь ли ты повторить его?
– Я не знаю, Отец. Это было так давно.
– Попробуй. Начни: "Капитану Фьялару Крауса, хозяину межзвездного корабля "Сису" от Баслима Калеки. Приветствую тебя, старый приятель!.."

– Приветствую тебя, старый приятель... – повторил Торби. – Приветствую твою семью, клан и племя и... – о, я понял!
– Конечно, – мягко сказал Крауса, – ведь сегодня День Памяти. Продолжай.

Торби слышал голос отца, исходивший из его горла, и по щекам его текли слезы. – "... А также мое почтительное уважение твоей досточтимой матери. Я говорю с тобой устами моего приемного сына. Он не понимает языка Суоми..." – но ведь я понимаю!

– Продолжай.

Когда Торби дошел до слов "я буду уже мертв", он захлебнулся. Крауса яростно потер нос и приказал ему продолжать. Торби постарался добраться до конца текста, хотя голос у него дрожал и прерывался. Крауса дал ему поплакать, а затем строго приказал вытереть лицо и собраться.

– Сын... ты слышал, о чем шла речь в средней части? Ты понял?

– Да... я думаю, что да.

– Значит, ты должен понимать, что я вынужден делать.

– Вы имеете в виду... что я должен покинуть "Сису"?

– А что сказал Баслим? "Как только представится возможность". Это первая возможность, которая мне представилась... и я должен использовать ее до конца. Я почти уверен, что она же будет и последней. Баслим отнюдь не подарил мне тебя – он дал тебя лишь в долг. И теперь я должен вернуть его. Ты можешь понять меня?

– Ну... я пытаюсь.

– Тогда приступим к делу. – Крауса залез во внутренний карман куртки, вытащил сверток банкнот и сунул его Торби. – Сунь это в карман. Я должен был бы дать тебе побольше: это все, что мне удалось достать, не вызывая подозрений у твоей Матери. Прежде чем вы уйдете в прыжок, я пришло тебе еще.

Торби взял деньги, даже не взглянув на них, хотя здесь было больше, чем когда-либо он держал в руках.

– Отец... вы хотите сказать, что я уже ушел с "Сису"?

Крауса остановился и повернулся к нему.

– Лучше сделать именно так, Сынок. Прощание не всегда доставляет удовольствие; приятна только память. Кроме того, у нас не было другого выхода.

Торби сглотнул комок в горле.

– Да, сэр.

– Идем.

Они быстро подошли к охраняемым воротам. Они были уже почти рядом с ними, когда Торби остановился.

– Отец... я не хочу идти!

Крауса посмотрел на него без всякого выражения на лице.

– Ты не должен так говорить. Возложенная на меня обязанность заключается в том, что я должен доставить тебя и передать послание Баслима, которое он предназначал для меня. На этом мои обязанности кончаются, долг выплачен. Не я приказываю тебе оставить Семью. Это идея Баслима... и я уверен, что он руководствовался только соображениями о твоём благе. Но как бы там ни было, ты обязан выполнить его пожелание. Я не могу решать за тебя. Что бы ты ни был должен Баслиму, это не имеет отношения к тому, что Баслиму должны Люди.

Крауса ждал, пока Торби молча стоял, собираясь с мыслями. Чего папа ждал от него? Что он должен делать по его указаниям? "Могу ли я положиться на тебя? Ты ничего не перепутаешь и не забудешь?" – "Да, но что именно, папа?" – "...просто доставь послание и еще одно: делай все, что тебе скажет этот человек".

– У нас не так много времени, – торопливо сказал Крауса. – Я должен успеть вернуться. Но, Сын, что бы ты ни решил, возврата уже не будет. Если ты решишь остаться на "Сису", второй возможности у тебя уже не будет. Я в этом уверен.

"Это самое последнее, что я хочу от тебя, сын ... могу ли я положиться на тебя?" – услышал он звучавший внутри торопливый голос папы.

Торби вздохнул.

– Думаю, что я должен выполнить это, Отец.

– Я тоже так думаю. А теперь поспешим.

Стража у ворот не проявила особого рвения даже после того, как удостоверилась в личности Капитана Краусы и его сына, ибо он отказался сообщить, какое у него дело к командиру сторожевого крейсера "Гидра", кроме того, что "официальное и спешное".

Но наконец в сопровождении фраки, вооруженного с головы до ног, они подошли к трапу и были переданы другому стражнику. Они прошли внутрь судна и оказались у дверей с надписью "Секретарь Корабля – Входить Без Стука". Торби понял, что "Сису" была меньше, чем он представлял себе, и что никогда в жизни он не видел такого обилия полированного металла. Он успел лишь мельком пожалеть о своем решении.

Секретарем Корабля был вежливый подтянутый молодой человек с аксельбантами лейтенанта. Он был столь же тверд, как и стража у ворот.

– Простите, Капитан, но вам придется сообщить мне суть вашего дела... если вы хотите видеть Командующего.

Капитан Крауса застыл в каменной неподвижности.

Молодой человек, залившись краской, побарабанил пальцами по столу. Наконец он встал.

– Прошу прощения, я на секунду.

Вернувшись, он сказал невыразительным голосом:

– Командующий дает вам пять минут.

Проводив их в большой кабинет, он оставил их. За столом, заставленным бумагами, сидел человек постарше. Он был без кителя, и знаков различия не было видно. Встав, он протянул руку и сказал:

– Капитан Крауса? Из Свободных Торговцев... с "Сису", не так ли? Я Полковник Брисби, командующий.

– Рад быть у вас на борту, Шкипер.

– Очень приятно. В чем дело? – Он взглянул на Торби. – Один из ваших офицеров?

– И да и нет.

– Э?

– Шкипер, этот юноша – Торби Баслим, приемный сын полковника Ричарда Баслима. Полковник поручил мне доставить его к вам.

ГЛАВА 15

– Что?

– Это имя что-то значит для вас?

– Конечно, значит. – Он взглянул на Торби. – Но сходства я не вижу.

– Я сказал, что он приемный сын. Полковник усыновил его на Джаббуле.

Полковник Брисби прикрыл двери.

– Полковник Баслим мертв, – сказал он Краусе. – Или же "пропал и предположительно мертв" в последние два года.

– Я знаю. Мальчик был со мной. И я могу сообщить некоторые детали о смерти полковника, если до сих пор они остаются неизвестными.

– Вы были одним из его связных?

– Да.

– И вы можете доказать это?

– Икс-три-оу-семь-девять, код ФТ.

– Это необходимо проверить. Но в данный момент примем это за истину. Но что заставило вас принять... Торби Баслима?

Торби не прислушивался к разговору. В ушах его стоял постоянный гул, как у изнемогающего от усталости наводчика, комната то разбухла, то съеживалась в размерах. Он понимал, что этот офицер знал папу... и это было хорошо... но что там говорилось относительно того, что папа был полковником? Папа был Баслим Калека, дипломированный нищий милостью... милостью...

Полковник Брисби резко приказал ему сесть, что он с удовольствием и сделал. Затем полковник включил вентилятор и повернулся к Капитану Краусе.

– Хорошо, вы купили меня с потрохами. Я еще не знаю, куда нас направят... предполагается, что мы будем оказывать содействие людям из корпуса "Икс", но это еще не совсем точно. Но я не могу подвести полковника Баслима.

– Человек в беде, – напомнил Крауса.

– Что? Я не представляю, как на планете, принадлежащей Гегемонии, человек в самом деле может оказаться в беде. Но я все сделаю.

– Благодарю вас, Шкипер, – Крауса посмотрел на часы. – Могу ли я идти? В сущности, я уже должен.

– Минутку. Вы просто оставляете его со мной?

– Боюсь, что так оно и должно быть.

Брисби пожал плечами.

– Как скажете. Но оставайтесь на завтрак. Я хотел бы порасспросить вас о полковнике Баслиме.

– Простите, не могу. Если у вас будет необходимость, вы сможете найти меня на Встрече.

– Попытаюсь. Ну что ж, кофе на прощание. – Командир корабля нажал на кнопку.

– Шкипер, – с легким раздражением сказал Крауса, снова бросая взгляд на часы, – я вынужден уже оставить вас. Сегодня у нас День Памяти... и похороны моей Матери состоятся через пятьдесят минут.

– Что? Почему вы не сказали мне об этом? Боже мой! Ведь вы же не успеете.

– Очень боюсь, что... но я должен успеть.

– Мы поможем. – Полковник рывком распахнул двери. – Эдди! Аэрокар для Капитана Краусы! Сию секунду! Взять его на борт и высадить там, где он скажет. Мигом!

– Есть, Шкипер!

Повернувшись, Брисби вскинул брови и вышел в приемную. У Краусы, сидевшего лицом к Торби, горестно искривился рот.

– Пора, сынок.

– Да, Отец.

– Я должен идти. Может быть, ты сможешь побывать на Встрече... когда-нибудь.

– Я постараюсь, Отец!

– А если нет... что ж, кровь на стали и сталь в крови. Ты по-прежнему принадлежишь "Сису".

– Сталь в крови.

– Отличное дело, сынок. Будь хорошим мальчиком.

– Отличное... дело. О, Отец!

– Перестань! А то и я не выдержу. Сегодня я передам от тебя приветы. Ты не должен больше показываться.

– Да, сэр.

– Твоя Мать любит тебя... и я тоже.

Брисби постучал в открытую дверь.

– Машина ждет вас, Капитан.

– Иду, Шкипер. – Крауса расцеловал Торби в обе щеки и внезапно повернулся, так что единственное, что Торби удалось увидеть, была его широкая спина.

Вернувшись, полковник Брисби уселся, посмотрел на Торби и сказал:

– Я толком даже не знаю, что с тобой делать. Но мы придумаем. – Он притронулся к тумблеру. – Эдди, пусть кто-нибудь поищет место у мастера по вооружению. – Он повернулся к Торби. – Мы все наладим,

если ты не очень придиричив. Я знаю, что вы, торговцы, живете в роскоши.

– Сэр?

– Да?

– Баслим был полковником? Вашей службы?

– М-м-м... да.

Торби задумался на несколько минут – старые воспоминания с силой нахлынули на него.

– Думаю, что у меня есть послание для вас, – медленно сказал он.

– От полковника Баслима?

– Да, сэр. Желательно, чтобы я был в легком забытьи. Но думаю, что смогу начать и так. – Торби тщательно процитировал несколько кодовых групп. – Это для вас?

Полковник Брисби снова торопливо закрыл двери. Потом он сказал со всей серьезностью:

– Никогда больше не употребляй этот код, пока не будешь совершенно уверен, что его слушает лишь тот, кому он предназначен и что помещение проверено и не прослушивается.

– Простите, сэр.

– Ничего, все в порядке. Но содержание этой шифровки жжется. Я надеюсь, что она не остыла за эти два года. – Он снова нажал клавишу переговорного устройства. – Эдди, мастер по вооружениям отменяется. Пришли ко мне офицера-психолога. Если он вне судна, найди его! – Он посмотрел на Торби. – Я по-прежнему не знаю, что с тобой делать. Я должен присмотреться к тебе.

Длинное послание было вытянуто из Торби в присутствии лишь полковника Брисби, его заместителя подполковника Станка и психолога корабля медицин-капитана Исадора Кришнамурти. Дело шло медленно; доктор Криш старался не прибегать к гипнотерапии. Торби был в таком напряжении, что невольно сопротивлялся, и Заместитель проклинал все на свете, записывая данные. Наконец психолог выпрямился и вытер лицо.

– Думаю, что это все, – устало сказал он. – Но что это?

– Забудьте все, что вы слышали, док, – посоветовал Брисби. – А еще лучше, перережьте себе горло.

– Спасибо за совет, босс.

– Давайте пропустим его еще раз, – предложил Станк. – Когда наш псих-доктор погружает его в сон, дела идут лучше. А то у него дикий акцент, как бы чего-то не спуталось.

– Чепуха. Мальчишка использует чистый язык Терры.

– О-кей, значит, дело в моих ушах. Они подвергались плохому влиянию – я слишком долго был на борту. А как быть дальше с этой историей? Я хотел бы отсеять шум.

– Док?

– Хм-м-м... Субъект очень устал. Нет ли другой возможности?

– Он будет у нас. Ладно, будите его.

Пока Торби расправлялся с несколькими литрами кофе, подносом с бутербродами и куском жареного мяса, полковник с помощником

расшифровывали тысячи слов старого Баслима, доставленные в последнем донесении Нищего. Наконец Станк откинулся на спинку стула и присвистнул:

– Можешь расслабиться, папочка. Эта штука будет жечься еще, я прикидываю, полстолетия.

– Да, – грустно ответил Брисби, – но сколько хороших ребят погибнет прежде, чем она сработает.

– Не сходи с ума. Меня поражает этот мальчик-торговец, который мотался по всей Галактике, неся в себе донесение под грифом “до прочтения сжечь”. Мне отравить его?

– Я думаю, что если кто-то притронется к этому мальчишке, полковник Баслим поднимется из могилы и придушит его. Ты знал Баслима, Станки?

– Когда мы в последний год в Академии изучали психологическое оружие, он вел у нас этот курс. Как раз перед тем, как он вступил в Корпус “Икс”. Самый блестящий ум, который я когда-либо встречал – конечно, не считая вашего, сэр, босс, папочка.

– Не напрягайся. Без сомнения, он был блистательным преподавателем – лучшим из всех. Но если бы тебе доводилось знать его раньше! Мне повезло служить под его командой. И даже теперь, когда у меня свой корабль, я часто спрашиваю себя: “Что бы сделал Баслим?” Он был лучшим из командиров, которые когда-либо стояли в ходовой рубке. А второй раз он пошел на понижение, когда уже должен был получить маршальские крылышки, но он предпочел не уходить с палубы.

Станк покачал головой:

– Мне никогда не дождаться своей уютной палубы; пока я всего лишь пишу бумажки, которые никто не читает.

– Ты не Баслим. Не будь эта работа так трудна, она бы ему не нравилась.

– Я не герой. Я всего лишь соль земли. Папочка, ты был с ним, когда шло спасение “Ханси”?

– Ты хочешь сказать, что тогда бы мне не носить нашивки? Слава богу, меня успели перевести. Там шла рукопашная. Мясорубка.

– Может быть, у тебя просто хватило ума не напрашиваться в добровольцы?

– Станки, даже ты, такой толстый и ленивый, кинулся бы в добровольцы, если бы Баслим обратился к вам.

– Я не ленивый, я деятельный. Но разреши мне вот какую загадку: чем руководствовались те, кто направлял абордажную партию?

– Старик следовал правилам, если только соглашался с ними. Он хотел уничтожать работоторговцев своими собственными руками – он ненавидел их холодной ненавистью. И когда он вернулся героем, что оставалось делать Департаменту? Подождать, пока он выйдет из госпиталя и отдавать его под суд военный? Станки, даже медные каски способны разобраться, что к чему, когда им ткнут под нос. Поэтому, ссылаясь на “уникальные обстоятельства”, они восхваляли его вдоль и поперек и определили на должность с ограниченными обязаннос-

тями. Но по мере того, как "уникальные обстоятельства" встречались все чаще, каждый командир понимал, что он не может сослаться на уставы в поисках оправдания. Ему пришлось подавать пример и впредь

– Только не для меня, – твердо сказал Станк.

– И для тебя. Поскольку ты старший офицер, придет время делать что-то неприятное, и ты будешь это делать, втягивая живот и выпячивая грудь, и твоя круглая физиономия будет красоваться в рядах героев. И тут ты ничем не поможешь. Рефлекс, который внедрил в нас Баслим не позволит тебе уклониться.

Спать они пошли уже на рассвете. Брисби собирался спать долго, но старая привычка подняла его на палубу. Он не был удивлен, увидев этого профессионального лентяя, своего заместителя, за работой.

Его уже ждали. Лейтенант из финансовой части держал бланк телеграммы, и Брисби понял, в чем дело. Прошлой ночью, когда они просидели несколько часов, разделяя сообщение Баслима на фразы, затем снова кодируя их для передачи, он решил, что прежде чем уснуть ему предстоит разрешить еще одну заботу: организовать идентификационный поиск для сына Баслима. Брисби не льстил себя надеждой, что в данных о живых жителях Гегемонии может отыскаться след затерявшегося ребенка, подобранного на Джаббуле, но если Старик гнал его через космос, значит это было то, чего он хотел, и говорить тут не о чем. Жив Баслим или мертв, но Брисби всегда чувствовал себя Младшим офицером, стоящим перед ним навтыжку. Поэтому он написал депешу и передал дежурному офицеру, что, как только Торби проснется, у него надо взять отпечатки пальцев и закодировать их. И только после этого отправился вздремнуть.

– Разве депеша еще не ушла? – спросил он, взглянув на текст депеши.

– Фотолаборатория уже закодировала отпечатки, Шкипер. Но офицер связи послал за мной, так как дело касается не только корабля.

– Ну так сам и подпиши. Неужели я должен заниматься каждой ерундой?

Казначей решил, что Старик опять не выспался.

– Плохие новости, Шкипер.

– Ладно, выкладывай их.

– Я не знаю, как это дело замаскировать. Сомневаюсь, есть ли какая-то возможность, если даже мы и придумаем благозвучную формулировку.

– Я не собираюсь ломать себе над этим голову. Придумай что-нибудь и гони депешу. Используй какой-нибудь основной код. О-О-и-что-то там-еще.

– "Срочный Спешный Командный". Не сработает, Шкипер. Корабль не может требовать идентификационного поиска для гражданского лица. Я могу дать делу номер, и вы получите ответ. Но...

– Это то, чего я хочу. Ответ.

– Да, сэр. Но скорее всего, все поступит в Центральное Счетное Бюро, и когда колеса закрутятся, карточка вылетит наружу с красной отметкой. И моя зарплата будет заморожена, пока я не возьму рас-

ходы. Таким образом нас заставляют знать законы столь же хорошо, как и считать.

– Тырываешь мое сердце. Ладно, если ты такой спящий, что боишься сам подписывать, скажи мне номер этой сверхсрочной депешки, и я подпишу ее полным именем и званием. Идет?

– Да, сэр. Но, Шкипер...

– Слушай, у меня была нелегкая ночь.

– Да, сэр. Законом мне предписано давать вам советы. Вы, конечно, не должны делать этого.

– Конечно, – мрачно согласился Брисби.

– Шкипер, представляете ли вы, во что обойдется идентификационный поиск?

– Не могу понять, почему из-за этого поднимается столько шума. Мне нужен человек, который основательно разберется в деле, для чего просто пороется в папках. Не думаю, чтобы это обошлось нам слишком дорого. Обычная любезность.

– Хотел бы и я так думать, сэр. Но вы просите провести неограниченный поиск. Так как вы не называете планету, он пойдет в Тихо-сити, где хранятся все досье на живых и на мертвых. Или вы хотите ограничиться только живыми?

Брисби задумался. Если Баслим был уверен, что корни этого мальчика кроются во внутренней цивилизации, то скорее всего семья мальчика должна быть мертва.

– Нет.

– Еще хуже. Свод досье на умерших – втрое больше, чем на живых. Итак, они проведут розыск на Тихо. Даже с помощью машин это займет некоторое время – все же двадцать миллиардов данных. Предположим, мы получим нулевой результат. Кодированный запрос пойдет во всех бюро на всех планетах, поскольку Великий Архив не в состоянии вместить все данные, а правительства некоторых планет вообще не высылают их. Таким образом, расходы будут все расти, особенно, если вы используете связь через космос; полный код всех отпечатков пальцев занимает объем в хорошую книгу. Конечно, если взять одну планету и использовать почту...

– Нет.

– Ну, тогда... Шкипер, почему бы не ввести ограничение? Скажем, тысячу кредитов, или сколько вы можете предложить, если... то есть, я хотел сказать "когда"... они подпишут ваши расходы.

– Тысячу кредитов? Смешно!

– Если я не прав, то ограничение не имеет значения. Если же я прав – а я прав – тысяча кредитов может быть только началом, и ваша шея будет в определенной безопасности.

Брисби скривился.

– Пэй, вы служите у меня не для того, чтобы говорить мне, что я не могу делать.

– Да, сэр.

– Вы здесь для того, чтобы растолковать мне, как я могу делать то, что я собираюсь делать. Поэтому идите, закопайтесь в свои грос-

обухи и изыщите, как я это могу сделать. Законным образом. Свободно

– Есть, сэр.

Брисби не приступил прямо к делам. Он был раздосадован – вот уже несколько дней они вынуждены заниматься такой непроходимой бюрократией, что корабль не может оторваться от грунта. Он мог биться об заклад, что Старик ушел в Корпус с чувством облегчения – агенты Корпуса "Икс" были чужды бюрократии; если кому-то из них надо было тратить деньги, он их тратил – десять кредитов или десять миллионов. Так и надо было действовать – подбирать стоящих людей и полностью им доверять. И никаких регулярных отчетов, рапортов, ничего – просто делать то, что необходимо делать.

Тем не менее ему поступили рапорты о загрузке топливом и информация от инженерной службы. Он отложил их, взял бланк депеш и написал на нем "К исполнению"; в ней шла информация, что неизвестный курьер, который доставил рапорт, по-прежнему находится под юрисдикцией подписавшего и, по мнению одного, соответствующим данным должны иметься в наличии, так как подписавший подтверждает факты, полученные в беседе с курьером.

Он решил сам зашифровать послание; открыв сейф, достал шифровальную книгу и сел за работу. И почти кончил ее, когда постучался Казначей. Брисби вскинул на него глаза. – Итак, вы нашли параграф

– Похоже, что так, Шкипер. Я говорил с вашим Заместителем.

– Ваяйте.

– Я исхожу из того, что у нас на борту определенное лицо.

– Только не говори мне, что не можешь занести его в списки!

– Отнюдь, Шкипер. Прокормить мы его прокормим. Вы можете держать его на борту хоть вечно, и я ничего не замечу. До тех пор, пока он не занесен в судовую роль, дела идут нормально. Но как долго вы собираетесь держать его в таком положении? Наверно, больше, чем день или два, иначе вы не затевали бы поиск.

Полковник нахмурился.

– Какое-то время это займет. Первым делом, я хочу выяснить, кто он и откуда. Если мы что-то выясним на этом пути, я, не занося его в вахтенный журнал, дам ему какую-нибудь должность. Если нет – что ж, оставлю его на корабле таким, как он есть. Слишком сложно для объяснений, Пэйз, – но необходимо.

– Ясно. Но почему бы нам не зачислить его?

– А?

– И тогда все встанет на свои места.

Брисби нахмурился.

– Понимаю. Я могу взять его с собой на законных основаниях... организовать переправку. А это даст тебе списочный номер. Но... ну предположим, ведь мы не можем предложить ему дезертировать. Да и кроме того, я не знаю, хочет ли он вообще быть зачисленным.

– Вы можете спросить у него. Сколько ему лет?

– Сомневаюсь, чтобы он сам знал. Он найденный.

– Чем дальше, тем лучше. Вы берете его на судно. Затем, после того как вы выясните, куда он должен направиться, вы обнаруживаете

ошибку в его возрасте... и исправляете ее. Это означает, что он достиг совершеннолетия, и на его родной планете он уже может получать плату.

Брисби моргнул.

– Пэй, неужели все казначеи так хитры?

– Только лучшие из них. Вам что-то не нравится, сэр?

– Нравится. Ладно, пойдем на такой обман. И я придержу эту депешу.

Пошлем ее позже.

Казначей смотрел на него с невинным видом.

– Да нет, сэр, ее вообще не надо будет посылать.

– Почему?

– Нет необходимости. Мы внесем его в список, чтобы заполнить вакансию в команде. И пошлем его данные в Бюро Личного Состава. Они проведут обычное расследование – имя, родная планета – скажем, Геката, поскольку взяли мы его там. Но к тому времени мы уже будем далеко отсюда. Они выяснят, что там он не числится. Тогда они обратятся в Бюро Безопасности, которое вышлет нам указание о запрете данному лицу нести службу на жизненно важных постах корабля. И это все, ибо может случиться, что эта бедная невинная личность вообще не была зарегистрирована. Но они не смогут смириться с таким исходом и начнут тот самый поиск, который вам нужен – сначала на Тихо, потом всюду, пуская в ход соображения секретности. И если он не разыскивается за убийство, то все пойдет привычным образом. А если они не смогут идентифицировать его, им придется поломать головы – то ли регистрировать его, то ли дать ему двадцать четыре часа, чтобы убраться из Галактики – семь против двух, что они предпочтут спустить дело на тормозах – кроме того, что кто-то на борту должен будет постоянно наблюдать за ним и сообщать все подозрительное. Но самая прелесть в том, что вся оплата пойдет за счет Бюро Безопасности.

– Пэй, вы считаете, что на этом корабле Безопасность имеет агентов, о которых я не знаю?

– Шкипер, что вы имеете виду?

– М-м-м... не знаю, но будь я шефом Безопасности, обязательно имел бы таких!

– Я бы не удивился, сэр.

– Пошел отсюда! Посмотри, проснулся ли парень? – Он нажал на клавишу. – Эдди! – Но вместо того, чтобы послать за Торби, приказал Хирургу осмотреть юношу, поскольку было бессмысленным уговаривать его вступить в команду, не будучи уверенным, что он сможет это сделать. Медики, майор Стейн и капитан Кришнамурти, явились к Брисби перед ленчем.

– Ну?

– С физической стороны возражений нет, Шкипер. Я попросил психолога поговорить с ним.

– Отлично. Кстати, сколько ему лет?

– Он не знает.

– Да, да, – нетерпеливо согласился Брисби, – но как вы думаете, сколько ему лет?

Доктор Стейн пожал плечами.

– Каков его генетический код? В какой среде он рос? Подвергался ли он мутациям, влияющим на определение возраста? Большая или малая сила тяжести была на его планете? Индекс планетарного обмена веществ? Ему может быть и десять стандартных лет, и тридцать. Я могу произвольно прикинуть его возраст, исходя из предположения, что он не подвергался существенным мутациям, и окружающая среда примерно соответствовала земной и вынести ничем не подтвержденное предположение, что ему не меньше четырнадцати стандартных лет и не больше двадцати двух.

– Можно ли предположить, что ему восемнадцать лет?

– Об этом я и говорю.

– Ладно, так и будем считать. Внести в список младшего состава.

– У него есть татуировка, которая может дать ключ, – сказал доктор Кришнамурти. – Метка раба.

– Черт бы вас побрал! – Полковник Брисби прикинул, что его решение подписать депешу в Корпус "Икс" было оправданным. – Датирована?

– Только вольная – по саргонезскому исчислению, что подтверждает его рассказ. Клеймо заводское. Без даты.

– Плохо. Ладно, поскольку медики с ним покончили, я пошлю за ним.

– Полковник!

– Да, Криш?

– Я бы не рекомендовал вам вносить его в состав команды.

– Чего ради? Он здоров так же, как мы с вами.

– Конечно. Но тут есть определенный риск.

– В чем?

– Я беседовал с ним, находящимся в легком трансе. Это было утром. Полковник, была ли у вас когда-нибудь собака?

– Нет. Во всяком случае с тех пор, как я здесь.

– Очень полезное лабораторное животное, многие ее характеристики совпадают с человеческими. Но если вы возьмете щенка и будете бить его, дразнить и унижать – он превратится в злобного хищника. Возьмите щенка из того же помета, его единокровного брата, ласкайте его, говорите с ним, укладывайте спать рядом с собой, учите его – и он станет счастливым, послушным домашним животным. Возьмите еще одного из того же помета, ласкайте его по четным дням и бейте по нечетным. Он будет настолько растерян, что не сможет существовать ни в той, ни в другой роли; он уже не может вести себя как дикое животное, и он не будет понимать, чего вы от него хотите, как от домашнего. И очень скоро он перестанет есть, спать, он не сможет контролировать свои функции, будет дрожать и бояться каждого движения.

– Х-м-м... часто ли вы, психологи, проводите такие эксперименты?

– Я никогда не проводил их. Но их описания есть в литературе... и случай с этим молодым человеком заставляет вспомнить их. В годы своего становления он пережил целый ряд травматических воздействий, последнее из которых случилось с ним лишь вчера. Он подавлен

и растерян. Как та собака, он может огрызнуться и укусить в любое время. Он не готов еще к одному стрессу; он должен находиться в условиях, где к нему можно применять психотерапию.

– Фу!

Офицер психологической службы пожал плечами.

– Прошу прощения, доктор, – продолжил полковник Брисби. – При всем уважении к вашим знаниям, я знаю об этом случае несколько больше. Последние пару лет этот парень был во вполне приличном окружении. – Брисби припомнил прощение, свидетелем которого ему довелось быть. – А до этого он находился на попечении полковника Ричарда Баслима. Вы слышали о нем?

– Я знаю, какой репутацией он пользовался.

– И если есть нечто, за что я могу ручаться судьбой своего корабля, – так это то, что полковник Баслим никогда не причинил мальчику ни малейшего зла. Он был одним из самых сильных, здоровых духом и гуманных людей, когда-либо носивших форму. Вы говорите о своих собаках; я же помню полковника Ричарда Баслима. Итак... вы по-прежнему советуете мне не зачислять его?

Психолог медлил с ответом.

– Итак? – повторил Брисби.

– Отнесись к этому спокойно, Криш, – прервал их майор Стейн, – но у меня другая точка зрения.

– Мне нужен прямой и конкретный ответ, – сказал Брисби, – после чего я смогу принять решение.

– Возможно, я мог бы изложить свое мнение следующим образом, – медленно сказал доктор Кришнамурти. – Серьезных оснований для отказа в зачислении не существует.

– Почему?

– Чувствуется, что вы хотите зачислить этого мальчика. И если он попадет в беду, я предпочту оказать ему медицинскую помощь, а не настаивать на своем мнении. Ему и так уже досталось.

Полковник Брисби хлопнул его по плечу.

– Ты хороший парень, Криш! Это все, джентльмены.

Торби провел трудную ночь. Мастер-оружейник разместил его в помещении старших офицеров и хорошо отнесся к нему, но Торби встревожила та подчеркнутая вежливость, с которой все окружающие отводили глаза от яркой униформы "Сису". Еще недавно он был горд, что имеет право носить этот мундир, а теперь с грустью понял, что каждое одяние имеет и двойное значение. Ночью, прислушиваясь к храпу и сопению вокруг себя – чужие, фраки – он мечтал вернуться обратно к Людям, где его знали и понимали.

Ворочаясь на жесткой койке, он думал, кому она могла принадлежать.

К нему приходили мысли о том, кто бы мог занять ту дыру, которую он по-прежнему называл "домом". Починили ли дверь? Сохраняются ли там та же чистота и уют, которые так любил папа? Что они сделали с протезом папы?

Засыпая, он видел перед собой и папу, и "Сису", и видения мешались

друг с другом. Наконец, когда перед ним проплыли обезглавленные Бабушка и летящий на них пират, папа прошептал:

”Больше не будет плохих снов, Торби. Больше никогда, сынок. Будут только счастливые сны”.

Он заснул мирно и счастливо, но проснулся в этом ужасном месте, наполненном болтовней фраки. Завтрак был довольно приличным, но не имеющим ничего общего с высокими стандартами ”Сису”; впрочем, может быть, он не был голоден.

После завтрака, когда ему было бесцеременно приказано переодеться, он стал постепенно ощущать свое бедственное положение. Впервые он ощутил, насколько небрежно медики могут обращаться с человеческой плотью – он терпеть не мог, когда его тыкают и мнут.

И когда Командующий послал за Торби, тот уже не испытывал радости при мысли, что увидит человека, который знал папу. В этой комнате он в последний раз пожелал Отцу удачи, и воспоминания причиняли ему боль.

Торби бесстрастно слушал, что ему объяснял Брисби. Немного сбиравшись в себя, когда понял, что ему будет присвоен статус – не очень высокий, догадался он. Но тем не менее. У фраки тоже существовало это понятие, но ему не приходило в голову, что оно может иметь значение еще для кого-то, кроме самих фраки.

– Вообще-то он тебе не полагается, – заключил полковник Брисби – но так будет проще сделать то, чего полковник Баслим хотел от меня: есть найти твою семью. И ты будешь доволен, не так ли?

Торби едва не выпалил, что он знает, где его Семья. Но он знал, чем вел речь полковник: о его собственном клане, существовании которого он никогда не мог себе представить. Неужели у него в самом деле где-то есть кровные родственники?

– Надеюсь, – медленно ответил он. – Не знаю.

– М-м-м... – Полковник Брисби попытался представить себе, какое быть в роли картины, к которой никак не удастся подобрать рамку. Полковник Баслим очень хотел, чтобы я нашел твою семью. И мне будет легче заняться этим, если ты будешь одним из нас. Ясно? Стражники третьего класса, тридцать кредитов в месяц, еды вдоволь, а спасение гарантировано. И слава. В общем, немного.

Торби поднял глаза.

– Это та же Сем... та служба, где был мой папа... вы называете его полковник Баслим? Так ли это?

– Да. Ему было больше лет, чем тебе, но он служил именно здесь. Я вижу, ты начал произносить слово ”семья”. И мы считаем службу одной большой семьей. Полковник Баслим был одним из самых уважаемых ее членов.

– Тогда я хочу вступить в ее ряды.

– Быть зачисленным.

– Да, сэр.

Окончание следует

МОСКВА. ОСЕНЬ. УТРО

*В городе старом в любом переулке
Утром развозят горячие булки,
В пластмассовых кельях
бутылки с кефиром
И красные кружья голландского сыра.*

*А в трюм магазина в коробках картонных
Съезжают ботинки и тканей рулоны.
...И шорох метлы по желтеющим, старым,
В раме решеток осенним бульварам,*

*В кольце – бесконечном,
В кольце – безначальном.
Там каждая встреча,
Быть может, прощанье...*

*Но, утро встречая, качаются ветки,
И в старых квартирах болтают соседки.
И в кожаных сумках с большими ремнями
(Из каждой газеты – торчат веерами)
Письма разносят и бандероли,
Где в клаксах сургучных*

*до скрипа, до боли
Круглой печаткою выжато что-то...
И в узкие щели без счета, без счета
Открытки бросают, швыряют газеты.
И очень обыденным кажется это...*

*Но новое что-то в каждом окне
За занавесками видится мне,
И в еще редких и сонных прохожих,
В московских дворах, на себя не похожих,
И в листьях летящих, и в заспанных людях,
И в том, что здесь будет, и в том,
что не будет...*

БРЕЙГЕЛЬ

*До Рождества осталось мало дней.
Охотники бредут домой с охоты.
И на деревьях галки. И без счета
По льду скользит и падает людей.*

*А кто-то через мост вязанку тянет,
И птицы ищут проруби во льду,*

ПРОБА ПЕРА

Таня СМОЛЯРОВА,
15 лет
Москва

НА ДАЧНЫХ ПЕРРОНАХ

И поезд пошел чуть быстрее, чем прежде.
Деревья стояли в пушистой одежде,
А поле под небом, как в синем прогали.

Четко очерчены снегом заборы,
На дачных перронах пустынно и тихо.
Станция. Надпись под снегом "раздоры",
Следующей станцией будет "Барвиха".

Нам выходить, больше нет никого,
Ворон сидит на вокзальной табличке...
Снег и деревья – только всего,
И голос ненужной, пустой электрички...

ВИНОГРАДИНА

Под кожей тонкою и ниточками жил,
В тумане сладковатом и прохладном,
Как капля дерева, что кто-то обронил,
Застыла косточка в овале виноградном.
Ее я вижу смутно в массе сока,
Остановившего течение свое.
Ей там, наверно, очень одиноко.
И сладкий мир не сладок для нее.
А виноград о ней забыл. И в гроздьях,
И между губ, и в сладостном вине,
Он легок, весел, мил и несерьезен,
И не бывал с собой наедине...

ЛИСТЬЯМ

Вьется над трубою первый дым...
Ты куда, кленовый пилигрим?

Осень пахнет отсыревшей глиной.
Ты куда же, пилигрим рябинный?

Осень дует холодно, бесстрастно
В желтый лист, расшитый ниткой красной.

Нету вам пристанища в дороге,
Только вы, я знаю, не убоги.

Вы свое достоинство храните.
Вы ведь не идете, а летите!

О ПРОВИНЦИАЛЬНЫХ ВОКЗАЛАХ

У вокзалов есть
особый запах.

Запах старых буфетов
И картонных билетов,
Запах пыли и гари,
Запах были и стари,
Запах кожаных сумок,
Запах дум или думок,
И перчаток забытых,
И детей неумытых.

Запах заспанных рук –
Перебивчатый стук –
В тусклый свет фонарей –
Меж вагонных дверей –
Увезет за собой –
В мир почти что родной –
К неизвестным вокзалам –
По разошедшимся шпалам.

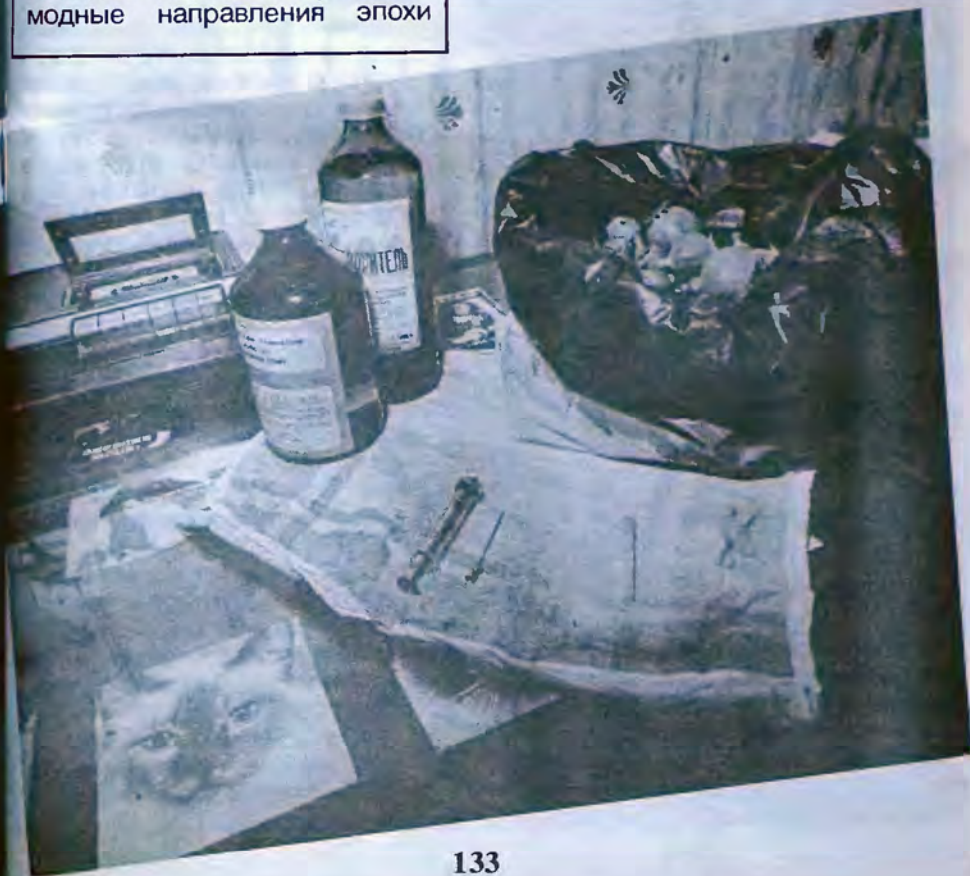
**наркомания
без сенсаций**

Сейчас у журналистов в ходу такой анекдот. Один художник (режиссер, сценарист), сделавший себе имя на модных нынче, а когда-то запретных темах, дает совет начинающему:

– Хочешь, чтобы тебя заметили, включи в свою картину (киноленту, пьесу) такой сюжет – под портретом Сталина сидит голая девица и курит марихуану.

Действительно, разоблачение преступлений сталинщины, секс, проституция и наркомания – до сих пор самые модные направления эпохи

гласности. Я вспоминаю, как начинался прорыв журналистов к запретным темам. Итак, конец 1986 – начало 1987 годов... Именно тогда появились репортажи, статьи, корреспонденции о наркомании и проституции. Журналисты приводили обывателей в шок леденящими душу историями из жизни нашего дна. Это было так неожиданно для читателя, привыкшего, что эти явления и социализм несовместимы. А оказывается, у нас все как у

людей! Но, помню, долго держалась одна установка – рассказывать уже можно, но ни в коем случае нельзя говорить, что для этих пороков у нас есть социальные условия. Вроде как в семье не без урода, но сама семья совершенно здорова.

И как трудно на эти темы писать сейчас, когда, казалось бы, уже все давным-давно

описано. В том числе и эти самые социальные условия, и то, что наркобизнес с проституцией – составные и неотъемлемые части нашей организованной преступности.

Что можно сказать нового о наркомании (а именно об этом явлении пойдет наш сегодняшний разговор) сейчас? Новое, наверное, ничего. Но правоохранительные органы по-прежнему считают, что проблема весьма актуальна, обнаруживать мало – надо решать, а мы с этим традиционно запаздываем.

Итак, проблема распространения наркомании в нашей стране по-прежнему стоит очень остро. Немного статистики. Число потребителей наркотиков не сокращается. На сегодняшний день, по данным МВД СССР, на учете в органах внутренних дел состоит свыше 130 тысяч (а неофициальные данные свидетельствуют, что эта цифра в десятки раз больше) таких лиц, причем больше половины из них признаны хроническими наркоманами. Более 25 тысяч человек (в основном несовершеннолетние) отравляют себя сильнодействующими лекарственными препаратами, треть из их числа – законченные токсикоманы. Только за три месяца нынешнего года органами милиции разоблачено более 150 преступных групп, которые занимались сбытом наркотиков.

– Значит, самое актуальное для нашей страны сейчас – это борьба с набирающим силу и

мощь наркобизнесом? – С таким вопросом я обратилась к заместителю начальника Главного управления уголовного розыска МВД СССР полковнику милиции Александру Николаевичу Сергееву.

– Вы правы. В борьбе с наркобизнесом одним из наиболее важных направлений на сегодняшний день для органов внутренних дел, госбезопасности и таможни становится деятельность по предотвращению и пресечению контрабанды наркотиков в нашу страну. Большая часть изымаемых таможней наркотиков выявляется на транзите. Но вместе с тем в последние годы все чаще отмечаются факты проникновения к нам одурманивающих средств из-за рубежа. Так, систематически выявляются факты поступления наркотиков из КНДР в Дальневосточный регион СССР. Только в прошлом году у рабочих КНДР, прибывших по международному соглашению для участия в лесоразработках, конфисковано более восьми килограммов опия. Вызывает тревогу распространение контрабандного опия-сырца в Узбекистане, Таджикистане и Туркмении, который поступает из Афганистана.

Хотя количество случаев контрабанды наркотиков, зарегистрированных официально, относительно невелико (эти наркотические средства составляют в незаконном обороте пока не более одного процента), проблема их распростра-

нения рассматривается МВД СССР как очень острая. Ведь при развитии соответствующих условий (расширение внешне-торговой деятельности и функционирования смешанных предприятий, упрощение порядка выезда и въезда, создание свободных экономических зон и т.д.) – она может стать взрывоопасной.

Стремительное развитие

контактов с зарубежными странами, увеличение притока иностранцев, расширение грузооборота и транзитных межгосударственных перевозок грузов не исключают и возможность развития негативных тенденций, в том числе распространение наркотиков. Именно поэтому наша страна полностью поддерживает международное сообщество в борьбе с распространением наркомании. Сегодня становится очевидным, что только объединение усилий всех стран в решении этого вопроса может принести успех.

В связи с расширением международных контактов Советского Союза в последнее время встал вопрос и о налаживании взаимодействия с полицейскими органами зарубежных государств — нужно сообща бороться с преступным миром, имеющим тенденцию к опережению в развитии всех других форм транснационального обмена.

Начиная с 1987 года, после первых совместных со спецподразделениями некоторых стран операций по пресечению незаконных действий с наркотическими средствами, МВД СССР активно развивает международное сотрудничество в этой области. Работа в основном ведется по трем направлениям: установление межправительственных соглашений (меморандумов); непосредственные межведомственные контакты с полицейскими органами других стран; участие в работе

международных организаций, занимающихся вопросами борьбы с незаконным оборотом наркотических средств и злоупотреблением ими.

Так, с февраля 1988 года в настоящий момент заключено шесть межправительственных соглашений: с Великобританией, США, ФРГ, Францией, Канадой, Италией. В них предусмотрены следующие формы сотрудничества: обмен информацией о состоянии борьбы с злоупотреблением наркотиками, способах изготовления и распространения наркотических средств, о лицах, подозреваемых в незаконных действиях с наркотиками, методы выявления изготовителей и сбытчиков наркотиков и пресечение их противоправной деятельности. Ну и, конечно, обмен подлинными образцами наркотиков и методами их исследования, специальной литературой.

— В настоящее время, — подчеркнул Александр Николаевич, — совместно с МИД СССР проводится подготовительная работа по установлению подобных связей с Испанией, Афганистаном, КНР, КНДР, Вьетнамом, Индией. Имеются предложения о заключении соглашений о сотрудничестве в борьбе с наркотиками от Нидерландов, Таиланда, Сингапура, Мексики, Боливии.

Но, кроме транснациональных связей, крепнут межрегиональные связи в нашей стране. Так, в Москву

Средней Азии и кавказских республик завозят гашиш, опий. С Украины и Прибалтики везут кокаин. Более половины уголовных дел, возбужденных в прошлом году, связано с изготовлением наркотиков синтетическим путем. Для сравнения: в 1986 году таких дел было только три процента. Отсюда вывод, подтвержденный сотрудниками Московского уголовного розыска, — наркомания в столице стала отходить от своих "классических" образцов, больше стало "самодельных" наркотиков, на которых в основном и специализируются несовершеннолетние, втянутые в эту пучину.

Данные последних лет свидетельствуют, что наркоманы резко "помолодели". Среди них все больше становится учащихся школ, ПТУ, студентов. К сожалению, этому способствует недифференцированное определение наркоманов на лечение. Содержатся все вместе: и сложившиеся преступники, имеющие в своем "активе" еще и этот диагноз, и совсем начинающие любители дурмана, которые ступили на смертельный путь случайно — из-за глупости, любопытства, за компанию. Как правило, влияние взрослых, "многоопытных" наркоманов на их сломанную психику огромно. Сотрудники отделов по борьбе с наркоманией неоднократно обращались в Минздрав СССР с предложением о создании единого центра, где будут заниматься дифференциро-

ванным лечением наркоманов, но положительного ответа пока нет.

Вот каковы некоторые проблемы нынешней наркомании — наркомании без сенсаций. Но наш рассказ будет неполным, если не познакомить с некоторыми конкретными судьбами, изломанными наркотиками — и классическими, и "самодельными".

...Вместе с работниками МУРа я неоднократно выезжала по сигналам от населения по тем адресам, где собираются любители зелья. Попасть внутрь таких притонов бывает непросто. В кухне огромной коммунальной квартиры, куда нас пригласили соседи, мы продежурили ночью несколько часов. Дверь в комнату, где собралась большая компания, и, судя по "ароматам", "варили" сильнейший наркотик, хозяин так и не открыл. Зато другая операция увенчалась успехом — всю компанию забрали. И уже когда оперативники собирались уходить из этой кошмарной, похожей на декорацию к фильму ужасов квартиры, из какой-то комнатухи появилась бледненькая девочка, как потом выяснилось, 12-летняя. Она затравленно смотрела вокруг, потом, делая над собой огромное усилие, произнесла: "Дайте мне немного наркотика, мне очень плохо. Я понимаю, даром вы можете не дать — я разденусь, мало этого — я готова на все". Девочка задрала грязную юбочку, под которой ничего не

было, и, обращаясь к тому, кто стоял ближе, спросила: "Вы так будете или мне лечь?"

Пожалуй, это была самая жуткая сцена, которую мне приходилось видеть в притонах наркоманов. И даже профессионально сдержанные сыщики (у многих из них дома были дети такого же возраста) были настолько возмущены, что стали допускать непарламентские выражения: "Эти негодяи накачивали ее наркотиками, а потом глумились над ней. Вот для чего порой девочек вовлекают в притоны наркоманов". Они становятся безвольными, зависящими только от очередной порции дурмана, и вот тогда-то их используют как живой товар, причем по дешевке. Извлекать из этого болота нужно мгновенно, иначе человек уже потерян.

...Я смотрела в глаза девочки пионерского возраста, а казалось, что вижу глаза умирающей старухи – в них была темная бездна.

А вот сценка из жизни людей, связавших себя наркотиками давно. На гашиш, который они употребляли, цены постоянно растут. И банде нужно их все больше и больше. Надо сказать, что не все члены банды, осужденные сейчас, наркоманы. Но в кошмарной сцене, о которой расскажу ниже, участвовали в основном любители гашиша.

...Банда некоего Д. Баймурзаева (всем ее участникам было немногим более 20 лет) наконец-то нашла себе жертву с де-

ньгами. Житель Кутаиси, спелый и сбитый наркотиками, был вызван в Москву под предлогом, что, мол, для него подобрали видеоаппаратуру. Когда бандиты выяснили, что денег "клиента" нет, они заманили его на подмосковную дачу и там застрелили. Потом преступники, поняв, что жертву можно опознать, решили ее расчленивать и по частям выбросить. Предварительно покурили наркотиков. То, что происходило дальше, иначе как кошмаром не назовешь. Хохот наркомана даже заглушал визг ножовки, перепиливавшей кости. Баймурзаев отпускал омерзительные "шуточки", поднимал волосы отчлененную голову, удивлялся, что из нее может вытечь столько крови. Прежде чем пакеты с чудовищным грузом разбросать по Московской области, покурили для храбрости еще наркотика.

... Вот всего лишь несколько штрихов из жизни погубленных наркотиками людей, все лишь несколько проблем о наркомании без сенсаций. С моей точки зрения, они свидетельствуют: привыкнув к этой темноте (да и к другим, когда-то сенсационным), мы впали в другую крайность – продолжаем демонстрировать свои язвы вместо того чтобы лечить. А болезнь уже зашла весьма далеко.

Лариса КИСЛИНСКАЯ
Фото Игоря ГАВРИЛОВА

ПРОБЛЕМА ИЗ КОНВЕРТА

А Я ЛЮБЛЮ КАРТЫ!..

Пишу это письмо и в то же время сомневаюсь в его целесообразности. В самом деле, зачем журналу выслушивать излияния какого-то постороннего субъекта о непреходящем значении и привлекательности карточной игры?

В союзники могу взять громадное количество литературных произведений, начиная со средневековья. Карты можно с полным основанием назвать гениальной выдумкой человечества. Небольшая колода в 32, 36 или 54 карты, а сколько наслаждения, азарта, душевных переживаний! Даже шахматы уступают в многовариантности ходов и комбинаций прекрасным дамам, унылым семеркам и безликим, но от этого еще более уважаемым тузам. Если классик называл шахматы гимнастикой ума, то карточная игра — кроме того еще и гимнастика характера, тренировка интуиции.

Взглянем на проблему в государственном масштабе.

Практически во всех цивилизованных странах мира существует игорная индустрия: казино и игорные дома, в которых обязательно есть карточные залы. Люди давно поняли, что бороться с картами бесполезно и глупо, стало быть, игорную страсть следует обратить на пользу государственной казне. Лишь в нашей стране этого нет, азартные игры запрещены всюду, кроме немногочисленных казино в валютных гостиницах.

Поймите же, наконец, что карты — это не игра в "наперсток", а сложное социально-психологическое явление! Для меня игра в карты — прежде всего удовольствие. Прошу учесть, что играю я в основном на деньги. Фи, скажете Вы, как грубо! Этот нагловатый и поучающий молодой человек, прикидывающийся простаком, вопящим о своей пламенной любви к картам, на самом деле пошло поклоняется "золотому тельцу". Но это не так. Просто карты без азарта многое теряют, а деньги — подлинный эквивалент

азарта. Игра в карты не на деньги – это то же самое, что брак без любви. Вроде бы все есть, но чего-то не хватает.

К игрокам у нас отношение пренебрежительное: карты ассоциируются с чем-то разнузданным, неуправляемым, блатными песнями в подъезде, дешевым портвейном... Это лишний раз говорит о том, что советским людям не хватает общей культуры, цивилизованного взгляда на вещи. Смешно сказать: на Западе проводят мировые чемпионаты по бриджу (родился в России и назывался бирич), а у нас эта игра лишь недавно вышла из подполья.

Разумеется, карточная игра в некотором роде спорт. Но я люблю ее за то, что ты сам выбираешь себе партнеров. Заметьте, не соперников, а именно партнеров. Поэтому я призываю: играйте в карты с приятными вам людьми, им и деньги отдавать не так жалко, и долги получать легче. У меня, например, как и у многих уважающих себя картежников, есть свои компании и просто друзья, с которыми я играю. Ни в коем случае не следует связываться в игру с незнакомыми людьми, особенно в поездах, на вокзалах и т. п. Можно нарваться на шулеров.

Карты приучают не рас-

слабляться, постоянно контролировать ход событий. В такой игре, как покер, умение держать себя в руках и мастерского мастерства требуется куда больше, чем в некоторых сферах искусства. Если хотите, карты, как, впрочем и некоторые другие игры, это неплохая модель поведения человека в окружающем мире. Сразу виден его характер: решителен он или осторожен, ломается он при неудаче или при любом раскладе борется до конца.

Очень многое мы делаем автоматически: общаемся с близкими, учимся, работаем. Наша деятельность зачастую слишком предсказуема и поэтому способность и склонность к самовыражению деградирует. Карты дают возможность каждому действовать в нестандартной ситуации, искать свой неординарный путь, ведущий к выигрышу. Перед каждым ходом возникает несколько вариантов, и лишь сам игрок делает выбор.

А какие сильные и острые ощущения он испытывает, когда игра идет по нарастающей, а у партнеров на руках внушительная карта? В таких случаях все решает мастерство, умение сыграть неожиданно и вынудить соперника ошибиться. Известно, что очень хороший игрок

(особенно если он играет в преферанс, бридж, покер и т. п.) почти всегда умен, неординарно мыслит, хорошо разбирается в психологических коллизиях. Он видит на несколько ходов вперед, а это ценно во всякой области человеческой деятельности.

Итак, играйте в карты, друзья! Это занятие при разумном подходе принесет только пользу. Учитесь владеть собой, анализировать свои ошибки и неточности, предугадывать ход мысли соперника. Пускай карты помогут вам разобраться во взаимоотношениях людей, а порой – поддержат материально. Не огорчайтесь при неудачах и всегда помните русскую пословицу: "Не за то отец сына бил, что играл, а за то, что отыгрывался". Пусть карты станут для вас не патологической страстью, обуравшей всегда и всюду, а добрыми приятелями, к которым вы обращаетесь время от времени, не злоупотребляя их покладистым характером. Играйте в карты! Но не относитесь к ним слишком серьезно...

Впрочем, быть может, я не прав. Тогда докажите обратное!

Михаил Г., 18 лет.

ДОЖДЬ НА ОСТРОВЕ РАДОСТИ, ИЛИ ВСЕ ДО ФЕНИ

Светского трепана он не переносит. Стоит живому потоку разговора свернуть в традиционную заводь с названием "говорить о том, о чем говорить принято" – он сразу же отключается, "отлетает" куда-то. И ему наплевать, что такая "отключка" в компании выглядит странно.

Вот и сейчас я сказал какую-то банальность просто так – чтобы заполнить паузу. И он сразу же "отлетел". Взгляд его отрешен и вместе с тем сконцентрирован на овальной капле дождя скачками передвигающейся по запотевшему стеклу утренней электрички, которая несет нас в направлении Острова Радости – ветхой дачи в пятидесяти километрах от Москвы, снятой им по дешёвке у семьи алкоголиков.

Он – это Андрей, мой старый друг. Мы учились в одном классе. После десятого подали заявления в один вуз. И сейчас были бы вместе на первом курсе, если бы перед последним вступительным экзаменом с ним не случилось нечто фантастическое. Ему вдруг стало скучно!

"Ты с ума сошел, — говорили ему все, — так прекрасно сдать: до проходного осталось набрать три балла!" Но он только улыбался.

Помню, как долго я убеждал его не делать этой глупости. А Лариса, его пассия, даже называла его "беглецом". Но все было бесполезно.

— Бегство? При чем здесь бегство? — недоумевал он. — Я ухожу осознанно... А что касается "беглецов", то слово это больше подходит вам. Это вы бежите — от самих себя. И, чтобы как-то самооправдаться, кучкуетесь в группы и группки — с такими же, как вы, беглецами. А я наоборот — я остаюсь. Самим собой...

И он укатил в Прибалтику — пить коктейли и слушать Баха.

— Билетики приготовьте, пожалуйста! — из-за спины вдруг появляется что-то злое-черное. Причем так неожиданно, что кажется, контролер вынырнул прямо из-под сидения.

Андрей, сброшенный со своего поднебесья, неуклюже падает на грешную землю и начинает судорожно рыться в карманах своих выдавших виды джинсов. В пасмурном взгляде, зависшем над нашими головами, замечается какое-то

просветление. По мере того как Андрей вытряхивает из своих недр спички, записки телефонными номерами и блокноты, испещренные собственными творениями, глаза под черным козырьком все более и более наполняются жизнью. Но, когда после глубокого вдоха рот начинает открываться, дабы изречь привычно-многозначительное: "Та-а-ак...", Андрей ловко вытаскивает билеты из нагрудного кармана.

Взгляд контролера тускнеет. И когда его карманная гильотинка прокалывает наизусть билеты, выражение его лица таково, будто вместе с ними продырявляется и сама надежда...

— Ну, как тебе? — спрашивает Андрей, глядя вслед контролеру. — Людям нужно дарить счастье — хотя бы секундное...

— Дарить секундное счастье и сажать столетние деревья — в той же манере отзываюсь я.

— О да! — подхватывает он театрально.

— И поливать их из лейки, ходить в больших рукавицах, подбирать с газонов окурки обертки от мороженого...

— Начало-ось, — тянет он поворачивается к окну.

— Да нет, мне просто достаточно лишний раз вспомнить, что мой друг настолько

бескорыстен и прост, что решил посвятить свою жизнь славному делу озеленения.

— Я же тебе сто раз повторял, — в голосе Андрея прорезаются нотки раздражения, — бескорыстие тут ни при чём. Просто я сел и считал, сколько дает мне ваш институт ("ваш" — его любимое местоимение: "ваш институт", "ваш комсомол", "ваши навороты") — и сколько я за это время могу получить самостоятельно...

Он умолкает. Особо распространяться о своих жизненных принципах Андрей не любит — в отличие от многих парней, которые в этом возрасте начинают прямо-таки извергать фонтаны собственных доктрин и концепций, пытаясь тем самым прикрыть свою неуверенность: время-то как-никак пришло, и идти куда-то надо. А если не знаешь куда, что еще остается, как не имитация ханды — бег на месте с высоким подниманием бедра...

У Андрея все иначе. Программа, которую он для себя определил, внешне проста. Первое — ни от кого не зависеть, делать все своими руками. Второе — радоваться жизни в ее самых разных проявлениях — природе, музыке, любви, литературе и т.д. И третий пункт... точнее всего

его было бы сформулировать так: "Шли бы вы подальше со всей этой суетой — с вашими дурацкими сессиями, "хвостами", шпаргалками, субботниками, комсомольскими собраниями и постоянными дурами о "стипухе"!"

...Капли дождя теперь не останавливаются в раздумье после каждого очередного шажка, а быстро скатываются по стеклу, уступая дорогу новым. Не до раздумий — ливень!

Я, не без содрогания, представляю, как мы сейчас выйдем из электрички и еще добрых четверть часа будем топтать по лужам и ухабам до его дачи. А потом (он непременно изъявит такое желание) — колоть дрова под дождем!

Но зато потом, ближе к вечеру, появятся Лариса и Юлия — и труд наш будет по достоинству оценен, и наши мокрые насквозь рубашки взметнутся к потолку как флаги дровосецкой доблести. Потом мы будем слушать музыку — всех стилей, всех времен и народов: от Генделя до Гребениčkова. И, рассевшись у полуразрушенного камина, будем смотреть на ритуальный танец рыжих углей и говорить, говорить обо всем, что придет нам в голову — о чем говорить не принято, но так хочется...

В понедельник с утра опять идет дождь.

— Отменяю понедельник! — говорит Андрей. — Сегодняшний день я объявляю воскресеньем. Сейчас мы идем к телефонной будке, вы звоните своим предкам, деканам, кому хотите — и вешаете какую-нибудь лапшу. А потом мы возвращаемся, и праздник продолжается...

Мы не отвечаем. Но в том, как я щелкаю кейсом, как деловито накладывают макияж Лариса и Юля, он угадывает предательство. Он чувствует, что мысленно мы уже где-то там, в "своих любимых мозгосушильнях"

По воскресеньям в этом дощатом домике на пятидесятом километре мне бывает

хорошо как нигде. Но каждый раз в понедельник я предаю его — какая-то сила гонит меня в ту сторону, где нервно гудят утренние электрички.

Появляться здесь можно лишь изредка: иначе Остров Радости потеряет свое очарование. Наверное, так же думают и Лариса с Юлей, которые, прячась под одним зонтом, идут за мной по размокнувшей дачной дорожке.

На повороте я оглядываюсь. Дощатый домик уже совсем не виден за пеленой тумана. Жаль, что Андрей остался. Хотя уговаривать его бесполезно — ему все до фени, он не любит ходить на работу по понедельникам... Он всегда остается. У него — воскресенье.

Г.Т.

ОТ РЕДАКЦИИ:

Наше будущее зависит не только от соотношения тех, кто "за" перемены и "против". Очень много и тех, кто пока "воздержался". За кем пойдут они?

Люди эти, как правило, не нарушают законов. Они работают. Правда, не там, где могли бы, и не так, как способны. Работа нужна им лишь для того, чтобы не иметь дела с милицией и не умереть с голоду, а иногда (как в случае с Андреем) и для того, чтобы наслаждаться искусством.

Однако все они — как бы высоки ни были их духовные запросы — всего лишь "наблюдатели". За жизнью они наблюдают с обочины — так дети, играющие у путей, провожают глазами несущиеся мимо поезда.

Имеет ли право молодой, полный сил человек на такую позицию сегодня — в наше тревожное время?.. А, с другой стороны — имеем ли право мы осуждать его? Ведь каждый делает выбор сам.

А что по этому поводу думаете вы? Наверняка "стоящие у обочины" есть и среди ваших знакомых. А, может, кто-то из вас и сам "провождает идущие мимо поезда"?

О, СПОРТ, ТЫ – ВЫЗОВ!..

Андрей БАТАШЕВ

ДВОЕ ПРОТИВ СУДЬБЫ

*Два разных спортсмена – один пловец,
другой велогонщик, два разных человека
и в чем-то все-таки очень похожих.
Общее, пожалуй, в их пути к успеху,
который заставляет задуматься
об извечном и сложном взаимодействии
собственной воли и власти судьбы.*

Обе Димины бабушки носили чемпионские звания: одна была победительницей первенства СССР по прыжкам в воду – еще в предвоенные годы, другая – чемпионкой Краснодарского края по стрельбе из малокалиберной винтовки. Мать занималась легкой атлетикой и плаванием, отец увлекался гимнастикой и подводным плаванием... Можно сказать, Дмитрий Волков генетически запрограммирован на спортивный успех.

Плывать он начал в три года. У него был пример для подражания – старший брат Максим, который всегда и во всем был первым; стал чемпионом мира среди юниоров, – и Дмитрий стремился не отстать от него. В 11 лет поступил в спортивный интернат...

В начале этого года стал обладателем Кубка мира по плаванию. И еще неожиданно для всех и для себя самого – установил мировой рекорд на дистанции 50 метров баттерфляем.

Говорил, что чувствует себя счастливым:

– Видно, судьба заботится обо мне...

Заботится? На мой взгляд, она без конца подбрасывала Дмитрию такие испытания, которые, казалось бы, и не одолеть.

Скажем, из интерната в свое время он был отчислен как "абсолютно бесперспективный", хотя контрольные нормативы выполнял не хуже других. Может, именно тогда судьба в первый раз решила испытать на Волкове свою "тренировочную методику"?

Другой бы скис, а он принял вызов – продолжал свои занятия и через год встретился с тренером Николаем Панкиным, знаменитым в прошлом пловцом.

– Это невероятная удача, когда учитель появляется на твоём пути именно в тот момент, когда более всего необходим.

– Лучшего наставника судьба не могла мне послать, – говорит Дмитрий, снова хваля судьбу. Но разве состоялась бы эта встреча, если бы не его упорство?

Через полтора года под руководством Панкина Волков достиг таких результатов, которые открыли ему дорогу в сборную СССР. Правда, с тренером пришлось расстаться: к сборной СССР Панкин не имел отношения, и наставником Волкова стал Борис Зенов, известный специалист, подготовивший многих чемпионов.

– В профессиональном отношении Зенов выше всяких похвал, – рассказывал Дмитрий. – Но меня не устраивало то, как он относится к людям вообще и ко мне, в частности. Я не переношу грубости, которую почему-то выдают за требовательность, и не могу в таких случаях молчать.

Когда возник первый конфликт между тренером и учеником, Волков был уже чемпионом и рекордсменом страны на дистанции 100 метров брассом. И, несмотря на это, Зенов выгнал его из своей бригады – не стерпел “строптивости”.

Но Дмитрий не бросил тренировок. Стал тренироваться в одиночку, не щадя себя: проплывал по 100 километров в неделю!

Через два месяца Зенов вернул

Волкова. И в том же году он выиграл Кубок Европы. А затем шел от успеха к успеху, побеждал во всевозможных и международных соревнованиях, устанавливая рекорды СССР и Европы...

А в 1985 году троекратного чемпиона страны и рекордсмена Волкова отчислили, к недоумению всех болельщиков, из сборной СССР “за аморальное поведение”. Так руководители команды расценили его критику в адрес наставника и желание с ним расстаться.

И это еще не все. Даже любимые писатели-фантасты Бредбери, Саймак и Шекли не смогли подготовить Дмитрия к невероятности поджидающих его ситуаций. В бассейне, где он тренировался всю жизнь, его вдруг перестали узнавать. А люди, которых привык считать своими друзьями, совершенно серьезно спрашивали: “А ты кто такой?” (Вообразишь ли подобное?) И требовали, чтобы он немедленно покинул воду...

– Но в конце года, – вспоминает Дмитрий, – судьба мне улыбнулась: во-первых, сменилось руководство главной команды, а во-вторых, тренер ЦСКА Владимир Станиславович Радомский пригласил меня к себе. И сейчас для меня нет в спорте более уважаемого, близкого человека... Самое главное для пловца – психологическая настройка. Такие тренеры, как Панкин и Радомский, словно бы обладают точным камертоном, по которому ты внутренне настраиваешься, собираешь силы, используя, разумеется, и собственные приемы.

Мне помогают упражнения и медитации. Особенно, если зани-

Фото Артура СКУРАТОВА

маешься на берегу моря или океана. Волны, которые одна за другой накатываются на берег, ассоциируются в твоём сознании с приливами и отливами энергии... И потом наступает момент, когда чувствуешь, что начинаешь и в самом деле аккумулировать энергию этих волн. Море – потрясающий источник энергии, к которому надо уметь подключаться.

Когда-то прыгунья в длину Галина Чистякова рассказывала мне, что в детстве тренеры учили ее наблюдать, как прыгает кузнечик, как скачет лягушка. Слушая ее, я подумал, что скопировать их движения невозможно. Но тогда, может быть, стоит войти в образ такого идеального прыгуна, чтобы с помощью артистического чувства постичь тайну его движений?

– А ты не пробовала сказать себе: "Я – кузнечик?" – спросил я Галину.

– Нет, – ответила она. – Я представляю другое. Говорю себе: "Я – кошка"...

Я рассказал об этом Дмитрию в надежде, что он "заведется". И он не обманул моих ожиданий:

– Я влюблен в море, и мне нравится представлять, как я, словно рыба-молот или дельфин, плыву в глубине. Смотрю на мир глазами дельфина и на огромной скорости проношусь над морским дном...

Накануне сеульской олимпиады Дмитрий Волков был одним из главных претендентов на олимпийское "золото". Но занял лишь третье место. Впрочем, вряд ли здесь уместно слово "лишь". Лучше сказать: он стал призером, несмотря ни на что.

За два месяца до Игр случилось несчастье. Выходя из бас-

сейна, Дима закрыл дверь, и вдруг из нее вылетело тяжеленное стекло и упало ему на правую кисть.

– Боли я не почувствовал. Только стыд за то, что учинил такой грохот. И жуткий страх: что с рукой? Пальцы не шевелились, лишь дергались перебитые сухожилия... Захватило ощущение горя: все, Олимпиаде привет! И спорту, очевидно, тоже...

А после операции и почти полтора месяцев лечения он все-таки снова начал тренировки... Правая кисть опухла, пальцы не сгибались. После первых ста метров их начинало сводить: они расходились, пропуская воду. А до Игр оставалось три с половиной недели...

В Сеуле он выступал на своей любимой дистанции – 100 метров брассом. Первые 50 метров проплыл за 28,12. Американец Стивен Лундквист, завоевавший звание чемпиона Игр в Лос-Анджелесе и установивший там мировой рекорд, проплыл этот отрезок за 28,86.

– Я решил выложиться с самого начала, – рассказывал Дмитрий. – Но из-за невероятного волнения это произошло быстрее, чем следовало. Я всегда знаю, когда будет финиш. Если очень устал – он близко. И в этом заплыве я почувствовал: сейчас все должно кончиться. Других подсказок, кроме этого внутреннего ощущения, у пловца нет. Ни цвета, ни звуки уже не проникают в твоё сознание. Бортник можно увидеть только тогда, когда до него остаются считанные метры. Пытаюсь вглядеться в него и ничего не вижу. Где же он? Краем глаза замечаю, что проплываю мимо отметки "75

метров. Значит, впереди еще четверть дистанции – 25 метров!.. А сил уже не осталось. По инерции, бессознательно продолжая работать руками и ногами, в голове неизвестно что... Одно желание – доплыть и умереть. Никогда, ни до, ни после этого, я так не уставал. Не помню, как плыл, как коснулся бортика, как поворачивался... Потом я все это видел в записи. После 99 метров я еще был лидером... Сознание вернулось, когда я пытался настроить глаза на табло. На вот изображение сфокусировалось. Я отыскал свою фамилию, результат, узнал, что я третий...

Но разве выигранная им бронза не стоит золота?

В одном из рассказов американского писателя Джона Чивера герой говорит о себе, что он пловец, обреченный проплывать сквозь события своей жизни, не понимая их сокровенной сути...

Дмитрий Волков, как мне показалось, живет с другим ощущением.

И другой мой герой остро чувствует, какой должна быть его жизненная траектория.

Тебя в детстве дразнили рыжим? – спросил я как-то у Александра Кириченко.

– Конечно. До сих пор помню, прибежал домой и просил: "Мама, перекрась меня в черный цвет..." Потом, когда подрос, она меня спрашивала: "Ну что, будем перекрашиваться?" – "Нет", – говорю. Я довольно быстро понял: каждый должен оставаться таким, какой он есть...

Мне кажется, что это дается Александру без особого труда.

Может, потому мне гораздо легче представить его не в фантастическом интерьере трека, а где-нибудь на берегу небольшой речонки с удочкой?

Кстати сказать, во время первого же нашего разговора выяснилось, что рыбная ловля – самое большое увлечение Кириченко и что он до сих пор не может забыть, как несколько лет назад вытащил сачком двух линей весом в два килограмма каждый.

В свое время тренер Кулик частенько отлавливал своего воспитанника на рыбалке.

– Я тогда ленивый был, – признается Саша. – Сажу я где-нибудь в укромном местечке, наблюдаю за поплавком и вдруг рядом – голос: "А тренироваться кто будет?"

Это все происходило в городе Сумы, где он родился, где ему подарили первый велосипед. Подарок сделали родители, когда сыну исполнилось три года. С тех пор двухколесная машина стала для него чуть ли не родным существом.

– Из-за этого нам часто достается от гостиничных служащих, – рассказывал мне нынешний Сашин тренер Борис Васильев. – Саша ведь норовит втащить велосипед в номер и сначала вымоет его в ванне, а потом уж сам примет душ...

Всерьез велоспортом Кириченко занялся в восьмом классе. А в 16 лет его пригласили в Харьков – попробовать свои силы на треке.

– Я боялся ехать, – вспоминает он, – велосипед-то трековый, без тормозов. И потренироваться не успел – надо было сразу выступать в соревнованиях. Мне объяснили: нужно проехать полтора

круга – то есть 500 метров. Я посмотрел, как едут другие, потом поехал сам и выиграл...

Через три года он стал бронзовым призером первенства СССР в гите и занял четвертое место в спринте. Зимой 1988 года впервые завоевал звание чемпиона СССР в гите, а в спринте добыл "бронзу". После этого решил, что совмещать две дисциплины слишком трудно, и ограничил себя гитом. Выиграл летний чемпионат страны и получил право выступать на Олимпиаде в Сеуле. Там завоевал "золото" в гите на 1 километр, а в следующем сезоне получил "бронзу" в этом виде трековых гонок на чемпионате мира в Лионе... Может показаться, что его двадцатидвухлетняя жизнь – накатанная дорожка. Но давайте посмотрим, чего стоили спортсмену две последние награды. Судьба вовсе не собиралась преподносить ему ни первую, ни вторую!

Об этом Кириченко мог бы догадаться еще в аэропорту Шереметьево перед отлетом в Сеул, когда вдруг обнаружил, что на него нет билета. Аэрофлот в конце концов согласился перевезти безбилетника в олимпийскую столицу, но чего это стоило!

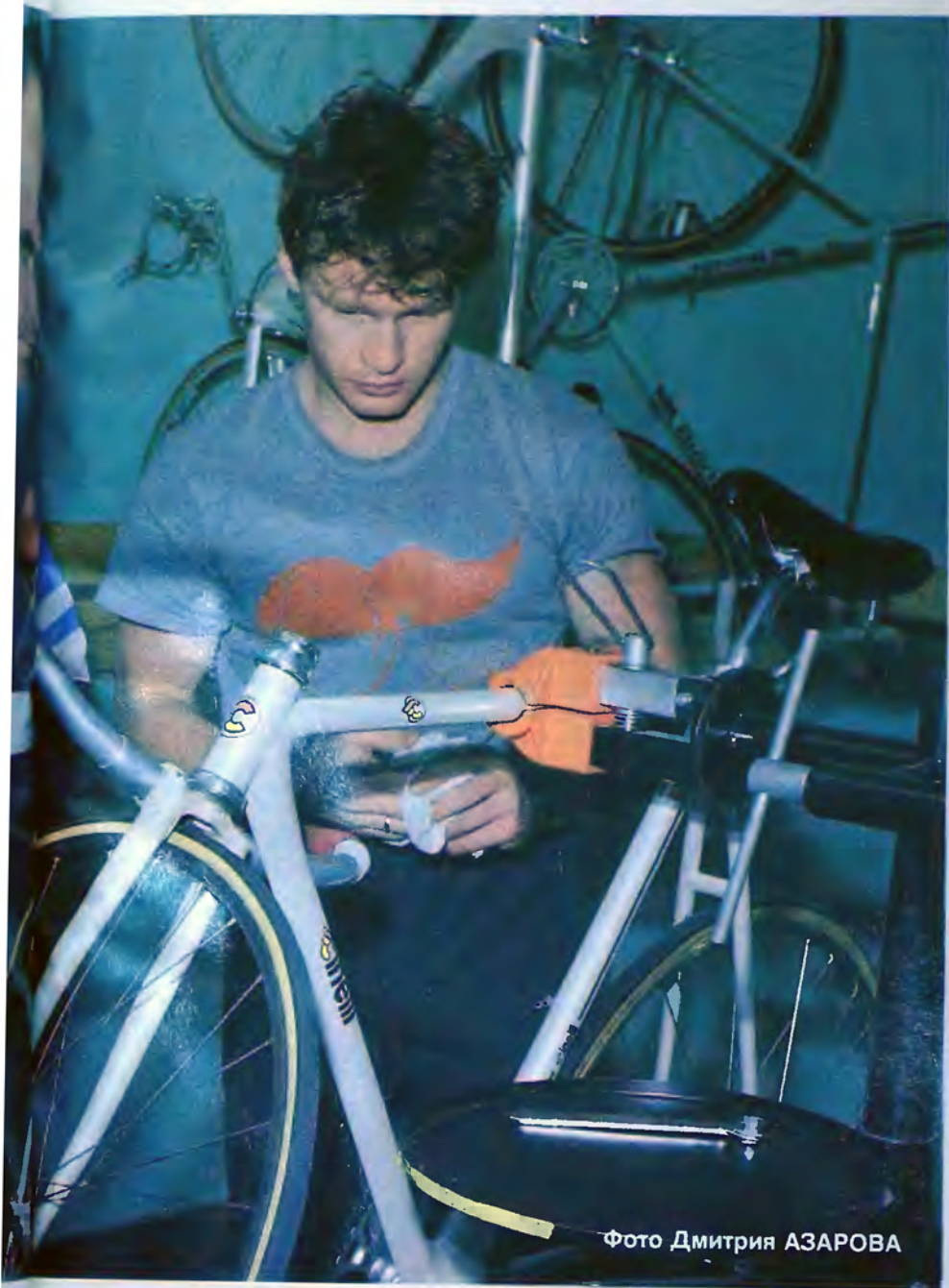
В Сеуле судьба прибегла к более крутым мерам.

– В гите должны были стартовать 30 участников, – вспоминает Саша. – Я шел шестнадцатым, в "золотой середине". Это выгодная позиция, и потому все считали, что я обязан выиграть запланированную мне бронзовую медаль. Когда я стартовал, был такой ветер, что все флаги вытянулись в струнку...

Зрители сначала сидели молча, а потом, после двух кругов, я ус-

лышал — хотя в шлеме обычно не слышишь ничего, кроме шуршания ветра, — как все кричат, подбадривая меня... Но метров за 400 до финиша мне не повезло. Я почувствовал: стало водить заднее колесо, значит, прокололась одна трубка. Из-за того, что упало давление (на финише оно было в два раза ниже нормы), нарушилось сцепление колеса с полотном, и оно стало скатываться вниз. К счастью, трубка спускалась постепенно, иначе я не закончил бы дистанции...

Последний круг Кириченко проехал за 21,8 — на восемь десятых секунды хуже, чем было задумано по графику. Это, естественно, снижало его шансы на медаль...

Конечно, тренер Борис Васильев мог — этого, кстати, требовал от него руководитель команды — представить Сашин велосипед в судейскую коллегия и попросить, чтобы Кириченко дали повторный старт. (В случае, если спортсмену помешал технический дефект, это допускается правилами.) Но Васильев, сам опытный гонщик, прекрасно понимал, что снова стартовать через 15–20 минут невозможно: гит полностью выжимает гонщика.

— Самое трудное, — объяснял мне Кириченко, — последние полкруга. Наступает такой момент, что ты уже ничего не сознаешь. Думаешь только о том, чтобы удерживать велосипед. Кажется, тебя кто-то тянет за седло сзади, ноги проваливаются, а руки ничего не чувствуют, будто деревянные. И боль. Все болит, даже глаза... Ждешь одного — когда будет финиш. Как только пересек черную линию — на миг от всего

отключаешься, но через несколько секунд или минут тебе снова становится плохо... После заезда надо обязательно переосесть на шоссейный велосипед и покатайся. Если сразу упадешь на землю после финиша, можешь и вовсе потерять сознание...

Отказ Васильева предъявить судьям велосипед вызвал такой гнев руководителя команды, что всем стало понятно: тренер снят с работы.

Соревнования тем временем продолжались. Однако никто не мог превзойти результат Кириченко. Вот уже претендентов на награды осталось только двое — значит, Сашу и его тренера все-таки можно поздравить с бронзовой медалью! Через несколько минут "бронза" превратилась в "серебро", а когда финишировал последний участник — стало ясно, что Александр Кириченко — олимпийский чемпион...

Чемпионат мира-89 тоже стал для Кириченко нелегким испытанием. За несколько месяцев до соревнований он упал на трек в Крылатском. Но уже через два дня, с гипсом, который ему наложили на плечо, начал тренироваться на велоэргометре. Потом потихонечку, держась за руль одной рукой, стал ездить на шоссе... Еле-еле успел прийти в норму к чемпионату. А во время соревнований снова непредсказуемая неприятность.

— Когда я на последнем круге вошел в вираж, у меня отломилась правая половинка руля. В голове пронеслось: неужели конец гонке? О том, что могу упасть, я не подумал, хотя можно было так приложиться, что и не встать потом, — рассказывал Саша. — Из-за

этого замешательства я потерял несколько десятых... Посмотрел на руль, выругался про себя очень крепко, выбросил эту половинку и ухватился за то, что осталось...

Остальное мне досказал Васильев:

– Мне издали показалось, что Саша метров за 250 до финиша стал вытирать лицо. Это меня возмутило. Ну, думаю, совсем обнаглел: впереди финиш, а он такое себе позволяет! И только потом, в видеозаписи, я увидел, что произошло на самом деле... На последней прямой он пытался ускориться, но его начало бросать из стороны в сторону. И он все-таки занял третье место.

Зрители устроили Кириченко овацию, как будто бы он выиграл соревнования. А вечером по телевизору без конца показывали его невероятный финиш...

Понятно, что только исключительно одаренный мастер мог с честью выйти из такой ситуации. У Кириченко великолепные физические данные, хорошая физическая подготовка. Лежа выжимает руками штангу весом до 100 килограммов, а ногами – до четырехсот. Гонщик он очень техничный.

Всегда сложно провести грань между тем, что дала спортсмену природа и что он сам в себе воспитал. Но ясно, воля и выдержка, без которых нельзя победить, требуют закалки, тренинга, и тогда приходит умение правильно настроить себя в трудной ситуации. У Александра Кириченко это умение редкостное – я бы сказал артистическое.

– Как только надеваешь комбинезон – в тебе сразу все меняется, – рассказывает он. – Ты уже

предчувствуешь, как тебя будут обтекать воздушные потоки, ощущаешь особую соединенность с велосипедом, а сам превращаешься в другого человека. Ты абсолютно уверен: сегодня ты должен проехать как никогда!

Нечто подобное – о том, как костюм влияет на внутреннее состояние, – мне приходилось слышать от драматических актеров. И потому я спросил: а не пробовал ли Саша себя на сцене?

– В далеком детстве, классе в третьем-четвертом. Правда, не по собственной воле. В пионерском лагере праздновали День Нептуна. По сценарию в числе действующих лиц была рыжая девочка – Аленушка. Но во всем лагере не нашлось такой девочки. Ну а поскольку я рыжий, то мне и поручили сыграть Аленушку. Надели платье, завязали бантик... Увидев меня в таком наряде, да еще с пылающими от смущения щеками, зрители расхохотались. А я, поддавшись общему веселью, подвел режиссера: вместо того, чтобы пройти по сцене со скромной улыбкой, хохотал вместе со всеми...

Спорт – модель жизни, где колпизии заострены и обнажены. И в жизни каждого из нас многое, как в спорте, зависит от сопротивления с судьбой, от того, как мы относимся к ней – уповаем на ее милость ("Если повезет..."), безропотно принимаем удары ("От судьбы не уйдешь...") или, преодолевая немислимые, казалось бы, препятствия, идем к желанной цели.

Надо, наверное, помнить (мы это только что видели): несдавшийся не проигрывает, даже если терпит поражение.

Валерий
ВИНОКУРОВ

МАМИН

ТЕТЯ ДАША

Родилась Нюрка на пятый год после войны, а на двенадцатый – пошла в школу...

Она укладывала портфель, когда принесли письмо. Мать прочитала его и сказала отцу:

– Дарья наша умирать едет.

Нюрка шла в школу по весеннему жирному полю и думала о тете Даше. Она никогда ее не видела, но слышала о ней слишком много.

Каждую послевоенную весну от тети Даши приходило письмо: "Приеду погостить", и каждую осень – телеграмма: "Дела сожалению задерживают". Телеграммы взрослые всегда пишут с ошибками.

Тетя Даша была в деревне самой красивой. Сколько парней по ней

ГОЛОС

ТРИ РАССКАЗА

сохло, мама даже припомнить не может. Дедушка, наверно, тоже сох по тете Даше, потому что из-за нее он умер раньше, чем надо. Из-за того, что она такая легкомысленная: в начале войны проходил через деревню полк, и тетя Даша влюбилась в лейтенанта, как кошка. Обо всем на свете позабыла и пошла за ним. Бросил он ее потом или погиб, этого даже соседка Евдокия не знает, только после войны на тете Даше так никто и не женился. Потому что она была "пэ-пэ-жэ"¹.

"Это что-то очень плохое, – думала Нюрка. И все-таки ей было жалко, что тетя Даша придет не погостить, а умирать. – А, может быть, она и вовсе не придет. Может быть, ее задержат дела".

Тетя Даша приехала в воскресенье. У нее было желтое грустное лицо, глубокие синие глаза, тонкий нос и острый подбородок.

"И вовсе она не красивая", – подумала Нюрка.

– У нее, наверно, рак, – сказала мать отцу.

– А это не заразно?

Нюрке очень хотелось, чтобы это было не заразно.

Тетя Даша привезла подарки.

Когда мама увидела себя в зеркале в прозрачной кофточке, она закружилась по комнате, подбежала к тете Даше и поцеловала ее в губы.

– Ты совсем еще девочка, – сказала тетя Даша.

Отцу кофточка не понравилась.

– У вас в городе совсем стыд потеряли, – сказал он, а тетя Даша улыбнулась.

Зато свой новый свитер отец сразу же надел и пошел в правление.

– Что это она у тебя такая нелюдимая?

– Нюра, подойди к тете, – сказала мать.

Тетя Даша достала из чемодана розовый шерстяной костюмчик. У Нюрки от радости заколотилось сердце.

А потом мать спрятала все в сундук и ушла на ферму. Тетя Даша легла отдохнуть, а Нюрка побежала к девочкам.

– Ваша тетя Даша очень легкомысленная, – сказала Верка и сделала серьезное лицо.

– На таких, как она, мужчины не женятся, – сказала толстая Катя.

А Ирка сказала:

– Ваша тетя Даша – пэ-пэ-жэ!

– А что это?

– Не знаю.

¹ ППЖ – походно-полевая жена (жаргон военных лет).

– Дуры вы все! – сказала Нюрка и побежала домой.
Вечером пришли гости. Они ели, пили и пели песни.

Нюрка делала вид, что спит, а сама в щелочку следила за тетей Дашей. На худых тетиных щеках появился румянец. Иногда она смеялась, но не громко, а так осторожно, как будто боялась что-то проглотить. Ее волосы липли ко лбу, и она откидывала их усталым движением тонкой руки и вытирала лоб прозрачным платком. Ее синие глаза все время были широко раскрыты: и когда шутил отец, и когда председатель рассказывал о поездке в Москву, и когда потный Сергей Сергеич показывал хитрые фокусы. Тетя Даша слушала всех так внимательно, словно боялась пропустить хоть слово.

“И все-таки она не очень красивая, – думала Нюрка. – Мама гораздо лучше”.

Мамина кофточка всем очень понравилась. А жена председателя даже разозлилась на него за то, что он не привез ей такую же из Москвы.

Потом мама плясала, а тетя Даша смотрела на нее большими синими глазами.

А потом Нюрка заснула.

Весна выдалась холодная. Только в начале апреля деревья вздрогнули и покрылись толстыми лиловыми почками. Тетя Даша почти не вставала с кровати. Глубокие глаза ее с каждым днем синели, как будто впитывали краску с кусочка неба, который виднелся в оконце и от которого она часами не отводила взгляда. А может быть, оттого, что ее глаза так сильно выделялись на желтом лице, Нюрке только казалось, что они все время синеют.

Однажды в воскресенье, когда отец с матерью ушли на свадьбу в соседний колхоз, тетя Даша позвала Нюрку:

– Девочка, помоги мне одеться.

Нюрка достала из тетиного чемодана красивый черный костюм и выгладила его, а тетя Даша повесила на жакет медаль.

– Хочу с лесом поговорить, попрощаться. Пойдем со мной.

Нюрка не поняла, как это можно разговаривать с лесом, но чтобы тетя не передумала, она не стала спрашивать и в секунду надела сандалии.

Они медленно шли через поле к реке. Тетя Даша слабой рукой опиралась о Нюркино угловатое плечико.

– Смотри, как поле красиво дышит!

– Это вода испаряется, – пояснила Нюрка. Она чувствовала себя умной, взрослой и сильной.

Они остановились на старом обгоревшем мосту. В прошлом году колхоз построил новый мост, а этот, чудом не разрушенный в войну, почему-то не снесли. Доски сердито скрипели, и Нюрке было страшно, когда она видела под ногами воду. Ей хотелось поскорее перейти на другой берег, но тетя Даша облокотилась о перила и смотрела в мутную, медленную, до равнодушия спокойную реку.

– А купаться здесь нам не велят, – сказала Нюрка. – Когда новый мост строили, нашли в воде немецкий снаряд. За лысым холмом его взорвали, а у нас в школе два стекла вылетели.

В лесу Нюрка сразу услышала кукушку. Она досчитала до сорока и сбилась.

– А теперь вы посчитайте.

Тетя Даша так посмотрела на Нюрку, будто только что увидела ее. Нюрке сразу захотелось плакать, и она замолчала.

Они долго и очень медленно шли по холодному лесу и слушали, как шумят разбуженные весной деревья.

Наконец, Нюрка не выдержала:

– Тетя Даша, а что такое пэ-пэ-жэ?

Нюрке показалось, что прошел час, прежде чем тетя Даша ответила.

– Это... это женщина, которая с любимым человеком делит горе... и жизнь... и смерть. Но чаще смерть.

Нюрка старалась запомнить тетины слова наизусть, чтобы потом сказать девчонкам. Она повторяла их про себя, когда они с тетей вышли из леса и увидели на холме посреди луга круглое бетонное сооружение, похожее на большую черепаху. Нюрка сразу догадалась, что это – дот. Она слышала о нем от мальчишек, которые тайком бегали сюда играть в войну. Толстые серые стены его были сплошь исписаны русскими и немецкими словами. Раскрыв рот, Нюрка медленно, по слогам пыталась что-нибудь прочитать.

Когда они подошли к доту, тетя Даша сказала:

– Ты посиди здесь, я скоро вернусь.

И она скрылась в черном отверстии, будто утонула в проруби.

Нюрка слышала первые тетины шаги внутри дота, а потом они стихли, и Нюрке стало страшно, захотелось куда-нибудь убежать.

Тетя Даша вернулась бледная, с мокрым лицом и легла на землю.

"Ей тоже было страшно", – подумала Нюрка.

– Девочка, голова горит у меня.

Нюрка намочила в луже тетин прозрачный платок.

– Посиди около меня, – сказала тетя Даша и взяла Нюрку за руку.

– А как эта медаль называется?

– "За отвагу".

– А за что вам ее дали?

– Сама не знаю, за что. Василия я вытащила с этого луга, да напрасно: в тот же день умер он. Вот дали медаль, а ведь я его для себя несла. Не только как командира спасала.

Тетя Даша замолчала и закрыла глаза. Лицо у нее было совсем белое, а тонкие длинные губы тихонько дрожали.

Из-за леса на луг вывалилось стадо. Коровы радостно мычали, хватая толстыми губами раннюю, но уже сочную траву.

– Здесь вся земля кровью пропитана, потому травы так много бывает и кусты красные растут.

– А у нас возле школы тоже есть такие кусты.

Больше тетя Даша с кровати не вставала. Через два дня, вернувшись из школы, Нюрка заглянула к ней в комнату. Тетя Даша смотрела в потолок широко раскрытыми глазами. Нюрка осторожно подошла к ней и села на красшеч кровати.

– Тетя Даша, – прошептала она. – Тетя Даша, а как... а как... себя чувствует человек, когда умирает?

Тетя Даша так посмотрела на нее, что у Нюрки похолодело в груди.

– Ты очень... любопытная девочка. Я скажу тебе, и ты... ты сразу пойдешь гулять. Ладно?

Нюрка послушно опустила голову.

– Когда человек умирает, ему... очень... очень... одиноко...

Нюрка убежала в поле и там долго в голос плакала.

Над полем медленно поднимался прозрачный пар.

Оно дышало, согретое наконец-то пробудившейся весной тринадцатого послевоенного года.

ДОМИНО

Уезжает Иван Петрович Нижний. До вчерашнего вечера был он самым уважаемым человеком в нашем доме. И вот уезжает. Дочке с мужем оставляет квартиру, в которой прожил тридцать с лишком лет.

Как построили наш дом в начале, нет, пожалуй, в конце двадцатых годов, так Иван Петрович и поселился. Он-то – в отдельной квартире, конечно, что редкостью тогда было, – до сих пор у нас в доме почти все в коммуналках живут.

Большую часть своей жизни прожил здесь Иван Петрович. И также, как дом наш, совсем он вроде не изменился за эти годы: ни тридцатые, ни сороковые, ни пятидесятые власти над ним как бы не имели. Поджарый, стройный, спина прямая, говорят про таких "аршин проглотил". Вот только волосы, аккуратно стриженные, были у него раньше черные, словно деготь, а теперь посерели, мышиноного цвета они теперь, но густы по-прежнему. "Не каждый лысый брюнетом был" – так про него не скажешь: и на лысину намек нет, и то, что брюнетом был, отрицать невозможно – брови черные подтвердят. Иной раз кажется, что глаза его, серо-стальные, властные, с годами теплоты набрали, но часто – в особых случаях тем более – теплоту эту теряют и становятся прозрачно-пустыми, колкют взглядом безжалостным. Ждешь, заговорит такой человек, грома не слышно будет, перекроет. Ан нет, голос у Ивана Петровича высокий и звонкий. На френче у него орден сияет, не в гражданскую, а позже – за большие заслуги на строительстве канала в тридцатые годы – полученный.

Вот и сейчас идет Иван Петрович по двору с маленьким фибровым

чемоданом, а на орден и смотреть больно, так сверкает он в острых солнечных лучах.

Утро сегодня свежее, желтое, пахучее. А дом наш весь еще спит. Никому не ведомо, что уезжает Иван Петрович. Да и как догадаться, даже если выглянешь в окно: мало ли куда человек поутру с чемоданчиком направился? Если б другой какой человек... Но Иван Петрович насовсем уезжает. Это факт. Потому что не уехать ему теперь, после вчерашнего, никак нельзя. Куда вот только ехать? Куда — с фибровым чемоданчиком — деться ему? Вряд ли где ждут, вряд ли где нужен, ведь три десятка лет никуда не ездил. И все потому, что здесь был нужен. Необходим. Трудно даже представить себе: наш дом и... без Ивана Петровича.

А дому у нас пятиэтажный, серого кирпича, долго был самым большим в городе. По форме он как буква "П", как банкетный стол. Двор же напоминает огромный торт: вылепленные, будто из крема, клумбы с цветами, свежеевыкрашенная шоколадного цвета краской беседка, ухоженные деревья — липы да тополя — с листьями матовыми да блестящими, словно разные сорта мармелада. Беседка в виде избушки раньше пряталась в углу двора под ветвистой липой и стройным тополем. В эту беседку еще наши мамы и папы украдкой забегали, чтобы подарить друг другу робкий поцелуй. Потом наш черед пришел. Называли мы свою избушку, пожалуй, слишком высокопарно — "дворец любящих сердец", а многие обитатели дома и двора — чересчур прозаично — "бельмо на глазу". Когда обитателей с такими взглядами на проблемы нравственности юного поколения прописалось в нашем доме больше половины, они выделили из своей среды группу энтузиастов, те пошли к управдому, он посоветовался с Иваном Петровичем, и кончилось тем, что выволокли нашу избушку на свет божий. Теперь часов до десяти вечера сидят в ней кумушки, переминают соседям косточки, а затем пустеет наш "дворец любящих сердец". Зато в углу двора, под липой и тополем, стоит стол. Пробовали мы его приспособить для пинг-понга, но Иван Петрович собственноручно покрыл его тонкой фанерой, а от фанеры целлулоидный белый мячик не отскакивает, гасит фанера его порыв взлететь. На этом столе играют только в домино.

Для малышей во дворе есть песочница и качалки со стругаными сиденьями, а вот юные жильцы могут — и должны — оберегать зеленые насаждения. Нет, мы, юные жильцы, не жалуемся. В конце концов можно и на стадион на трамвае добраться. Времени вот только ни на что сейчас не хватает — экзамены. А перед экзаменами не спится. И стали юные жильцы собираться поздними вечерами в беседке. Целоваться, правда, не целуются, но стихи какие-то вслух читают. Негромко, обитателей не будят, да вот неизвестно стихи-то какие. Странное время наступило, удивляются энтузиасты-обитатели, ни бога, ни черта, ни управдома, ни Ивана Петровича эти юные жильцы не жалуют. И прозвали нас в избушечных кругах лунатиками. Про-

звись не обидное по сравнению с теми, какие присвоили кумушки другим строптивым жильцам дома. Впрочем, прозвища у всех, кажется, есть. Кроме, конечно, Ивана Петровича. Он-то пользуется непререкаемым авторитетом у всех: и в избушке, и у городского начальства, и особенно за доминошным столом. Не удивительно, ведь он – король домино.

Между прочим, домино – не такая простая игра, как выглядит на первый взгляд. Тот, кто не вник еще в ее суть, может подумать, что играть очень легко и от играющего ничего не зависит, только от везения: есть, мол, подходящий "камень" – ставь, нет – пропускай ход. Словом, полагайся на судьбу: никаких закономерностей, никаких мозговых усилий. Ползет по столу корявая, угловатая змея, черная с белыми крапинками, удлиняется после каждого стука на один прямоугольник, а выигрывает тот, кому повезло, у кого черные прямоугольнички кончились. Выигрывает, кому повезло. Как в жизни. А везет, известно, дуракам.

Как, однако, ошибочен такой взгляд на домино! В домино дуракам не везет. Тут выигрывает не тот, кто громче стучит "камнем" о стол, а кто быстрее и логичнее мыслит, кто лучше чувствует перспективу. И чем сильнее играет человек, тем спокойнее, аккуратнее и тише ставит он "камень". Умный ведь всегда разговаривает менее громко, чем дурак.

Посмотришь, как играет Иван Петрович, и сразу поймешь, почему его так уважают в нашем доме.

Вот он на мгновение задумывается, посреди невысокого лба появляется четкая складочка – это значит, что там, в мозгу, мелькают всевозможные варианты, потом хитро поднимается правая бровь, складочка исчезает, и мягким тигриным движением ставит он "камень". Если эхо разносит по двору доминошные очереди, будто идет перестрелка, значит, Ивана Петровича нет за столом. В его присутствии не стучат "каменьями" о фанеру. Так же, как при нем управдом никогда не орет на дворников, соседки перестают скандалить, мальчишки выключают футбольные репортажи, девчонки не хохочут. И даже старый сеттер Витязь при нем ни разу не лаял. Все уважали Ивана Петровича.

Почему же он уезжает?

Началась эта история давно, больше десяти лет назад. Началась она задумчивым и болтливым вечером, когда юные жильцы слонялись без дела, охраняя зеленые насаждения, а из избушки доносилось мерное жужжание кумушек.

Перестрелка под тополем была в самом разгаре, хотя бой, судя по всему, носил характер местного значения. Потом внезапно стрельба прекратилась. Это подошли Иван Петрович с управдомом. Они только что прибыли с заседания, где решался вопрос о жести. Иван Петрович был в хорошем настроении и обещал завтра съездить в облстройконтору.

– Бог даст пищу, бог даст крышу. Было б здоровье. А теперь, Тимофеич, садись, партнером будешь.

Управдом играть совсем не умел, да и вообще человек он очень глупый. Но Иван Петрович – все знали – выиграет всегда, даже если будет играть в паре с грудным ребенком.

– Это вам не шахматы, – любит говорить он. – Там все дело во внимании: зевнул королеву, и привет. А тут противника надо вынудить играть так, как тебе хочется, партнеру нужно помочь и от него подмогу получить. Тут коллективная мысль важна. Хотя и два только человека, а коллектив.

Так он напрашивается на лесть, и за ней дело не стоит.

– Да какой коллектив, когда вы, Петрович, один за всех четверых думаете.

Тут правая бровь Ивана Петровича ласково поднимается, и он, приветливо глядя на управдома, говорит:

– Как же – за всех? А Тимофеич на что?

И первым звонко добродушно смеется. Доминошники дружно вторят ему, и тогда наконец до управдома доходит, что и он должен посмеяться. Его хихиканье слышно до тех пор, пока все не успокоится и не разберут "камни".

Итак, в тот вечер выиграли Иван Петрович с управдомом несколько партий, противники слезили под стол (такова участь проигравших), и избушке подошли к концу дебаты – кумушки от усталости уже зевали. В этот момент во дворе появился наш новый сосед – тощий невысокий большеголовый человек со вставными стальными зубами. Стекла его очков были такими толстыми, что глаза за ними казались невероятно большими. Он жил в нашем доме уже около месяца, но во двор вечером вышел впервые.

Когда его увидели, из избушки понеслось энергичное жужжание. Ведь о новом соседе нам толком ничего не знали. Приехал он вроде бы с севера, раньше жил в Москве, теперь же поселился почему-то в нашем тихом городе. Есть у него жена, работает учительницей в школе для слепых. Про самого жильца говорили, что он пишет книги, но – под псевдонимом, так что проверить невозможно.

– Литературный работник, – прошептал управдом Ивану Петровичу.

Как хлебосольный хозяин навстречу гостю, пусть и непрошеному, поднялся Иван Петрович.

– Товарищ писатель, просим к нашему столу. Угостим вас домино, не возражаете? Как говорится, чем богаты...

– Я бы, признаюсь, шахматы предпочел, но можно, пожалуй, и домино. Ваша фамилия, простите, Нужный?

– Нижний, – снисходительно усмехнулся Иван Петрович. – Однако учтите, у нас закон – проигравший лезет под стол. Уж не обессудьте.

– Закон превыше всего, это уж мы... – "гость" не договорил: то ли не захотел, то ли потому, что зашелся... непонятно кашлем ли, сме-

Рисунки Валерия СМЕРНОВА

хом. Голос у него оказался сиплым, будто от постоянной простуды, при смехе-кашле в груди что-то свистело.

Никто сейчас не вспомнит, с каким партнером играл новый жилец, но в тот вечер Иван Петрович с управдомом трижды встречались под столом. Новичок сперва, весело свистя грудью, кашлял-смеялся, но перед третьей партией, когда неуклюжий, пухлый управдом и могучий Иван Петрович, краснолицые, в пыли и в злости, не без труда вылезли "на поле боя", он предложил отменить жестокое правило.

– Я расцениваю это как трусость, – мужественно возмутился Иван Петрович.

– А, может, отменим? – отряхивая пыль с круглых колен, робко

прошептал управдом, но тут же умолк под презрительно-властным взглядом своего великого партнера.

Играть закончили в первом часу ночи.

– Всего вам доброго, – сказал новый жилец. – Может быть, завтра отыграетесь, товарищ Нужный.

– Я – Нижний, – пронзительно выкрикнул Иван Петрович. Не попрощавшись, в пыльном френче он зашагал к своему подъезду.

– Завтра утром в стройконтору... – залепетал ему вслед управдом.

– Сперва играть научись, болван. – Прямая спина Ивана Петровича, словно стена, отгородила его от удрученного Тимофеича.

С управдомом Иван Петрович больше никуда не ездил, во дворе показывался лишь вечером и прямым направлением к доминошному столу.

Ремонт крыши был приостановлен, мальчишки безбоязненно слушали репортажи Синявского, девчонки визжали, а старый Витязь с облегчением лаял. Только избушка переживала за своего кумира и гадко шипела и жужжала вслед новому жильцу.

Ежевечернее домино превратилось в пытку для Ивана Петровича, на которую он шел добровольно, мечтал только об одном – заставить нового жильца побывать под столом. Но это никак не удавалось, и каждый раз к концу игры зеленый френч Ивана Петровича становился серым от пыли. Руки у Ивана Петровича дрожали, и он уже не ставил "камень" на стол аккуратно, как прежде, а стучал по фанере так сильно, что у противника после такого удара испуганно вздрагивали за толстыми стеклами очков веки громадных глаз.

Однажды, в начале очередной партии, когда Иван Петрович еще надеялся выиграть ее и мечтал, как и перед каждой партией, что именно она станет переломной, что именно сейчас он разгадает тайну противника, того позвала домой жена. Он сразу встал и тихо сказал своим сиплым голосом:

– Вы чересчур нервничаете, Иван Петрович, играли бы лучше в шахматы.

Пот на лице Ивана Петровича мгновенно испарился, пыльные скулы заходили взад-вперед, правая бровь угрожающе поднялась.

– Вы мне советов не давайте. Уж я-то знаю, где вы так играть научились. В таких компаниях, где обычно картишки предпочитают.

Иван Петрович вырос над столом во весь свой огромный рост. Его глаза и орден угрожающе сверкали.

От неожиданности противник уронил очки с толстыми стеклами и смотрел на Ивана Петровича крохотными моргающими глазами.

– В тех компаниях... в тех компаниях я встречался... играл с людьми, которые... у которых было по пять таких орденов, как у вас, товарищ Нужный.

– Я – Нижний! – завизжал Иван Петрович вслед сутулой спине противника.

Больше мы никогда не видели нашего нового соседа. Спустя не-

сколько дней, ночью, он куда-то уехал, жена его попала в больницу, их комнату опечатали.

Иван Петрович месяц не показывался во дворе, правда, вскоре съездил с управдомом в стройконтору, и осенью дом уже стоял под новой крышей. А старый Витязь умолк еще на годы...

И вот сейчас Иван Петрович присел за доминошный стол, поставив рядом на скамейке фибровый чемоданчик. О чем-то чуть слышно переговариваются липа с тополем, а Иван Петрович сидит, уставившись пустыми глазами в бурое высохшее пятно на фанере. Это пятно от крови. Оно появилось на столе вчера вечером. Тяжелым душным вечером.

Иван Петрович тогда думал над очередным ходом, и участники игры, затаив дыхание, ждали его решения. Но сделать свой ход король домино не успел. Неожиданно около стола возникла хрупкая изможденная женщина. У нее были впалые желтые щеки, а под глазами и в углах рта – страшные черные тени. Иван Петрович почему-то не усидел под ее взглядом и начал медленно вырастать над столом.

Она бросила на угловатую черную змею с белыми крапинками серый листок бумаги.

– Вот тебе, мерзавец, ответ на твою писульку. – Ее хриплый голос срывался. – Ре-а-били-тиро-ван. А ты все стучишь... стучишь костями.

Она схватила со стола черно-белые доминошные "кости" и швырнула ему в лицо. А потом в испуге стала хлестать его по лицу сухими, тонкими, как лоза, руками. Нижний оцепенел и не пытался защититься. Все вокруг замерло. В тишине звучали лишь слабые пощечины, маленькие ладони звонко шлепали по гладкому, чисто выбитому лицу.

Вдруг на губах у женщины показалась белая пена, которая сперва порозовела, а потом стала алой. Кровь пошла у нее горлом, и она упала лицом на стол...

Иван Петрович еще долго сидел один за пустым столом, в пустом дворе. Когда стемнело, он медленно собрал "кости" домино и твердым шагом, проглотив свой аршин, направился к подъезду.

А сейчас, посидев на прощание за доминошным столом, он впервые после многолетнего перерыва полез под стол и что-то ищет в пыли. Нашел черный с белыми глазками прямоугольник и положил в фибровый чемоданчик. Наверное, вчера пришел домой, проверил, все ли "кости" на месте, и одной не досчитался. А теперь нашел, все в порядке.

И вот он уже пересек двор. Спина прямая, грудь колесом. Но на него больно смотреть, так сверкает в острых солнечных лучах орден на лацкане френча.

Проснется дом, и нет Ивана Петровича. Быстро ли привыкнут люди к его отсутствию, забудут ли о нем вообще? Только уж не залает старый сеттер: собачий век короче человеческого, года три прошло, как закопали мы Витязя под старой ветвистой липой.

МАМИН ГОЛОС

Она приплыла с того берега. Из-под шапочки текла вода. Рисованными клоунскими слезками повисли капли на черных ресницах. Я знал, что она их не красит, как другие наши девчонки, которые стали таскать из дома косметику еще в девятом классе.

– Хорошо! – сказала она. – А ты много прочитал?

Я не прочитал ни одной строчки.

– Весь рассказ.

– Неужели я так долго плавала?

Она заглянула в книгу, и большая капля упала на страницу, рас-

плылась темным пятном. Я сразу захлопнул книжку. Анюта ничего не сказала и начала вытираться.

Я смотрел на воду. Она была черной. По ней катились солнечные искры. От них болели глаза.

Анюта села рядом и прижалась ко мне круглым прохладным плечом.

— О чем ты все время думаешь?

Я ни о чем не думал, я просто смотрел на воду.

— Обо всем.

— Не надо сегодня ни о чем думать.

Разве можно ни о чем не думать?

— Ладно, — сказал я. — Не думать очень легко.

Она чмокнула меня в щеку прохладными губами.

— Какой сегодня хороший день. И ты очень хороший. И я тебя люблю.

— Я тоже тебя люблю.

— В волейбол поиграем?

— Мне не хочется, а ты иди, погрейся.

Она опять чмокнула меня и побежала.

В волейбол играли студенты. Они жили здесь на спортивной базе, на сборе.

Анюта была здорово, с обеих рук. Все это сразу поняли и с уважением накидывали ей на удар. Она выпрыгивала высоко, сетка оставалась на уровне локтя. У нее очень красивые ноги: круглые, стройные и сильные. Ни у одной девчонки не видел таких. Я вдруг почувствовал, как мне не хочется уезжать. Особенно сегодня.

В списке поступивших я себя не нашел. Меня это не удивило и не расстроило. Расстроилась только бабушка. Мой институт — ее последняя цель в жизни. Дедушка, конечно, тоже расстроился, но виду не подав. Только стряхнул пепел из трубки на ковер и ушел к себе в кабинет.

Вечером из Норильска позвонил отец.

— Поступил?

— Нет.

— Завтра же выезжай. Будешь здесь работать. Через год-другой захочешь поступать — вернешься.

— А об армии он забыл? — сказала бабушка.

Мне почему-то казалось, что больше я уже никогда не захочу поступать. Я и сейчас не хотел. А на Север мне хотелось больше всего на свете. На Север или просто к отцу?

Бабушка отца ругала:

— Родитель называется, совсем не думает о дите.

Дед считал, что отец прав, но, чтобы с бабушкой не спорить, снова заперся в кабинете.

Я ничего не считал. Но мне давно уже хотелось быть рядом с

отцом. Я думал, что, как только окажусь на Севере, сразу стану таким же сильным и мужественным, как отец.

– А если у него там кто-нибудь есть? – громко сказала бабушка, так, чтобы через дверь услышал дед. Из кабинета донесся резкий стук трубки о стол: дед выбивал пепел.

А сейчас я вдруг почувствовал, что мне не хочется уезжать.

Высокий парень в желтых перламутровых трусиках дал мягкий пас Аняте. Она пробила "блок".

– Очко! – крикнул судья.

Я встал и пошел к площадке.

– Вставай к нам, – она обрадовалась, что я пришел.

Играл я плохо. И мы сразу стали проигрывать.

– "Захват", "трещетка", – комментировал мою игру судья.

Парень в желтых трусиках поглядывал на меня, иронически улыбаясь. Остальные в нашей команде злились. Зато Анята работала за двоих.

Мне перестали пасовать. Даже противники оказались джентльменами и в мою сторону не били.

Но мне почему-то не было обидно. Я совсем перестал следить за игрой и даже забывал переходить с номера на номер.

Никогда раньше я не задумывался, что у отца может кто-нибудь быть. С женщиной я его ни разу не видел. И бабушка вчера впервые такое сказала.

Отец с мамой поженились на войне. В последний год войны. В госпитале. Отец был ранен в голову, в лицо, а мама – в живот. Еще пять лет после войны мама лечилась, но врачи категорически запретили ей меня рожать.

– Кто вам сказал, что запрещают? – спорила мама с бабушкой и дедом. – Всего лишь – не рекомендуют. А вы оба все, что врачи прописывают, соблюдаете? Это сейчас из-за насморка бюллетенят. На фронте кто стал бы врачей слушать?

Я очень похож на отца. "Копия", – по словам бабушки, "от ушей до пяток", – говорит дед. Маму я никогда живой не видел, но у меня – ее голос. Если на меня не смотреть, а только слушать, то все уверяют – живая мать.

– Это потому, – говорит бабушка, и слезы ползут у нее по лицу, ручейками в морщинах, – что ее последний крик слился с твоим первым. Она свою жизнь на твою обменяла, отдала свою тебе. Помни и живи, пока жить будешь – помни...

Анята взяла "мертвый" мяч и замарала лицо песком. Она вдруг стала совсем взрослой. Сегодня второй день, как она – студентка. Парень в желтых трусиках пасовал только ей.

Меня подтолкнули, и я вышел на четвертый номер – к сетке. Нам надо было взять последнее очко.

Мне захотелось купаться, но неудобно было уйти.

Подача перешла несколько раз. Я уже стоял на втором номере.

"Желтые трусики" подкинул мяч над собой – мягко так, аккуратно. И вдруг я увидел, что никто из наших не пошел. Я сорвался с места. "Блок" мне не поставили. Из всех сил, со злостью я ударил по мячу.

– "Кола" дал! – крикнул кто-то.

Я не удержался на ногах и упал под сеткой на половину противника. Но мяч уже был на земле. Мы выиграли.

Анюта повисла у меня на шее и поцеловала горячими губами. Студенты наверняка позавидовали, а "желтые трусики" тоскливо усмехнулся.

Мне уже совсем не хотелось уезжать.

Когда Анюта впервые пришла к нам в дом, бабушка побледнела, прижала руки к груди и медленно опустилась на табуретку, не сводя с Анюты глаз. А дед застыл с трубкой, и пепел посыпался на ковер.

– Живая мать, – прошептала бабушка.

– А вы разве знаете мою маму? – спросила Анюта. – Мои родители в деревне живут, я здесь у тети, с восьмого класса, у нас дома – только семилетка.

– Нет, вашу маму я не знаю, – тихо сказала бабушка. – Вы копия его матери.

Дед принес из кабинета мамины фотографии.

– Вот здесь ей как раз семнадцать. Через месяц она сбежала на фронт.

Мама тоже была стройная и красивая. Но мне кажется, что с Анютой у нее не так уж много общего.

Анюта вопросительно посмотрела на меня. Я отчаянно заморгал.

– Да, вы правы, – робко сказала она. – Пожалуй, мы с вашей дочерью действительно похожи.

– Не просто похожи, – заволновалась бабушка, – вы же – точная ее копия. Кто бы мог подумать, что такое случается на свете?

– Природа не терпит пустоты, – задумчиво сказал дед.

– А у него, – бабушка кивнула в мою сторону, – ее голос. Представляете? Это потому, что ее последний крик слился с его первым...

Рка была быстрой и ласковой. Я вынырнул в стороне. Анюта ждала меня, и мы поплыли по течению. Солнце било в глаза. Я зажмурился. Оно расплылось красными и желтыми кругами.

Мы медленно шли к станции.

Солнце стало холодным и собиралось спрятаться в лесу. Оно уже было розовым.

– Тебе хорошо? – спросила Анюта.

- Да.
- И мне. Потому что ты со мной.
- Значит, завтра тебе будет плохо, - сказал я.
- А тебе?
- И мне.
- Тогда давай об этом не думать. Пусть нам сейчас будет хорошо. Она всегда мыслила здраво. Даже слишком.
- Подходя к станции, мы увидели, как отошла электричка.
- Зайдем в ресторан? - предложила Аня.
- А у тебя есть деньги?
- Есть.
- Тогда зайдем.

Она ни разу в жизни не была в ресторане. Я обещал повести ее на первую стипендию. Тетя ее работала медсестрой, родители из колхоза присылали продукты. Интересно, откуда у нее сегодня деньги? А я бывал часто - когда приезжал отец.

- Неплохо, - сказала Аня, когда мы вошли. - Мне здесь нравится.

Этот ресторан у пригородной станции был похож на плохую столовую.

- Мне тоже, - сказал я.
- Мы сели у окна.
- Давай попьем шампанское, - сказала Аня.
- Есть только румынское, - вяло откликнулся официант.
- Нам два бокала, пожалуйста, - она была невозмутима. Как взрослая.

Официант принес два стакана с какой-то шипучкой. У него было усталое, безразличное лицо. На правой руке не хватало трех пальцев.

- Выпьем каждый за свое.
- Ладно, - сказал я.
- Я не успел подумать, за что пью. Шипучка оказалась липкой и приторно-сладкой, как выдохнувшийся лимонад.

- За что ты пил?
- За тебя.
- А я за то, чтоб ты в следующем году поступил.
- Что?! - я так искренне возмутился, что Аня опешила. - Куда поступил?

- Я думала... в институт, - робко сказала она.
- В какой?
- Ну... все равно... хоть в мой...

Я пожал плечами. Сколько раз объяснял ей, что поступал в институт просто так - для бабушки, для дедушки, для отца. Терпеть не могу, когда поступают в любой - лишь бы в институт. Но что поделать, если все хотели за меня, а сам я не хочу ни в какой. Я хочу к отцу, на Север, раз он там.

- Тебе без толку объяснять, - сердито сказал я.

– Я думала, ты говорил так, чтобы не расстраиваться. Значит, в следующем году не приедешь?

– Приеду. В отпуск.

Лицо у нее стало обиженным. И она вдруг показалась мне совсем маленькой девочкой. А в такие минуты мне всегда ее жалко.

– Я люблю тебя, – сказал я.

Она молчала, уткнувшись в стакан.

– Давай выпьем за... нас с тобой.

– Я приеду к тебе. Брошу институт и приеду.

Я знал, что она никогда так не сделает. У нее для этого характер слабоват. Да и родители с теткой не допустят. И вообще это глупо – бросать институт.

– Хорошо, – сказал я. – Проучишься год-два, перейдешь на заочный и приедешь.

– Через полтора года тебя возьмут в армию.

Я опять разозлился. Терпеть не могу, когда она рассуждает так здраво.

– Возьмут так возьмут.

– А как же я?

– Закончишь институт.

– Я ведь тоже тебя люблю.

– Ну, что ты предлагаешь?

– Ничего.

Женщины никогда ничего не предлагают. Так дед говорит, хотя у бабушки по любому поводу бывает сразу несколько предложений.

Шипучка уже не шипела: все пузырьки вышли.

У Анюты слезы повисли на ресницах.

Подошел официант. Она посмотрела на его руку и заплакала. Официант посмотрел на меня, а я – в окно. Не могу видеть, когда женщины плачут.

У бабушки, утверждает дед, глаза всегда на мокром месте. Но она обычно плачет тогда, когда надо радоваться. Пошел я в первый класс, она со слезами меня провожала и со слезами встречала. Как наступает мой день рождения, так бабушка плачет. Малышом был, удивлялся; я ведь позже узнал, что в мой день рождения мама умерла.

– А мать твою никогда не плакала, – внятно, чтоб я запомнил, говорил мне дед. – Ни когда совсем маленькой была, ни когда с врачами ссорилась – быть тебе или не быть.

– Это правда, – сквозь слезы подтверждала бабушка, – она никогда не плакала...

– Ну, что вы, барышня, зачем же так, – ласково сказал официант. – Вот дочка моя – тоже. В институт не поступила, и давай слезы лить. Не цените вы свою молодость.

– Я ценю, – всхлипывала Анюта.

Мне вдруг стало смешно.

– А... когда... это у вас? – спросила она.

Лицо у него оказалось вовсе не безразличным, а добрым. Как у моего отца. Но усталым. Как у деда.

– Служил я в погранвойсках на Севере. Как-то в наряде рукавицу потерял. Пока до заставы добрались, пальцы и обморозил. А там с врачами – сами знаете. Да и война только кончилась. Вот и отхватили мне – три сразу. А с винтовкой запросто управляюсь. На работе сперва трудновато было. В молодости я по четыре кружки пива в каждой руке носил, а сейчас... – Он засмеялся открыто и приветливо. Хорошо, когда так смеются люди.

– На Севере... – прошептала Анюта.

А я почему-то подумал о его дочке. Надо же, плакать от того, что не поступила в институт. А Анюта поступила, да из-за меня плачет.

Неужели правда, что мама никогда в жизни не плакала?

На границе черного леса и фиолетового неба виднелся краешек розового плоского солнца.

Мы опять пропустили электричку.

И солнце утонуло.

Анюта села у окна вагона и раскрыла книгу. На первой странице рассказа большим желтым пятном подсохла бумага.

– Хороший рассказ? – спросила она. Я улыбнулся. – Я знаю, что ты его не читал. Если бы ты прочитал его, ты бы так со мной не говорил. Я ж тебе специально книжку принесла.

– Нет, – сказал я, – ты не поэтому знаешь. Просто заглянула тогда в книжку...

Она захлопнула книгу и отвернулась к окну.

– Я смотрел, как ты плавала. На тебя смотрел. Это лучше, чем любой рассказ. Мне очень не хочется уезжать.

Я обнял ее за плечи. Мне кажется, что я ее не обманывал, говоря так. Она повернулась и положила голову мне на плечо.

Ее волосы пахли воздухом и водой. Они уже высохли и были солнечного цвета.

– Я буду писать тебе каждый день, – сказала она.

Когда она говорит, не подумав, я ей верю. Почувствовала и сказала. Вот когда начинает трезво рассуждать...

– Я тоже, – сказал я.

Она задремала и ласково дышала мне в щеку.

По вагону прошли волейболисты. Они ехали на танцы. Длинный парень был в шелковом галстуке такого же желтого цвета, как его трусики.

Они узнали Анюту. Мне показалось, что длинный с ревностью посмотрел на меня.

Мне было приятно, что она – моя. Завтра она уже моей не будет.

Моя? Может ли быть человек уверен, что кто-то принадлежит ему до конца? Разве я кому-нибудь принадлежу? Бабушка ведь не хочет, чтобы я уезжал. И Аня не хочет. А сам я хочу? Вчера хотел, а сейчас – не знаю. К отцу хочу. А уезжать? Принадлежит ли человек себе? Кому принадлежала мама?

– Я больше не буду в институт поступать, – сказал я.

– Промучаешься там годик, живо захочешь, – откликнулась бабушка. – Не потерял бы зубы, как твой неразумный родитель.

Сейчас у отца железные. "Легче вгрызаться в породу, – шутит он. – Эти уж не сломаются".

– Он же их на фронте потерял, а не на Севере, – говорю я.

Но бабушку никто не переспорит:

– А там еще тяжелей, чем на фронте. Полгода света божьего нет – темень сплошная.

– Тяжелей, чем на фронте, нигде не может быть, – не выдерживает дед и стряхивает пепел на ковер. – А девушке своей скажи, чтобы к нам заходила...

Я мог бы просидеть, не шелохнувшись, целую вечность. Только бы она спала у меня на плече и дышала мне в щеку.

Город встретил нас маленькими солнышками фонарей.

Аня устала. Я проводил ее. Мы стояли на лестничной площадке. Мой поезд уходит рано утром. Тетка ни за что не отпустит ее на вокзал.

– Сейчас ты ляжешь спать, и, может быть, я тебе приснюсь.

– Наверняка, – сказала она и поцеловала меня.

– А утром ты получишь мою телеграмму. Я с вокзала пошлю.

– И сразу же напишу тебе.

И вдруг она спросила, будто подслушала мои мысли:

– А как ты думаешь, я действительно очень похожа на твою маму?

Я не знал, как ответить.

– Когда не плачешь, похожа.

В политых улицах фейерверком отражались рекламы и световые.

Я шел медленно и сочинял телеграмму. Но ничего не мог придумать.

Тогда я стал вспоминать сегодняшний день. Но помнил только Аню. Она красивая. Как мама. И грустная. Как расставание. Я помнил ее дыхание. И слышал ее голос.

А какой был у мамы голос, мне никогда не узнать. Потому что собственный голос человек слышит внутренним слухом. Он кажется ему совсем иным, чем всем остальным людям. Значит, только я один на всем белом свете слышу мамин голос так, как слышала она сама?

МОДА: ХУДОЖНИК И УЛИЦА

Стопка замусоленных модных журналов валяется у меня в комнате на видном месте. Меня еще не было на свете, а неземные манекенщицы уже демонстрировали неземные платья, даже не догадываясь, что через восемнадцать лет, когда их морщины разорвут контракты с фирмами, одна (одна ли?) земная девушка, поддаваясь неумному желанию "сделать себя красивой", будет смотреть на них по-прежнему с восхищением.

Мода пахнет духами, цветами, мылом, солнечным днем и каким-то экологически чистым воздухом, которым, как мне кажется, дают подышать манекенщицам перед съемками, чтобы все захотели быть похожими на них.

Но это все зарубежные журналы, это – "их нравы", хотя наши собственные мало чем отличаются – на картинках, разумеется. А на деле? На деле одного "хотеть" мало. Насмерть связано с ними "достать", по соседству вырастают "ни черта" и "дорого", а здесь уж рукой подать да "злость берет" и "все надоело". И от этого сожительства – не в муках, а в умеренной веселости – рождается уличная молодежная мода.

Чтобы не затеряться в толпе, я завяжу утром на джинсовой куртке зеленый бантик и на улице сразу замечу "своих": раз – и замелькала впереди малиновая ленточка на

черной шляпке, раз – и пронеслись мимо кроссовки с фосфорными шнурками, раз – и мотнула голова десятью разномерными косичками... Это свой молодежный минипароль, своя, если хотите, махситайна, которая видна всем, а понятна лишь некоторым. "Что они хотят этим сказать?" – ломают головы социологи, занимающиеся молодежными проблемами, а взрослые, уверенные в своем единственно правильном взгляде на жизнь, брызгают негодованием, вспоминая платьица с отложными воротничками и залатанные, но отутюженные брючки. Они почему-то усматривают в форме прически и ширине брюк оскорбление их ратной и трудовой молодости. Но лично я и, насколько знаю, все мои друзья и знакомые, мы не отождествляем свою одежду с плевок в душу старших. И все равно нередко чувствуешь на себе такой убийственный взгляд какой-нибудь тети в вечноживущем кримпленовом платье, что помимо воли начинаешь мысленно посылать ответные сигналы: "Да, я могу носить миниюбки и джинсы в обтяжку, потому что я в пять раз тоньше вас. И не на зло вам, вовсе нет! Просто мне нравится так одеваться, мне это идет!" Тысяча девятьсот девяностолетняя война, в которой победители неизбежно становятся

побежденными. Может, и мы со временем будем удивляться, негодовать, ужасаться.

Так что же такое молодежная мода, на которую ориентируются все после тринадцати-четырнадцати (не к детям же им примыкать), и как взаимодействуют в ней два потока: мутный, уличный, стихийный и другой – от искусства, который направляют модельеры?

Об этом я и разговариваю с Ириной Стрельниковой, художником Общесоюзного дома мод "Кузнецкий мост". Она творит именно моду для молодых, ее работы отмечались призами на конкурсах молодых художников, модельеров.

– Молодежная мода? – задумывается Ирина. – Но я вообще против деления моды на возрасты: на взрослую, молодежную, подростковую и так далее. Восемнадцать, или шестнадцатилетняя девушка может чудесно выглядеть в романтическом платье, которое, казалось бы, адресовано взрослым женщинам. Мода делится не на возрасты, а на стили. Каждый выбирает то, что соответствует его духу, самоощущению, настроению. И возраст здесь играет отнюдь не первую роль.

– Но тем не менее на улицах разительный контраст между тем, как одеты юные и взрослые.

– Думаю, это потому, что нашему старшему поколению вообще присуща внутренняя несвобода. Их учили жить, подчиняясь единым взглядам, единым вкусам, если хотите. Не отличаться от других, не выходить из ряда вон.

– Еще, наверное, немало значит возрастной консерватизм.

– Конечно. Пока пожилой человек привыкнет к новой моде и от-

важится ей последовать, она уже уйдет. А молодые, напротив, стремятся к новому безоглядно и в некоторых случаях не боятся быть даже смешными.

– На улице встретишь такое, чего никогда не увидишь на подиумах домов моды. Скажите, вам в вашей профессии помогает это стихийное творчество толпы? Как вообще художник-модельер ходит по улице?

– Моя мама мне нередко замечание делает: "Что ты так пристально людей разглядываешь? Неприлично!" А мне интересно. Сидя в четырех стенах и полагаясь лишь на собственную фантазию и знания, мало чего высидишь. А по улицам бродит столько несожиданных идей! Вот, например, твой зеленый бантик... А кто-то прицепит на плечо веселое украшение, даже не задумываясь, насколько одна маленькая деталь способна изменить весь облик.

– Так кто же в конечном итоге диктует моду – вы улице или она вам?

– Диктовать полностью – нет, никто никому не диктует. Можно говорить о взаимовлиянии. Художник должен работать в духе времени, и, как губка, впитываешь в себя по пылинкам уличное настроение, а потом все это подсознательно всплывает, когда работаешь над новой моделью.

– От демонстраций моделей обычно веет какой-то стерильностью, а улица – это грязь, шум, толчея. И не много общего найдешь между тем, что демонстрируют манекенщицы и носят обыкновенные люди.

– Тем не менее я всегда стараюсь работать для них и всегда прикидываю: вот если прямо с

подиума девушка может сойти в зал и отправиться в таком виде домой, хорошо, свободно себя при этом чувствуя, значит, вещь найдена.

— Молодежь тем временем предлагает собственные находки. Рваные джинсы, например, или...

— Дырки, голые коленки — это уже разговор не о моде. Человеку иногда хочется любой ценой вырваться из надоевшего стереотипа или самоутвердиться, эпатируя толпу: я такой, особенный, независимый! Рождается какая-нибудь новинка в одежде, иногда она нравится, приживается, но чаще остается однодневной сенсацией. Потому что "любой ценой" чаще всего приобретается не совсем эстетичный или нелепый вид. Кстати, ты, надеюсь, не думаешь, что это только молодые восьмидесятих — девяностых годов гораздо по части выдумки в одежде? Во все времена. Вот Маяковский, например, носил морковку в кармане.

— Ирина, а что вам, человеку, искусственному красоте, нравится и не нравится на улице?

— Честно говоря, редко увидишь действительно хорошо, спокойно одетого человека. Понимаю: нашим девушкам и парням выбирать особо не из чего. Но когда под джинсовую юбку надевают лакированные туфли на высоком каблуке и романтическую блузку, то тут уже дело не в бедности, а в эстетической неразвитости, неграмотности, попросту — в отсутствии вкуса.

— Вы сказали, что джинса несовместима с романтикой. Несколькими годами назад джинсовая одежда действительно была повседневной — будничной, рабочей, но сегодня можно увидеть красивые

джинсовые рубахи с кружевами, куртки с вышивкой...

— Я говорила о смешении стилей — это режет глаз. А в "джинсовом море" действительно пошла новая волна. Джинсовка, между прочим, все время меняет формы.

— Здесь, я думаю, не надо особо мудрить. Просто не придумано ткани лучше джинсы, она нравится людям, потому что удобна, красива, спокойна по цвету — не надоедает.

— И тем не менее сейчас остро ощущаешь потребность в чем-то совершенно новом.

— Вернее, в хорошо забытом старом. Оно в бабушкиных сундуках. Мне, например, хочется свой любимый хлопок сменить на что-нибудь легкое, прозрачное, текучее. Крепдешин — прекрасный вариант! Бабушки и мамы еще носили крепжоржет. Наверняка у многих хранятся эти платья.

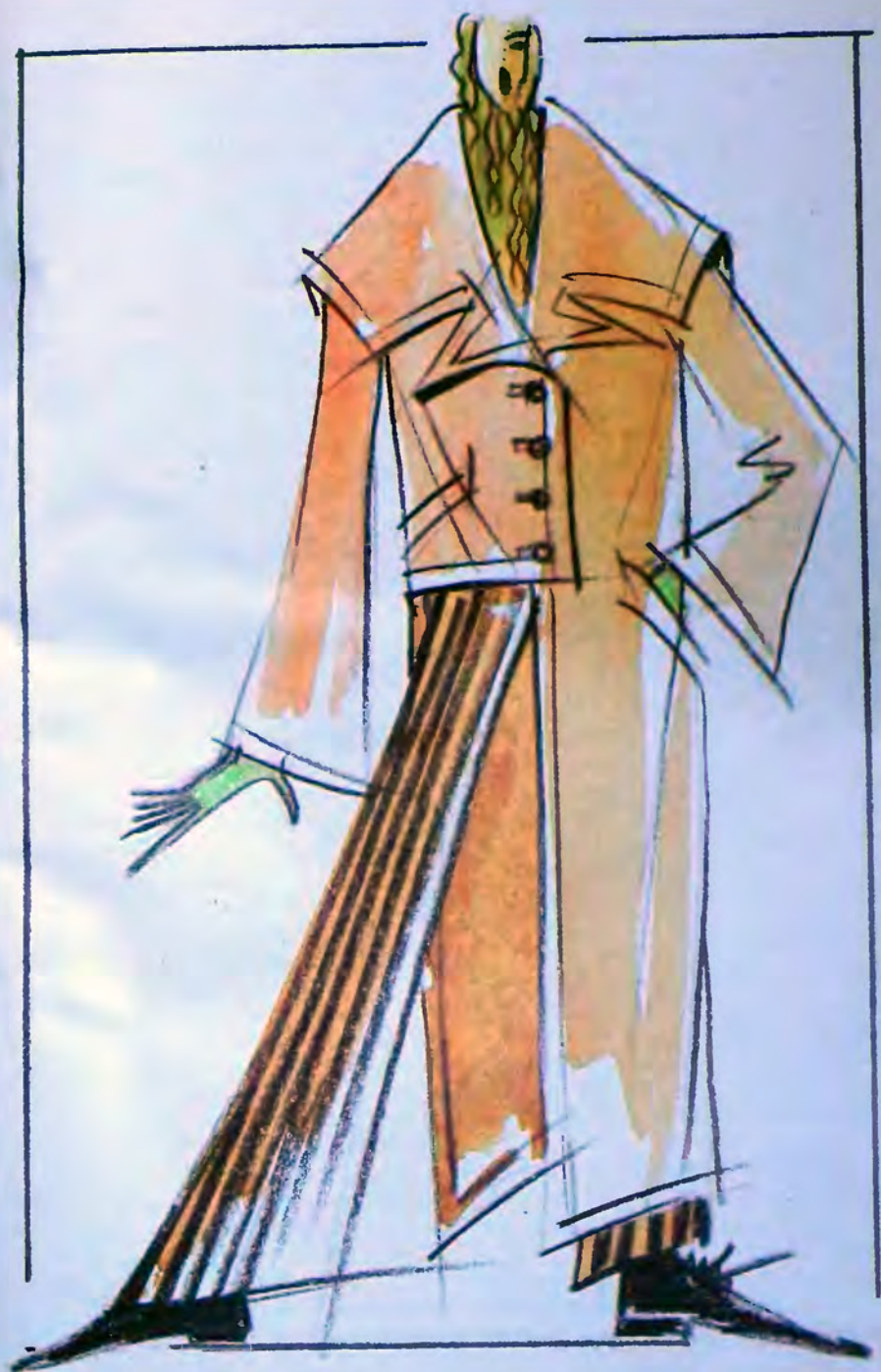
Сейчас нередко слышишь названия старых тканей, особенно от самостоятельных создателей моделей, когда они дают советы по телевидению, как из "ничего" сделать "ничего" в квадрате, а сбоку бантик.

— Ты сурова!

— Может быть. Но, слушая их, все время обращаешься к бабушке, которая, дай бог ей памяти, может объяснить, что представляет из себя тот или иной матерьяльчик и какая расцветочка продавалась на Тверской... А бабушкины вещи, те, что она носила после войны и в начале пятидесятых, почему-то действительно стали привлекательными. Приятно, что и вы об этом заговорили. Значит, улица понимает? У кого нет запасливой бабушки, тот идет на Тишинский

рынок и покупает у старушек рублевые юбки, ботинки под насмешливые взгляды взрослых. Вы это тоже обсуждаете?

— Нет. Комбинирование нового с тем, что было в ходу лет пятьдесят назад, приводит иногда к потрясающим результатам.

— А что, Ирина, вы сами носите? Как одеваетесь?

— Стараюсь, чтобы на новый сезон было несколько (подчеркну — не много) новых вещей и чтобы они сочетались со старыми. Люблю перемеривать то, что, на первый взгляд, пора выбросить. Меришь, пробуешь и — вдруг находишь что-то неожиданно интересное в сочетании обычного платья и шарфа, старой юбки и платка...

— Вот и молодежь ищет. Сегодня появилось платье из мешковины, завтра появится — из газеты, потом кому-то захочется ведро на голову надеть. Должен быть, на ваш взгляд, какой-то предел в полете желаний?

— Предел — внутреннее чувство.

— Нас как раз часто и упрекают в отсутствии этого чувства, в том, что одеты не к месту, не ко времени. Могу я, скажем, прийти на вечер в шортах?

— А почему бы и нет, если это шорты из хорошей ткани и хорошо сшиты, а к ним — соответствующий пиджак и обувь. Тогда не возникает впечатления, что ты забежала на торжество по дороге с пляжа. Шорты, кстати, сейчас очень модны.

— Как ни старается молодежь одеться повеселее, ее разноцветные майки, носки, шнурки все равно растворяются в общей мрачноватой гамме толпы. Вот если бы появился народ в ваших моделях, улицы заметно бы ожили. Думаю,

и читателям "Мы", которые видят их на фотографиях, они тоже нравятся. Вот бы такое купить!

— Ты коснулась большой проблемы: быстро ли эти вещи дойдут до покупателя, если им надо осилить кучу инстанций? Производственники — их тоже можно понять — отберут наиболее простые модели, да еще и сотворят что-нибудь с ними, ссылаясь на отсутствие нужного оборудования. Хотя один раз встретила свое платье в магазине и приятно удивилась: заменили ткань и получилось даже лучше, чем задумано. Так что будем ждать и надеяться на перемены.

— Ждать можно, но что сейчас вы нам посоветуете?

— Как говорится, нет худа без добра, и бедность толкает к поиску и фантазии. Так что изобретайте, фантазируйте. Если повнимательней приглядеться к улице, увидишь, что молодежь в основном все-таки слепо следует идее художника, да еще опробированной на какой-нибудь кинозвезде. Сама же ничего особенного не придумала и ходит... Вот ты, например, — в чем?

— Ну, джинсы, свитер...

— Ясно, как все. А ты повертись сегодня перед зеркалом...

Прямо скажем, я готова была к другому разговору, не предполагала, что человек, посвятивший себя большой моде, может так заинтересованно обсуждать с обыкновенной восемнадцатилетней потребительницей ее проблемы. И сегодня с утра у меня творческий зуд: сейчас придумаю себе что-нибудь эдакое, обомру у зеркала, а потом... Потом влезу в джинсы, пойду на улицу и буду завидовать тем, кто посмелее.

Нина ТИХОНОВА

РОК -

ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

РОК - ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

Андрей Расторгуев
Виктор Цой
Евгений Мамасев

ЛЮБЕРЕЦКИЕ МОТИВЫ

Группа "Любэ" возникла недавно, чуть больше года назад. И, как только появилась, сразу вызвала бурный гнев "истинных" рокеров. Причиной было то, что и в названии группы, и во внешнем виде ее участников – дюжих "накаченных" парней, и в первых же ставших шлягерами песнях недвусмысленно афишировался образ любера.

Я думаю, даже тем читателям, кто живет далеко от столицы, известно это слово, произошедшее от назваания подмосковного города Люберцы. Там действитель-

но проживает солист "Любэ" Николай Расторгуев. Однако понятие "любер" стало намного шире, чем обозначение места прописки.

"Их называют – гопники", – поет ленинградец Михаил Науменко (группа "Зоопарк"), припоминая более употребимое в Питере определение:

*"Их называют – жлобы,
их называют урлой,
а также лохами,
иногда шпаной,
их называют хамами..."*

Как видите, много имен у явления, в последнее время получившего еще одну кличку – любер.

А если покопаться в истории, то у него к тому же обширная родословная. Спросите у своего отца, и он наверняка вспомнит, как в его юности парни из барачных кварталов ходили бить стилиг. Еще раньше, будь то XVIII, XVII, а то и вовсе какой-нибудь век до нашей эры, чуть только возникало разделение на город и деревню, молодежь из предместья шла валтузить "привилегированных" сверстников.

Чаще всего именно молодежь. Во-первых, силушка играет. Во-

вторых, юные легко раздражаются внешними обличиями, и всегда с точки зрения зависти. Порой деревенский житель счастливее и богаче горожанина, но тот иначе одет, и это становится поводом для драки. Отчасти это всегда была игра: с той же обоснованностью дерутся улица на улицу, двор на двор. Впрочем, детская возня в миниатюре копирует взрослые войны.

В наши дни рокеры взяли на себя роль "инакоживущих", что всегда злит "народные массы". Объясню почему я поставила оба определения в кавычки. Дело в том, что те, кто посещает рок-концерты и одевается в стилистике рок-музыкантов, отнюдь не всегда такие уж "иные". Хотя правда и то, что раз они заинтересовались музыкой другой, чем звучит по масс-медиа, то зачастую разыскивают и книги иные, чем пользующиеся успехом в сельских библиотеках, короче — стремятся к интеллигентности. Истина и то, что они очень часто толком нигде не работают, но щеголяют при этом в кожаных куртках и импортных джинсах, что возмущает "защитников народа" уже вполне справедливо.

Однако и защитнички — не совсем "народ". К делу их дискредитации истово приложились и кинематограф, и пресса, и сами рокеры. Многочисленные Арлекино шизойдно сбрасывали патлы у пирически — добропорядочных хиппи. Подкупленные властями урки зверски уродовали Бананов в милицмейских застенках. Последним откровением подобного рода стал фильм "Такси-бюз", где типичный любер-таксист глумится над в сущности

таким же, как он, совершенно беспутным, несчастным и противным джазистом, которого изобразил Петр Мамонов.

Ни одна из картин, на мой взгляд, к существу вопроса не приблизилась. Вероятно, круто замешанные проблемы социального неравенства и этики плюрализма невозможно решить методом художественного эпатажа, к тому же нередко претендующего стать лозунгом, односторонне формулирующим "истину в последней инстанции".

Столь длинная преамбула совсем не безразлична для рассказа о "Любэ". Оценивая "Любэ", рокеры мгновенно поддались на ошибку, которая долгое время кормила их собственных противников. Они вменили в вину группе пропаганду люберизма. Но точно так же, когда рок-авангардисты изображают алкоголиков, наркоманов, проституток, зрители склонны отождествлять артистов с их персонажами.

Правда, у "Любэ" действительно нет явно пародийной окраски. Они попытались взглянуть на явление серьезнее. Пока рокеры устраивают карнавалы, где один шоумен раскрашивает другому брюки крупными клетками (такой считается униформа любера), а толпа приученно негодует, зная, что ей "по штату положено" освистывать муляж гопника...

Группа показала ситуацию с другой стороны. Жизнь, понимаешь, страшная и тяжелая. "Будь агрегат, дуся, на сто киловатт", — шеплет "Любэ", а то ведь в самом деле не выживешь. Я лично тоже не считаю, что слабосильным хлюстом, маменькиным сынком

или чьим другим приживалкой быть достойнее, чем туповатым работягой. И вовсе не все хамы и жлобы подкуплены, как не все стилиаги состоят на дотации ЦРУ. Им бы...

Впрочем, мы всегда отличались тем, что у нас в любой исторический период в каждой газете можно найти указатель кратчайшего пути к светлому будущему. Не стану уподобляться. Напомню только, что рок-революция в Союзе не состоялась. И нынче именно попсовые команды, не гнушающиеся изобразить то кооператора, то рэкетира, то любера, смотрятся актуальнее, чем настаивающие на своих мифах рок-музыканты. Я имею в виду перебежчиков из рок-стана типа "Зодчих", группы "Фэн-о-мэн", заметьте, почти воспевающих рэкет – Робин Гуда, и той же "Любэ".

Мне меньше нравятся лирические соло Расторгуева. Но все последующие песни группы продолжили "люберецкую" тему в самых неожиданных ракурсах. Однажды возникший имидж зажил, не исключено, даже заметно для самих музыкантов.

Спел Расторгуев про Жеглова, и славный чекист обнаружился тоже бандитом, предтечей любовров. Собственно, этот вопрос дискутируется и в фильме, а в песне-то ничего особенного нет. И все-таки именно в лице солиста "Любэ" цепочка стала наглядной.

Спел Расторгуев про игрока в рулетку, опять нанизывается. Чем этот разгулявшийся купчик, или задуривший барин, или фраер лучше нынешнего гопника? Тоже пускает жизнь под откос.

Возможно, на вас песни группы "Любэ" не навевают столь вити-

еватых размышлений. Что ж, сами музыканты утверждают, что название их коллектива на самом деле обозначает украинское слово "любэ" – то есть "все, что угодно".

Работать на максимально широкую аудиторию стремятся все артисты "Любэ": бас-гитарист Александр Николаев, гитарист Вячеслав Терешонок, барабанщик Ринат Бахтеев. А также участники, на сцене не присутствующие. Директор коллектива Олег Головкин. И самые главные люди: композитор и музыкальный руководитель Игорь Матвиенко и автор текстов большинства песен "Любэ" Александр Шаганов.

Замечу, что все они молоды. Например, поэту всего двадцать пять. Однако сотрудничество с "Любэ" для него далеко не дебют. Присмотритесь внимательнее к конвертам пластинок ваших любимых групп, вы встретите имя Шаганова. Скажем, знаменитая "Владимирская Русь" группы "Черный кофе" – его работа.

Итак, "настоящие" рокеры с сожалением глядят, как их музыкальные приемы тиражируют поп-серы. Ту же "Любэ" явно украшают элементы харда.

А лучшие из поп-звезд заимствуют еще и заветы рокеров. Они не закрывают глаза на жизнь такую, какая она есть. Не пытаются нарочно не видеть нежелательных явлений или превращать их в очередной жупел, ничего не объясняя. Не упускают и то, что отношение к этим явлениям бывает далеко не однозначным. Актеры стараются вникнуть, понять и, простить? Я думаю – разобраться и, может быть, помочь человеку стать человеком.

МАЛЕНЬКИЙ "НЮАНС"

Спросила я как-то у одного не слишком чистоплотного в финансовых расчетах и интимных связях официанта кафе – не боится ли он находиться в группе уголовного и медицинского риска? Он ответил: "Нет. В случае чего, хоть во "Взгляде" покажут".

Да, этот парень вправе рассчитывать на популярность. Заслужил делом. Но если вы не вор, не проститутка, не рэкетир, не кооператор, не жертва режима, не даже бюрократ или сирота – у вас, предвижу, будут осложнения с прессой. Трудновато придется с сочувствием и вниманием.

Говорят, в Японии изобрели звуконепроницаемые будки, которые, вроде телефонных, стоят на каждом углу. Нормальный, по анкете благополучный человек не станет кричать о своих "неэффективных" несчастьях публично. В момент нервного перенапряжения он может зайти в такую будку, вволю наплакаться и тем самым разрядить накопившиеся стрессы. Впрочем, ссылки на Японию – это опять из привычек программы "Взгляд".

Мы же проще живем. Расслабляемся без всякого вмешательства прогресса. Ты "обложишь" меня, потом я тебя, покричим, подеремся. Вечером нас урезонит, успокоит, усыпит Кашпировский, утром приведет в чувство Чумак. Нормально...

Однако есть и другие энтузиасты.

У нас судьбой обычного человека, нет, не маленького, просто обыкновенного занялась московская рок-группа "Нюанс". Герой песен "Нюанса" вроде бы не вправе рассчитывать на милосердие к себе, раз удалось ему избежать политической мясорубки, не отрезало ноги трамваем и даже яблоки в соседском саду он не ворует. Он — ноль в много-

значных цифрах статистических сводок. Он подразумевается в обобщении "весь народ" и давно перекочевал вместе с этим определением в хвост именного списка, растворившись в графе "и другие".

Выступая в землистого цвета гриме и театрально разорванных в лоскуты сценических костюмах, музыканты "Нюанса" отнюдь не намекают, будто буквально таковы все прототипы их персонажей. Точно таких "привидений" в жизни вообще нечасто встретишь. Это материализовался на сцене и многократно усилился в резонансе толпы крик, который каждый слушатель сдерживает в повседневности. Крик мечется, сыплется кульбитами с пандусов, взбирается на верхотуру ярусов, воплотившись в фигуре каскадера и клавишника Андрея Шмыгова.

Это напоминает театр абсурда, странный по форме, но точно передающий ощущение современной действительности. Вот так же персонажи пьесы Беккета тщетно ждали своего Годо, как главный герой "Нюанса", вокалист и гитарист Павел Титовец, в каждом звуке слышит приход друга, окликающая его в одной из песен прозаическим именем Семен.

Музыкальные композиции групп построены на нерифмованных разговорных фразах, не теряющих житейской интонации в постоянно переизбыточном эмоциональном накале. И потому так щемяще звучит голос певца. Но вместо долгожданного друга ему является "тень" с вполне обыкновенными предложениями то уплатить штраф, то застраховаться. Подобные указания, впрочем,

совершенно абсурдны по отношению к человеку, у которого нет ни денег, ни сколько-нибудь ценного имущества. Пожалуй, что и жизнь такую, где редкостны не призраки, а самые обиходные предметы и понятия, не стоило бы страховать. ("Мы живем в городе братской любви, нас помнят, пока мы не платим за свет", — переключается с "Нюансом" свердловский "Наутилус помпилиус".)

Мне кажется, биографию сценического персонажа "Нюанса" не удастся свести к судьбе, скажем, лимитчика, втиснуть в узкие рамки одной социальной категории, даже воспользовавшись "подсказкой", данной в песне "Ублюдок". Там песенный герой рассказывает о своей "карьере" — от обязательного среднего образования к работе грузчиком. На всем этом ординарнейшем, без претензий пути человека преследуют оскорбления: дурак, кретин, недоумок, дебил. Подобная концентрация унижений — опять-таки не доподлинный слепок с реальности. Песня указывает тенденцию — сизмальства и постоянно напоминать человеку "его место". А поскольку все возвышенности, как правило, заняты (об этом свидетельствует "Нюанс" в композиции "Стулья"), то удобнее внушать ближнему, что его место на полу, ниже пола. Так понятие "народные массы" переводится в значение "подонки общества".

В отличие от многих копий по жанру "Нюанс" ничуть не старается романтизировать своего песенного героя. В вопле — "Я болен!" — нет попытки покрасоваться хотя бы бедой. Персонаж готов "не высовываться" ни вверх, ни вниз. Единственно, чему музы-

канты справедливо удивляются, это дополнительному садизму и в без того жестоком раскладе жизни. Единственно, против чего протестует их герой, это чтобы "хитрые врачи" заставили его еще и радоваться такой жизни.

Музыкальную картину, создаваемую "Нюансом", можно сравнить с рушащимся под бомбардировкой городом. Напряженные паузы чередуются со звуковыми атаками, столь мощными, что в московской рок-лаборатории, где начинал "Нюанс", группу по первости причислили к хард-року. "Прошибить" аудиторию металлистов, достаточно пристрастных в своих вкусах, нелегко. Однако "Нюансу" это удалось, и зрители отметили группу как наиболее оригинальную и убедительную.

Руководитель и бас-гитарист группы Николай Горенко и барабанщик Сергей Титовец начинали в 1982 году действительно с хард-рока вместе с Владимиром Бажиным, в дальнейшем — лидером "Тяжелого дня". До размежевания "Нюанса" с "Тяжелым днем" в 1986 году с ними играли гитаристы из "Черного кофе" Никаноров и Чесноков.

Если продолжить сопоставление композиций "Нюанса" с бомбардировкой, то у музыкантов она временами представлена как бы в кинорапиде: изысканные пассажи в духе арт-рока позволяют проследить полет каждого звука, движение каждой музыкальной фразы детально.

Вообще градации направлений в современной рок-музыке достаточно размыты. Музыканты свободно черпают из самых разных источников и, если им удастся

озарить результат неповторимостью собственной индивидуальности, значит, – удача.

То, что исполняет "Нюанс", – это не песни в строгом смысле, не концертная программа. Это, пожалуй, ближе к авангардистской опере или музыкальной драме. Поэтому особенно любопытно, что ни у кого из группы нет музыкального образования, кроме Паши Титовца, который окончил музыкальную школу.

Принято объяснять – сочиняют душой. В случае с "Нюансом" так оно и есть, их композиции рождаются из репетиционных импровизаций. При этом играть ребята могут днями напролет, полностью входя в состояние своих сценических персонажей. Вдребезги разбить рояль в жэковском красном уголке и уж произвести много шума – им запросто. Других репетиционных помещений музыкантам до последнего времени не предоставляли, а из тех, куда пускали, вскоре с возмущением прогоняли.

Да, ребята крутые. Даром, что, встретившись, толком не знали, "как надо" играть. Шмыгову клавишные тогда впервые показали, до этого он занимался карате. Он не мог различить музыкальные стили по названию, но, импровизируя, нажимал нужную клавишу. Как играть: стоя, пежа, прыгая, повернувшись к инструменту спиной – ему все равно. Это случается от большой учености, но может идти и от незакомплексованности.

Также Павел Титовец играет на гитаре в пубой позе не столько, чтобы виртуозность показать, а естественно двигаясь по ходу музыкального спектакля. Впечатля-

ет, как он ни на секунду не выходит из образа, не начинает позировать, даже когда к нему вплотную подходят со съемочной камерой.

Я видела, что на представлениях "Нюанса" зрители не дрыгаются, не подпевают. Самая непоседливая панк-аудитория замирает, буквально столбенеет и еще долго потом сохраняет потрясенное молчание.

– Нравится ли ваша группа кому-нибудь, кроме музыкальных гурманов? – спросила я артистов "Нюанса".

– Некоторым нравится...

– Мы – городская группа, в сельской местности нас чувствуют хуже, – замечает Горенко. – В городах образуется осведомленная в музыке рок-тусовка, еще поэтому легче. Заводской молодежи может не то чтобы не понравиться, просто спросят: "А из репертуара Никопаева ничего не споешь?" Они так приучены.

Музыканты "Нюанса" медленно пополняют свой репертуар. Неужто исчерпали темы?

– Мы – некоммерческая группа, – рассуждает Горенко, – стараемся идти нетрадиционными путями.

Поездили по стране, там забитые, серые люди. Есть провинции, где о перестройке вообще ничего не слышали. В Казахстане мы видели самых настоящих баев, с появлением которых на пляже или еще где простой люд в шею разгоняют. Сюжетов для наших песен хватит еще надолго.

В Москве группе помог "раскрутиться" Химкинский молодежный культурный центр. После выступления на летнем фестивале Свердловского рок-клуба в

1988 году группу узнали и начали приглашать во многие города страны.

"Нюанс" побывал в Праге на "Рок-фестивале-88". Об этом выступлении артисты рассказывают так:

— Вообще-то там была одна попса, для чехов это вроде нашей "Песни года". Но аппаратура великолепная. Нас сперва за русских никто не принимал, считали — в России так играть не умеют. Спрашивали — в какой стране мы заказывали гитары? А у нас инструменты самодельные — опять никто не верил.

Во время советско-американской акции "Гринпис" Стас Намин организовал выступление "Нюанса" для зарубежных музыкантов. Питер Гэбриэл назвал "Нюанс" самым ярким своим впечатлением о советском искусстве и высказал предложение оказать группе продюсерскую помощь на мировом рынке грамзаписи и концертирования. Френк Заппа сыграл с "Нюансом" джем, который был записан Би-Би-Си и с успехом демонстрировался по американскому телевидению.

К "Нюансу" проявил интерес Союз композиторов РСФСР. В 1987 и 1988 годах группа была участницей фестиваля "Московская осень", в целом посвященного разнообразным направлениям классической музыки, но в последние сезоны включившего в свою программу наиболее интересные явления рок-авангарда.

И приглашения из-за рубежа не замедлили последовать. Франция, Швеция... "Маленькие" поди всех стран теперь могут рассчитывать на сочувствие, им делится группа "Нюанс".

ЗНАКОМЬТЕСЬ – ВАЛЕРИЙ ПАНКОВ

Впрочем, многие из вас наверняка слышали песни в исполнении Валерия Панкова. Он — выходец из студии "Рекорд", задуманной некогда композитором Юрием Чернавским как "фабрика юных звезд". Там Панков "косил" под Преснякова-младшего и, надо сказать, с успехом. На недавно выпущенном "Мелодией" диск-гиганте, где под названием "Детство, юность..." поют двое выпускников "Рекорда" — Панков и Раиса Саед-Шах, Валерий исполняет ряд композиций звонким "пресняковско-джексоновским" фальцетом. Запоминается его голос и по радио, и по телепередачам. Однако в общем-то похвальное замечание, которое нередко бросали слушатели: "Это тот, который на Пресняка похож", — показалось обидным Валере.

Хотя сам Пресняков-младший никогда не жаловался на удачное себе подражание. А возможно, как и Майкл Джексон по отношению к самому Преснякову, просто не видел прецедента плагиата в том, что артисты поют на одном и том же звуковом уровне. Так же

обладатель баса или баритона нормально относится к существованию коллег. Важны ведь ма-нера исполнения, душа, индивидуальность. А они разные. Поэтому Панкова с удовольствием приняли в компанию Пресняков, Сергей Минаев и Владимир Маркин, с которыми он путешествовал некоторое время по стране.

И все-таки останавливаться на достигнутом Валере не захотелось. У него ведь, что редкость для сегодняшних эстрадных певцов, действительно прекрасный голос, причем очень широкого диапазона. Он и сам толком не знает, не подшучивал ли над друзьями, выбрав для начала творческой карьеры фальцет. А может и баритоном. Может...

Опыт юмора и интерес к разным жанрам привились Панкову в группе "Последний шанс". Это давнишний коллектив первых московских рокеров и мимов, ставший своеобразной школой для артистов. Здесь поют полудетские песенки, тут же разыгрывают сценки по их сюжетам и аккомпанируют веселью на смешных музыкальных инструментах: дуделках, свистелках, трещотках и... "шлагбауме" – палке с единственной струной в виде веревки и барабаном в роли резонатора.

Панков рассказывает:

– В "Последнем шансе" я играл на гитаре, бас-балалайке, колокольчиках. И еще заметил, что могу одновременно петь мелодию песни и воспроизводить звучание ритм-секции. Многие не верили, думали, где-то спрятана фонограмма или ритм-компьютер. А вентролог, или, по-простому говоря, чрево вещатель Раиса Ви-

ноградова объяснила – это из их "чародейского" мастерства.

Так в репертуаре Валеры появился номер "Воображаемый фестиваль", где артист подражает попеременно то Робертино Лоретти, то Луи Армстронгу, то Полу Маккартни, Крису Норману, Сюзи Кватро, а то индийской певице. Очень похоже, разнообразно, неожиданно и смешно.

А что же всерьез?

Валера учился в школе и помогал маме, которая одна воспитывала его. Чтобы вырасти настоящим мужчиной, занялся всерьез спортом. Играл в футбол, а после увлекся тяжелой атлетикой. Сдал на первый юношеский разряд и... ушел. Манила иная привязанность.

Пел Валера с 12 лет. На школьном концерте его примитили студенты МИФИ и пригласили в свой ансамбль. Панков быстро сделал группе популярность в кругах московских меломанов, прослышавших о вундеркинде, исполняющем арии Иуды из "Иисуса Христа – Суперзвезды", композиции из репертуара "Блэк Саббат", "Юрай Хип", "Дип Пепл".

Однако, как ни привлекало пение, оно казалось Валере не мужским занятием.

– Как это актеры берут деньги за то, что для нормального человека – просто отдых и удовольствие? – до сих пор недоумевает певец.

Поэтому поступил в МАИ. Только там самым интересным оказалось для Валеры ездить в пионерлагерь вожатым, где его очень полюбила детвора, радуясь песням своего практически сверстника. Обретение собственной ау-

дитории, пожалуй, решило дело. Панков устроился в Карельскую филармонию, а вскоре вновь вернулся в Москву уже артистом.

И не один. В Петрозаводске Валера встретил и полюбил девушку, талантливую тенор-саксофонистку Ларису. Теперь они вместе. Вместе репетируют, вместе занимаются спортом – Лариса обожает йогу. А когда молодая супруга остается одна, она мастерски вяжет и шьет, кажется, из всего, что попадется под руку. Получаются замечательные концертные костюмы для нее с Валерой. Однажды связала "кольчугу" из елочного дождя – Кристиан Дитор бы позавидовал.

Сценический образ Панкова точно уловил режиссер Георгий Гахокия, снявший музыкальный фильм "Если хочешь быть счастливым". Валера сыграл в этой картине сразу две главные роли. Одна – современный молодой человек. Таков Панков на первый взгляд. Другой персонаж – сказочный Иванушка, который уже почти царевич, но сохранил трогательную непосредственность, немного наивное обаяние, прелесть доброту.

Панков по-хорошему сентиментален. Всякий раз на его глазах появляются слезы, когда он поет песню на стихи сибирского поэта Анатолия Чикова и музыку бывшего клавишника группы "Диалог" Сергея Васильченко "Смерть пальто". Это действительно впечатляющая история про мальчика, умеющего чувствовать жизнь в мелочах, а значит, сумевшего понять ее и после, когда вырастет.

В репертуаре Панкова много

развлекательных, танцевальных песен, композиций о любви. Лично мне больше всего нравится недавняя работа Валеры – джазового толка композиция "Наш велосипед". Сочинил ее Алексей Аедоницкий (сын известного Павла Аедоницкого). Сам он подвязался на аппаратуре в группах "Гулливёр", "Редкая птица" и других, не слишком известных. И пять лет искал нужного исполнителя для своей песни. Теперь нашел.

– Валера, судя по всему ты ищешь авторов своего репертуара среди приятелей-музыкантов?

– Да, еще пацаном я обожал тусоваться в рок-командах. Познакомился с Константином Никольским из "Воскресенья", с его композициями социального содержания выступал на конкурсах политической песни, занимал призовые места. В моем сегодняшнем репертуаре, например, песня "Пойдем со мной" Владимира Якушенко, бывшего барабанщика "Автографа".

А вот последняя новость – я записал несколько песен "в английской манере" – нет, всерьез – и, конечно, на английском языке. Товарищам нравится, говорят, на Западе произведет эффект.

– Ну что ж, пожелаем тебе успеха покорять отечественные и зарубежные сцены. А что ты хотел бы пожелать читателям нашего журнала?

– Знаете, среди моих песенных персонажей нет злых, негативных героев. Я хотел бы видеть в зрительных залах добрые глаза и улыбки. Хотел бы, чтобы люди относились с симпатией друг к другу всегда, верили друг в друга.

Человек очень разнообразен,

даже в том случае, когда
столько критики, а не
дать в свои песни, а не
туар, пестрым
фонный альбом
лектика". Нет, им
хаотичная меланхолия
именно широта их взглядов,
рыми подчас переживают
в жизни. Однако, тем не
я хочу, чтобы каждое поколение
человека было добрым.

Валера
Панков

61

СИНДЕРЕЛЛА, СКИД РОУ
И ДРУГИЕ РОК-СОЗВЕЗДИЯ
И ЗВЕЗДЫ
ИДУТ НАВСТРЕЧУ ТЕМ,
КТО ОКАЗАЛСЯ
ИЛИ МОЖЕТ ОКАЗАТЬСЯ В БЕДЕ.

Читайте в номере
очерк

"Наркомания без сенсаций"

Фото Михаила СТЕПАНОВА

ЦЕНА 80 коп.
ИНДЕКС 70554